

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Степаненко Никита Сергеевич

**ЛОКАЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ (1830–1860-Е ГГ.)**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Клычников Юрий Юрьевич

Пятигорск – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. Российские перебежчики среди горцев Северо-Западного Кавказа в 1830-1860-е гг.	29
1.1. Социально-политическая ситуация в Российской империи и причины незаконного перемещения населения.....	29
1.2. Обстоятельства появления и проживания российских подданных среди горцев Северо-Западного Кавказа из числа военнослужащих.....	40
1.3. Бегство казаков к горцам Закубанья.....	53
1.4. Отношение адыгов и российских властей к перебежчикам.....	73
2. Переселение горцев на территорию, контролируемую российскими властями, в 1830-1860-е гг.	104
2.1. Социально-политическая ситуация в Закубанье и переход на российскую сторону представителей адыгской аристократии.....	104
2.2. Бегство в Россию представителей зависимых категорий адыгского общества.....	141
2.3. Переселение в российские пределы жителей Закубанья неадыгского происхождения (на примере армян).....	162
Заключение.....	176
Список использованных источников и литературы.....	183

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Региональная тематика всё более востребована в современной науке. Без понимания особенностей протекания исторического процесса на отдельных территориях невозможно в полной мере воссоздать целостную картину развития России в прошлом.

История российско-горского взаимодействия первой половины XIX в. достаточно противоречива. Она содержит большое количество примеров, как военного противостояния, так и созидательной деятельности. Поэтому важно продемонстрировать все особенности взаимоотношений народов региона в период «Кавказской войны» во всём их сложном многообразии. Одной из таких граней являлся добровольный переход российских подданных к горцам Северо-Западного Кавказа и наоборот – перемещение горцев под покровительство России.

Для большинства военных конфликтов характерно такое явление как переход представителей противоборствующих сторон в противоположный лагерь. С древнейших времен в памяти народов имена Гая Марция Кориолана, Алкивиада, Андрея Курбского и многих других ассоциировались с предательством. Но такая ситуация аксиомой не является. В условиях «Кавказской войны» взаимные индивидуальные и групповые переселения не были столь уж редким явлением. Более того, российская военная администрация и горцы выработали специфическое отношение к беглецам, что позволяло последним не только переходить в другой лагерь, но и возвращаться обратно. Они играли важную роль межкультурных коммуникаторов, заложивших одну из основ для интеграции региона в состав Российской империи.

В постсоветской России вышло достаточно много работ, в той или иной степени затрагивающих события, разворачивавшиеся на Северо-Западном Кавказе в 30–60-е гг. XIX в. Однако проблема взаимных переходов россиян и горцев имеет много белых пятен. Это дополнительно актуализирует тему.

Термин «Кавказская война» взят нами в кавычки, т.к., по нашему мнению, он не в полной мере отражает суть происходивших в то время событий. В.В. Лапин охарактеризовал данное явление, как лишённое внутреннего единства и существующее в виде устоявшейся словесной формулы исключительно благодаря территориальной локализации действий вооруженных сил России¹.

Тема локальных переселений на Северо-Западном Кавказе в условиях интеграции региона в состав Российской империи в 1830–1860-е гг. наглядно показывает, что такое многоплановое историческое явление как «Кавказская война», нельзя сводить только к вооруженным столкновениям. В этот период шёл процесс взаимопознания и взаимовлияния народов, которому помогали перебежчики и переселенцы между подконтрольными и неподконтрольными Российской империи территориями. Постоянная миграция населения преобразовала демографическую структуру Северного Кавказа. Политика российских властей и отношение общества к переселенцам напрямую или опосредованно способствовала процессу выстраивания полиэтничного сообщества и эффективного межличностного сотрудничества в регионе в рамках единого государства.

Объект изучения – миграционные, социальные и этнополитические процессы на территории Северо-Западного Кавказа.

Предмет изучения – особенности локальных переселений на Северо-Западном Кавказе в условиях интеграции региона в состав Российской империи в 1830–1860-е гг.

Хронологические рамки исследования охватывают 1830–1860-е гг. В качестве нижней хронологической грани взят 1829 г., когда был заключён Адрианопольский мирный договор между Османской и Российской империями. Согласно его условиям, право владения восточным побережьем Чёрного моря и обширными территориями на левом берегу Кубани перешло России. Однако фактически она их не контролировала более 30-ти лет. В этих усло-

¹ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. С. 10.

виях и происходили локальные переселения. Верхней хронологической границей является 1864 г., когда завершились военные действия на Северо-Западном Кавказе.

Вторая треть XIX в. является хронологическими рамками данной работы. Однако мы допускаем экскурсы в более ранние и поздние временные периоды, чтобы полнее осветить причинно-следственные связи темы.

Территориальные рамки диссертации в основном охватывают территорию Северо-Западного Кавказа (современные Краснодарский край и Республика Адыгея).

Во второй трети XIX в. в указанном регионе существовали следующие административные образования Российской империи: Область Войска Черноморского (Черномория) и Правый фланг Кавказской линии.

С севера на юг Черноморское казачье войско заселило пространство от реки Ея до реки Кубань. Черноморская кордонная линия являлась рубежом контролируемых Россией территорий. Это была цепь укреплений и постов, расположенных по правому берегу Кубани от Черного моря до поста Изрядный источник.

Далее находились укрепления и станицы Кубанской линии, являвшейся частью правого фланга Кавказского линейного казачьего войска. Они простирались от Усть-Лабинской крепости на западе до станицы Баталпашинской на востоке. В 1841 г. была образована Новая (или Лабинская) линия. Пространство между Лабой и Кубанью заселялось линейными казаками.

В 1837 г. на восточном побережье Чёрного моря был заложен ряд укреплений. В 1839 г. они составили Черноморскую береговую линию, которая просуществовала до 1854 г. и была оставлена российскими войсками в период Крымской войны. На указанных территориях доминировало восточнославянское население.

В Закубанье (Левобережье Кубани) проживали многочисленные адыгские и абазинские этнотерриториальные группы (натухайцы, абадзехи, шапсуги, убыхи, джигеты, бжедуги, темиргоевцы, бесленеевцы и др.).

Мы допускаем возможность выхода за пределы указанных территориальных рамок для того, чтобы сравнить особенности локальных переселений на Северо-Западном Кавказе с другими частями региона и сопредельными странами.

Степень изученности темы. Отдельные аспекты темы нашего диссертационного исследования освещались в работах отечественных и зарубежных историков. При этом мы не ставили перед собой цель создания историографического труда, что обусловило определённые пробелы в нашем обзоре привлечённого массива литературы. Вместе с тем задействованные работы позволяют фундировать авторское представление о сути явления, которое мы относим к понятию «локальные переселения».

Над темой перебежчиков в той или иной степени работали представители дореволюционной исторической науки. Весомый вклад в исследование проблемы беглецов на Северо-Западном Кавказе внёс Ф.А. Щербина. Во втором томе «Истории Кубанского казачьего войска» он выделил главу для освещения деятельности российских перебежчиков¹. С другой стороны, исследователь уделил внимание переходам на контролируемые Россией территории горцев Закубанья². Историк Тенгинского полка Д.А. Ракович достаточно подробно охарактеризовал мотивацию российских солдат к побегам в Закубанье³. В.А. Потто показал яркий образ неизвестного перебежчика, сражавшегося на стороне закубанцев⁴.

Историк императорского конвоя генерал-майор С.И. Петин описал службу представителей коренных народов Кавказа в этом элитном подразделении⁵. Для многих горцев, перешедших на российскую сторону, армия была

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 957.

² Там же. С. 719.

³ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. Тифлис, 1900. С. 35.

⁴ Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 439–440.

⁵ Петин С.И. Собственный его императорского величества конвой: Ист. очерк: [С прил.] / сост. С. Петин. СПб., 1899. С. 5.

социальным лифтом, с помощью которого они улучшали своё социальное и материальное положение.

В советский период тема российских перебежчиков среди горцев Северного Кавказа не была популярна. Зачастую отдельные эпизоды пребывания дезертиров в горах объяснялись «безграничным чувством классовой ненависти, а также, ещё более безгранично высоким чувством классовой солидарности»¹. Тем не менее, некоторые советские исследователи в той или иной степени изучали проблему перебежчиков. Историк и этнограф М.О. Косвен обратил внимание на дело беглого сотника С. Атарщикова, которое назвал «примечательным эпизодом из истории русско-горских отношений далёкого прошлого»². К 80-м гг. XX в. жёсткие идеологические установки значительно ослабли. В обобщающем труде по истории народов Северного Кавказа достаточно взвешенно описывался пример нахождения беглых солдат российской армии в имамате Шамиля³.

Советская историческая наука уделяла значительное внимание социально-экономическим процессам в горских обществах Северо-Западного Кавказа, обращалось внимание на рост имущественного и социального расслоения, недовольство горских низов своим положением и др. Часто эти факторы побуждали горцев бежать в российские пределы⁴.

Для постсоветской (современной) историографии по тематике локальных переселений характерно многообразие трактовок. Ряд историков характеризует горцев, служивших в российской армии, как предателей⁵. С другой

¹ Кокиев Г. Осетины во II половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе, 1940. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1780-1800/Steder/pred2.htm> (дата обращения: 12.06.2021).

² Косвен М.О. Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М., 1961. С. 254–256.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 154.

⁴ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 183; Керашев А.Т. Беглые адыги в России в XVIII – начале 60-х годов XIX века // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп, 1991. Вып. VIII. С. 244.

⁵ Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., Алешин Н.Е., Кушу А.А., Шеуджен Б.Е. Земля адыгов. Майкоп, 2004. С. 154.

стороны, Е.В. Брацун утверждает, что в годы «Кавказской войны»: представители горских народностей Северо-Западного Кавказа воевали на стороне России. По его мнению, это доказывает, что не все адыги в рассматриваемый период видели в лице России своего врага. Сходное мнение высказывает видный исследователь темы А.Т. Урушадзе¹. Многие из них получали образование в разных городах империи². Военная служба и связанные с нею преимущества привлекали горцев к переходу под российское покровительство. Многочисленный список генералов и офицеров из числа адыгов опубликовал А.В. Казаков³. А.Д. Вершигора уделил внимание службе представителя адыгской аристократии, этнографа Султан Хан-Гирея⁴.

В современной исторической науке существуют неоднозначные оценки, касающиеся причин бегства российских солдат к горцам Северного Кавказа. Коллектив авторов одной из монографий о «Кавказской войне» полагает, что русские солдаты и поляки добровольно переходили к Шамилю из-за отрицательного отношения к завоевательной политике царского правительства и хотели влиться в ряды действительно свободных горцев⁵.

С другой стороны, исследователи стали обращать внимание на иные мотивы побегов нижних чинов. Они были более прозаичными, мало связанными с политикой и высокодуховными идеалами. Например, Ю.Ю. Клычников осветил переход в горы криминального элемента из каза-

¹ Брацун Е.В. Горцы Северо-Западного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII – XIX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014. С. 19; Урушадзе А.Т. Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.): посредник, маргинал, предатель // Журнал фронтальных исследований. Астрахань, 2020. Т. 5 № 4 (20). С. 127–151.

² Перетягко А.Ю., Трапш Н.А., Шафранова О.И. Аварская лингвистика в Новочеркасской гимназии 1850–1860-х гг.: опыт инкорпорации кавказских горцев в имперское культурное пространство // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, № 10 (108).

³ Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры (середина XVI – начало XX в.). Нальчик, 2006. С. 102.

⁴ Вершигора А.Д. Хан-Гирей: новые документы и источники. Нальчик, 2003. С. 26.

⁵ Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. / рук. А.И. Османов. Махачкала, 2006. С. 432.

чьей среды¹. Т.Г. Письменная подняла проблему бегства в горы староверов². С.Л. Дударев описал бытовые причины локальных переселений³. Д.С. Дударев высказал идею о том, что российские перебежчики объективно выполняли роль коммуникаторов, через которых шёл процесс установления связей между горцами и Россией⁴.

Современные исследователи и публицисты в своих работах поднимают тему бегства российских солдат и других подданных в Персию⁵, Турцию⁶ и в имамат Шамиля в первой половине XIX в.⁷ Сравнение примеров дезертирства в разных приграничных районах империи помогает полнее понять особенности локальных переселений в указанных нами выше территориальных рамках.

В последнее время историки всё чаще стали писать о роли армии⁸ и российских перебежчиках на Северном Кавказе. Достаточно глубоко эту тему в своей монографии раскрыл В.В. Лапин⁹. Также историк описал особенности службы представителей народов Северного Кавказа в российской армии. Пристальное внимание исследователей вызывают случаи дезертирства

¹ Клычников Ю.Ю. Казаки-перебежчики в годы «Кавказской войны»: исторические сюжеты // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы девятой междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конф. Армавир, 2014. С.73–76.

² Письменная Т.Г. О бегстве староверов на территории северокавказских горцев в первой половине XIX в. // Вопросы южнороссийской истории. М.; Армавир, 2010. Вып. 16. С. 49–51.

³ Дударев С.Л. Похождения крестьянки Анны Солоповой (любовная интрижка, завершившаяся пленом у горцев) // Кант. Ставрополь, 2016. № 4 (21). С. 14–18.

⁴ Дударев Д.С. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2016. С. 153.

⁵ Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // История и ее проблемы. 2013. № 1. С. 48–53. URL: <http://static.bsu.az/w8/Tarix%20ve%20onun%20problem/2013%20%20%201/seh.45-58.pdf> (дата обращения: 09.07.2021).

⁶ Космарский А., Зоря А. Нужен им берег турецкий. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/21/subjects/> (дата обращения: 09.07.2021).

⁷ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С. 286.

⁸ Абазов А.Х. Кавказская армия в конце 1850-х гг.: особенности управления в контексте унификации административных институтов // *Bylye Gody*. Washington, 2020. Vol. 58. Issue 4. P. 2546–2553.

⁹ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. С. 254.

польских военнослужащих, масштабы которого нередко преувеличиваются¹. В.В. Лапин высказал интересную точку зрения по поводу проблемы оценки численности перебежчиков на Северном Кавказе: «Общее число перебежчиков определить невозможно, поскольку многие из них оказывались в числе таковых не по своей воле, а по вине обстоятельств. Принимая во внимание то, что дезертирство ложилось пятном на всю часть и на её командира, многие по документам проходили как пропавшие без вести, пленные, убитые и умершие от болезней»². Мы согласны с этим мнением. Численность перебежчиков невозможно определить ещё и потому, что среди горцев Северо-Западного Кавказа не существовало государственного бюрократического аппарата. Тем не менее, в данном исследовании приведены данные, которые могут помочь составить примерное представление о масштабах этого явления³.

О.С. Пылков наглядно показал непростое положение гарнизонов российских крепостей на Северо-Западном Кавказе⁴. Тяжёлые условия службы вынуждали некоторых солдат бежать к горцам.

Следует отметить, что проблема российских перебежчиков разрабатывается применительно к народам Северо-Восточного Кавказа. В работах Н.Н. Великой и Е.М. Белецкой выявлены 4 группы казаков-перебежчиков⁵. Предполагается, что имели место семь основных причин нахождения росси-

¹ Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 216, 143; Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев. Пятигорск, 2019. С. 23.

² Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. С. 248.

³ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. Тифлис, 1900. С. 169; Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкессию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау (Воспоминания и документы). Нальчик, 1999. С. 479; Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 533–534.

⁴ Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир, 2011. С. 30–31.

⁵ Великая Н.Н., Белецкая Е.М. Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). Армавир, 2014. С. 75–90; Великая Н.Н. О казаках, добровольно ушедших к горцам в первой половине XIX века // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: сб. науч. тр. I Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 10-14 окт. 2014 г.). Славянск-на-Кубани, 2014. С. 16–20.

ян (армейцев и казаков) в среде горцев Северо-Восточного Кавказа¹. Предложенная классификация вполне может быть применена и к Северо-Западному Кавказу.

Тема перебежчиков на Северном Кавказе первой половины XIX в. вызывает интерес и зарубежных исследователей. Учёный из США М. Ходарковский показал перипетии судьбы Семёна Атарщикова. По мнению исследователя, жизнь этого казака – частный пример пути одного из посредников, которые разными способами пытались «преодолеть пропасть между своими родными землями и имперской Россией»². Анализируя данную монографию, С.Л. Дударев заметил, что в ней прослеживается демонизация действий России на Северном Кавказе. Он призвал учитывать и уважать те титанические усилия, не только военные, но, прежде всего, мирные, которые были затрачены на обустройство данного региона и приобщение его народов к прогрессу в тех рамках, которые исторически возможны с учетом особенностей российской цивилизации³. По нашему мнению, работа М. Ходарковского интересна тем, что автор пытается проследить историю вхождения Северного Кавказа через судьбу отдельного человека. Однако его книга носит научно-популярный характер. Многие тезисы автора не подкреплены источниками.

Для нашего исследования важно понимание сущности миграции. Для этого мы обратились к монографии С.К. Бондыревой и Д.В. Колесова. По мнению авторов, миграция – это пространственная активность (перемещение) индивида, связанная с переменной места жительства⁴. Главным мотивом человека, решившегося поменять дом, является поиск благополучной жизни. О.В. Матвеев, В.Н. Ракачëв и Д.Н. Ракачëв считают, что миграционные пере-

¹ Великая Н.Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. М., 2015. Т. 9. С. 90–101.

² Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016. С. 203.

³ Дударев С.Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России // Известия научно-педагогической кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Ставрополь, 2016. Вып. 5. С. 30.

⁴ Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). М.; Воронеж, 2004. С. 39.

мещения имеют двойной эффект внося изменения в жизнедеятельность принимающего и отпускающего общества. В итоге миграции приводят к изменению численности населения и его возрастной структуры, что может вызвать смену режима воспроизводства населения, изменения в составе населения по образовательному уровню, социальному статусу, сферам деятельности и т.д., так как качественные характеристики мигрантов отличаются от характеристик постоянного населения в местах выхода и вселения¹.

Таким образом, в настоящее время накоплен значительный пласт литературы в той или иной степени касающейся темы перебежчиков на Северо-Западном Кавказе. Тем не менее, тема перехода на службу России горцев и проблема пребывания российских подданных на неконтролируемых империей территориях Северо-Западного Кавказа нуждается в дальнейшем изучении с использованием ранее неизвестных архивных материалов. По своей значимости она заслуживает отдельной монографической разработки.

Цель работы: раскрыть проблему локальных переселений на Северо-Западном Кавказе в 1830–1860-е гг.

В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие **задачи:**

- выяснить факторы незаконного перемещения населения в Российской империи в 1830–1860-е гг.;
- охарактеризовать мотивы и обстоятельства появления среди горцев Северо-Западного Кавказа военнослужащих регулярных частей российской армии;
- установить причины переходов представителей казачьего населения к горцам Закубанья;
- определить положение российских дезертиров среди адыгов;
- охарактеризовать меры российского правительства по отношению к военнослужащим, бежавшим в горы Северо-Западного Кавказа;

¹ Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 13–14.

– выявить особенности социально-экономической и политической ситуации в Закубанье, раскрыть стимулы переселения в Россию представителей адыгской знати;

– установить мотивы перехода на российскую сторону представителей зависимых категорий адыгского общества;

– определить особенности переселения на контролируемые Россией территории жителей Северо-Западного Кавказа не адыгского происхождения (на примере армян);

– охарактеризовать меры российского правительства и местных органов власти в отношении горцев, переселявшихся в российские пределы.

Теоретико-методологическая основа исследования. Данная работа выполнена на основе принципов историзма и системности. Историзм предполагает такой подход к пониманию истории, при котором рассмотрение любого явления или периода ведётся в конкретных исторических условиях. Системный подход позволяет показать взгляды разных слоев российского социума на развитие региона и интеграционные процессы как систему и выявить совокупность её элементов.

В процессе решения поставленных задач нами применялась концепция российскости, разрабатываемая школой В.Б. Виноградова. Российскость может быть охарактеризована как «особая социокультурная, ментальная и т.п. сфера, внутри которой происходит взаимодействие, взаимовоздействие и синтез различных этнокультурных элементов при интегрирующей роли русской государственной и цивилизационно-культурной составляющей»¹. Российскость понимается как историческое партнёрство, которое давало каждой из сторон определённые преимущества². Переселенцы и перебежчики становились невольными коммуникаторами между горцами Северо-Западного

¹ Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов / под ред. С.Л. Дударева. Армавир; Ставрополь, 2013. С. 30; Виноградов В.Б., Люфт Е.Г., Чарыкова Ю.Е. Эскизы принципов и практики кавказской «российскости». М.; Армавир, 2009. С. 3–8.

² Клычников Ю.Ю. О перспективах дефиниции «российскость» // Вопросы южнороссийской истории. Армавир, 2011. Вып. 17. С. 125.

Кавказа и Россией. Они постепенно сближали два общества, способствовали его взаимодействию. Например, российские дезертиры в горах становились переводчиками, несли в горы свои представления о жизни, элементы материальной и духовной культуры. Схожей была роль горских переселенцев.

При работе над диссертационным исследованием мы использовали работы американских исследователей. Ф.Дж. Тёрнер ввёл в научный оборот термин «фронтир» (от frontier – граница, рубеж). Он обозначал приграничную полосу во внутренних районах североамериканского континента, которая на протяжении всей истории страны вплоть до конца XIX в. осваивалась белыми поселенцами и постепенно перемещалась в ходе территориальной экспансии на Запад¹. Т.М. Баррет раскрыл идею северокавказского «фронттира» России. Автор доказывает, что российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоеванием. Постепенно возникала пограничная зона, которая включала в себя внутреннюю и внешнюю миграцию населения, оседание на новых местах².

Л.С. Гатагова считает, что «граница между Российским государством и кавказскими раннеполитическими образованиями представляла собой не только линию вооруженного соприкосновения, но и своего рода контактно-цивилизационную зону, где развивались интенсивные хозяйственные, политические, личные связи»³. По нашему мнению, перебежчики и переселенцы стали своеобразными проводниками межкультурной коммуникации.

В работе мы опирались на понятие миграции, которое по определению Л.Л. Рыбаковского имеет множество различных трактовок⁴. Например, В.И. Переведенцев называет миграцией населения «совокупность таких пе-

¹ Тёрнер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 6–7.

² Барретт Т.М. Линия неопределённости: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Имперский период. Самара, 2000. С. 163–195.

³ Журтова А.А. Основные подходы к изучению Кавказской войны в современной отечественной историографии // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.). Ростов н/Д, 2016. С. 521–522.

⁴ Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь, 2001. С. 8.

ремещений людей, которые неразрывно связаны со сменой ими места жительства»¹. Он полагал, что миграция – это переселение в самом широком смысле слова; мигрант и переселенец – синонимы². Л.Л. Рыбаковский предлагает называть миграцией любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности³.

О.В. Матвеев, В.Н. Ракачѳв и Д.Н. Ракачѳв придерживаются понятия «миграция» в его наиболее широко употребляемом значении как «перемещения людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на более или менее длительное время»⁴.

Таким образом, существует большое количество различных определений понятия миграции. Одни исследователи предлагают под ними понимать любое территориальное перемещение людей, другие считают, что миграция должна быть связана со сменой места жительства. В данном исследовании мы будем придерживаться определения миграции, данного В.И. Переведенцевым⁵.

Существуют различные классификации и типологии миграционного движения, иногда значительно различающиеся по форме и своим составляющим. По формам миграции можно подразделить на организованные (планируемые) и неорганизованные (стихийные). Организованная миграция осуществляется с помощью государства или различных общественных структур. Важное значение имеет классификация миграции по причинам, среди которых экономические и социальные обычно доминируют. Немалую роль играют также политические, национальные, религиозные, военные и экологиче-

¹ Там же. С. 9–10.

² Матвеев О.В., Ракачѳв В.Н., Ракачѳв Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 12.

³ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987. С. 26.

⁴ Матвеев О.В., Ракачѳв В.Н., Ракачѳв Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 13.

⁵ Переведенцев В.И. Миграция в ритме времени. М., 2010.

ские причины. Первые обычно носят добровольный, а вторые – вынужденный характер¹.

Современные учёные выделяют два основных подхода в своих исследованиях: микроуровень (перемещения отдельных индивидов и семей) и макроуровень (большие группы людей). Т. Фейст² предложил средний уровень изучения миграционных процессов. Он связан с изучением отдельных личностей и групп людей в контексте социальных взаимодействий³. В данной работе мы использовали микроуровень и средний уровень.

Теории миграций активно разрабатывались американскими и западноевропейскими аналитиками. Британский исследователь Э. Равенштейн⁴ выдвинул тезис о том, что большая часть переселений людей осуществляется на короткие расстояния. Микроэкономическая концепция личного решения предполагает, что люди решаются на переселение в случае, если они предполагают получить больше выгод на новом месте. Сторонники теории «толчка-притяжения» полагают, что причиной индивидуального решения о смене места жительства может подтолкнуть целая комбинация стимулов толчка и причин притяжения на другие территории. К первым можно отнести трудное материальное положение, угрозу здоровью и имуществу. Широкие торговые-экономические свободы, возможности повышения личного социального статуса и имущественного положения могут выступать в качестве факторов притяжения.

Для анализа примеров локальных переселений на Северо-Западном Кавказе нами использовался нарративный метод. Без связного изложения фактов, касающихся исследования, глубокий анализ указанной темы невоз-

¹ Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь, 2001. С. 13.

² Migration Theory. Talking across disciplines / ed. by C.B. Brettell and J.F. Hollifield. New York and London, 2000. P. 9.

³ Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011. С. 14.

⁴ Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48, № 2. P. 167–235.

можен. При помощи биографического метода мы показали специфику миграций на указанных территориях через призму судеб конкретных людей, решившихся на переселение.

В диссертации использовались традиционные специально-исторические методы. Историко-сравнительный (компаративистский) метод позволил сопоставить объекты во временной (выявить динамику государственной политики в отношении к перебежчикам в разные хронологические отрезки) и пространственной плоскости (например, сравнить ситуацию на Северо-Восточном и на Северо-Западном Кавказе).

С помощью историко-типологического метода выявлялись общие черты, признаки перебежчиков. Мы классифицировали группы россиян, бежавших к горцам (нижние чины регулярных частей, казаки) по принципу мотивации к побегу, особенностям пребывания среди горцев и отношению к ним российских властей. Группы горских перебежчиков подразделяются нами по этносоциальному принципу.

Историко-системный метод предполагает создание ряда упрощённых моделей, условно заменяющих реально существующую систему. Используя данный метод, можно изучать структуру исторической системы, причинно-следственные и функциональные связи между отдельными элементами. В данном случае мы обратили внимание на социально-политические процессы в горском обществе как причину бегства жителей Закубанья в Россию. С другой стороны, были проанализированы факторы, которые вынуждали россиян бежать к горцам Северо-Западного Кавказа. Названные методы и общие подходы позволили с разных сторон осветить проблему локальных переселений на Северо-Западном Кавказе в 1830–1860-х гг.

Понятийно-терминологический аппарат данной работы разработан на основе представленной выше методологической основы. Он помогает раскрыть суть процессов, которые анализируются в диссертации. По нашему мнению, *локальные переселения* – это перемещения людей, связанные, как правило, со сменой места жительства в рамках определённого места, терри-

тории. Также под переселением нами подразумевается легальная или осуществляемая в рамках обычая смена места жительства с точки зрения российских властей и горцев Северо-Западного Кавказа. К переселенцам мы относим черкесских армян, которые переходили на правый берег Кубани под покровительство местных властей.

Беглецами или *перебежчиками* являются незаконные переселенцы с точки зрения законов России. К ним относятся подданные империи, перешедшие на левый берег Кубани или в Закубанье. Данная территория в 1830–1860-х гг. была неподконтрольна российской администрации. Также к беглецам мы причисляем представителей зависимых категорий адыгского общества, которые вопреки обычаям уходили от своих владельцев под защиту России. При этом важно подчеркнуть, что далеко не всегда таких людей воспринимали как предателей. Имели место случаи возвращения перебежчиков на прежнее место жительства. В этом мы видим характерную черту «пограничной зоны», которая существовала в то время на Северо-Западном Кавказе.

Одной из категорий беглецов являлись *дезертиры* – военнослужащие, которые самовольно оставляли места службы с целью прекращения своих обязанностей.

Важным понятием нашего исследования является *интеграция*. Она означает: «объединение в целое каких-нибудь частей или элементов в процессе развития»¹. Во второй трети XIX века российское государство и общество с одной стороны и горские народности Закубанья с другой, стали частями интеграционного процесса, который сопровождался энергичным *социальным взаимодействием*. Одно из определений данного явления дал в своей работе Д.Н. Ракачёв. Автор понимает под социальным взаимодействием: «совокупность обусловленных социумом интеракций, формирующих в нём социальные изменения. Процессы взаимодействия включает в себя взаимовлияния и трансляции, результатами которых являются трансформация соци-

¹ Тумаков Н.С. Понятие и сущность интеграции: гетерогенные представления // Проблемы современной экономики. 2011. № 4–1. С. 40.

ально-политических структур и механизмов контроля в обществе, культуры и социальных стереотипов»¹.

Источниковой базой диссертации является совокупность привлеченных источников (как опубликованных, так и неопубликованных). Она представлена в работе следующими видами:

К числу *законодательных* относятся нормативные акты, опубликованные во 2-м Своде Полного собрания законов Российской империи (далее – ПСЗРИ-2). Они касаются мер государства, направленных на предотвращение дезертирства (наказания для самих беглых, их укрывателей и т.п.)². Аналогичные материалы публиковались в Своде законов Российской империи (далее СЗРИ). В частности, «Уложение о паспортах и беглых» включает договоры с иностранными державами о взаимной выдаче перебежчиков³. Непосредственно беглые военнослужащие были под юрисдикцией Военно-уголовного устава, который содержался в V части I книги Свода военных постановлений (далее СВП)⁴. С другой стороны, законодательство регламентировало порядок переселения на подконтрольные военной администрации территории выходцев из Закубанья. Российские власти издали целый ряд постановлений, касающихся особенностей приёма и водворения переселенцев⁵. Помимо этого, в ПСЗРИ-2 содержится большое количество законодательных актов, регламентирующих военную службу выходцев из Северного Кавказа в российской армии⁶, а также обучение горцев в российских военных учебных заведениях⁷. В Российской империи был издан целый ряд указов и постановле-

¹ Ракачёв Д.Н. Местное и пришлое население на Северо-Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. С. 11.

² ПСЗРИ-2. Т. XX. № 19283. § 559; ПСЗРИ-2. Т. XVII. № 16214; ПСЗРИ-2. Т. XVIII. № 16785; ПСЗРИ-2. Т. X. № 8439; ПСЗРИ-2. Т. XIII. №11673.

³ СЗРИ. Т. XIV. 1857; СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 663-684; СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 685; СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 687.

⁴ СВП. Ч. V. Кн. I. 1859. Ст. 245; Кн. II. Ст. 569.

⁵ ПСЗРИ-2. Т. IX. № 7080; ПСЗРИ-2. Т. XV. № 14053; ПСЗРИ-2. Т. XVII. № 15649.

⁶ ПСЗРИ-2. Т. XXV. № 24184; ПСЗРИ-2. Т. XXVII. № 26281; ПСЗРИ-2. Т. XXX. № 29272.

⁷ ПСЗРИ-2. Т. XII. № 10256; ПСЗРИ-2. Т. XIX. № 17816; ПСЗРИ-2. Т. XXX. № 29636.

ний, касающихся ссылки и ареста жителей региона за совершённые ими преступления¹.

Делопроизводственная документация сосредоточена в различных архивах. Ценные для нашего исследования документы находятся в Российском государственном военно-историческом архиве (далее РГВИА), а именно в фонде 38 «Департамент Генерального штаба»². Также применялись материалы фонда 13454, опись 5 «Штаб войск на Кавказской линии и в Черномории расположенных»³ и фонда 14254 опись 2 «Военно-судное отделение штаба войск Кавказской линии и Черномории»⁴. В данных фондах собраны приказы по Отдельному Кавказскому корпусу и иные дела, касающиеся действий перебежчиков. При написании диссертации использовались фонды Государственного архива Краснодарского края (далее – ГАКК), где имеются сведения о локальных переселениях на Северо-Западном Кавказе⁵. В Государственном архиве Ставропольского края (далее – ГАСК)⁶ находится немалое количество материалов по данной тематике. В этих фондах содержатся как дела о нижних чинах российской армии и других подданных империи, переселившихся в Закубанье, так и делопроизводственная документация, касающаяся перехода горцев под российское покровительство.

Опубликованные нормативные акты и делопроизводственная документация по теме локальных переселений на Кавказе содержатся в Актах Кавказской археографической комиссии⁷. В сборниках документальных материалов «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов», «Документы по истории адыгов 20–50-х гг. XIX в. (по материалам ЦГА КБР)», «Материалы по истории западных черкесов» имеется ценная информация о военно-политических событиях на Северо-Западном Кавказе в 1830–

¹ ПСЗРИ-2. Т. XXVI. № 25386; ПСЗРИ-2. Т. XXV. № 24656.

² РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 93. 2 л.

³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 1303. 5 л.

⁴ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 2. Д. 57. 40 л.

⁵ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 21. 17 л.

⁶ ГАСК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 572.

⁷ Акты Кавказской археографической комиссии (далее – АКАК). Тифлис, 1883. Т. IX. С. 454, 250–252, 524, 834.

1860-е гг.¹ Ценным источником по теме горских перебежчиков является фундаментальный сборник документов «Черкесские невольничьи повествования». В нём содержатся материалы допросов пленников и представителей зависимых категорий адыгского общества².

Источники личного происхождения. Воспоминания российских военных являются важным историческим источником при написании данной работы, т.к. в мемуарах мы находим описание психологических портретов перебежчиков. Ценная информация содержится в воспоминаниях непосредственных участников тех событий: казачьего офицера Аполлона Шпаковского³, поручика Н.В. Симановского⁴, генералов Г.И. Филипсона, М.Я. Ольшевского⁵. Интересные наблюдения о беглых солдатах и казаках оставили оказавшиеся в плену у горцев российские подданные (Ф.Ф. Торнау, В. Савинов, Е. Новикова-Зарина)⁶.

Важными источниками для написания работы стали дневники, путевые заметки иностранцев, побывавших на Северо-Западном Кавказе в 1830–1860-е гг. Зачастую это были политические агенты иностранных держав, деятельность которых была направлена на ослабление российских позиций в регионе

¹ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (Сборник документов. материалов) / сост.: М.М. Габричидзе; под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953. С. 454; Документы по истории адыгов 20–50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / сост. З.М. Кешева. Нальчик, 2011. С. 155; Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793–1914 гг.) / сост. А.В. Сивер. Нальчик, 2012. С. 23.

² Черкасов А.А. Черкесские невольничьи повествования // Былые годы. 2020. № 57–1(3–1). С. 1415–2266.

³ Шпаковский А. Записки старого казака. URL: https://fb2gratis.com/gratis_rd_382969_p1 (дата обращения: 09.10.2020).

⁴ Дневник поручика Н.В. Симановского // Гордин Я.Л. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С. 391. Приложение.

⁵ Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 76–197; Ольшевский М.Я. Записки. 1844 и другие годы // Там же. С. 261–399.

⁶ Савинов В. Три месяца в плену у горцев. Кавказский офицер. Плен у шапсугов // В плену у горцев. Нальчик, 2011. Вып. 2. С. 20. Шипов Н. История моей жизни. 1845 год; Новикова-Зарина Е. Одиннадцать месяцев в плену у черкесов // В плену у горцев. Нальчик, 2011. Вып. 5. С. 31–91; Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау (Воспоминания и документы). Нальчик, 1999. С. 103–105.

(Эдмонд Спенсер, Джеймс Белл, Джон Лонгворт)¹. Европейцы, оставившие письменные свидетельства, бывали в регионе и в качестве путешественников². Северо-Западный Кавказ в 1830–1860-е гг. притягивал из-за границы участников польского восстания 1830–1831 гг. Здесь они пытались организовать вооружённую борьбу горцев против России (Т. Лапинский, А. Фонвиль)³.

В *художественной литературе* этого периода показаны интересные эпизоды, необходимые для понимания темы перебежчиков и переселенцев на Северо-Западном Кавказе⁴. Представитель адыгской аристократии на российской службе Султан Хан-Гирей оставил биографический очерк «Бесльный Абат»⁵, посвящённый перипетиям судьбы известного адыгского политического деятеля Бесленея Аббата, который перешёл на российскую сторону. Михаил Юрьевич Лермонтов в поэме «Измаил-бей» изложил судьбу главного героя, который покинул российскую службу и ушёл в горы.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Применительно к периоду 1830–1860-х гг. на Северо-Западном Кавказе в контексте «Кавказской войны» введено в научный оборот понятие локальные переселения. Под ними понимаются перемещения людей, связанные, как правило, со сменой места жительства в рамках определённого места, территории. После 1829 г. с точки зрения действовавшего тогда международного права всё пространство региона входило в состав Российской империи. При этом фактически, существовали контролируемые и неконтролируемые

¹ Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Нальчик, 2007. Т. I; Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Нальчик, 2007. Т. II; Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994; Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик, 2002.

² Монпере Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002.

³ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995; Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 гг. Нальчик, 2010.

⁴ Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе. Ставрополь, 1986.

⁵ Хан-Гирей. Бесльный Абат. Сборник газеты «Кавказ» за II полугодие 1847 г. Тифлис, 1848. С. 120–206.

мые властями земли. Исследуемые нами локальные переселения осуществлялись в рамках одного региона, но между подконтрольными и неподконтрольными территориями. Переселенцы и перебежчики являлись носителями культурного опыта, который влиял на социум, в котором они оказывались. Тема локальных переселений позволяет иначе взглянуть на проблему «Кавказской войны». Даже в условиях военных действий население Северо-Западного Кавказа имело возможность не только переселиться на противоположную сторону, но и вернуться обратно.

2. Впервые проведён анализ и сравнение причин побегов к горцам Северо-Западного Кавказа военнослужащих регулярных и иррегулярных частей российской армии. Нижние чины российской армии бежали преимущественно из-за тяжёлых условий службы и злоупотреблений начальства. Важным фактором, повлиявшим на бегство солдат в горы, являлось комплектование подразделений ненадёжными и ссыльными новобранцами. Казаки переходили в Закубанье, спасаясь от наказания за совершённые ими преступления. Также в горах они могли реализовать свои представления о старинной казачьей вольнице, т.к. государство постепенно сужало автономию казачества.

3. Выявлены особенности социального положения беглых солдат и казаков среди горцев. Определено, что нижние чины российской армии чаще всего становились в горах рабами. Их могли продать в Османскую империю либо принудить выполнять тяжёлую работу в доме хозяина. Спустя некоторое время невольник имел возможность обзавестись семьёй и личным хозяйством. Отдельные солдаты принимали активное участие в боевых действиях против российских войск. Многие беглые казаки оставались свободными. Это объясняется их тесными межличностными контактами с горцами.

4. Определено отношение российских властей к проблеме дезертиров-перебежчиков на Кавказе. Вариативность данного явления, при всей на первый взгляд обыденности, нуждается в пояснении, т.к. показывает специфику процессов интеграции региона в состав империи, социокультурную и политическую неопределённость характерную для ситуации фронта. Установ-

лено, что российские власти неодинаково относились к дезертирам. Нижние чины, заподозренные в участии в боевых действиях против российских войск, подвергались суровому наказанию. С другой стороны, власти лояльно относились к тем беглецам, которые мирно жили в горах. Для таких солдат и казаков создавались благоприятные условия для возвращения на родину.

5. Раскрыты причины бегства в горы казачек. Там они пытались скрыться в случае, если были опозорены. Общественное осуждение со стороны станичного общества являлось определяющей причиной побегов женщин.

6. Впервые в одном исследовании показаны и проанализированы причины и обстоятельства локальных переселений российских подданных на неконтролируемые территории левобережья Кубани и наоборот, миграции горского населения на подконтрольные России земли.

7. Показан процесс бегства из Закубанья в Россию представителей зависимых сословий. На основе введённых нами в научный оборот документов раскрыт набор мотивов, которые побуждали горских общинников переселиться под российское покровительство. В ходе исследования нами выявлена особая категория горских перебежчиков. Это были рабы, выбегавшие в российские укрепления, ранее являвшиеся жителями мирных горских аулов, захваченные в плен в результате набегов непокорных горцев.

8. Охарактеризованы особенности переселения в Россию представителей не адыгского населения. Речь идёт преимущественно о горских армянах – черкесо-гаях, которые добровольно и организованно переходили на подконтрольные имперским властям территории. На основе введённых в научный оборот документов показана специфика взаимодействия горских армян и российских властей.

При разработке темы введён в научный оборот целый ряд ранее неизвестных архивных материалов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Термин «Кавказская война» взят нами в кавычки т.к. мы считаем, что он не в полной мере отражает суть происходивших в то время событий.

Сложно определить территориальные и хронологические границы «Кавказской войны». С юридической точки зрения война имеет ряд признаков: формальный акт объявления, разрыв дипломатических отношений, аннулирование двусторонних договоров, введение специального правового режима¹. События, развернувшиеся на территории Северо-Западного Кавказа в 1830–1860-е гг. не вполне соответствовали указанным признакам. Не вписываются в рамки этого термина имевшие место экономические, социальные и культурные связи. Одним из их проявлений стали локальные переселения – это перемещения людей, связанные, как правило, со сменой места жительства в рамках определённого места, территории. В 1830–1860-е годы российские подданные и горцы Закубанья перемещались в пределах территориальных рамок данного исследования. Переселения на противоположную сторону и обратно могли совершаться по несколько раз.

2. Дезертиры из регулярных подразделений императорской армии в общей своей массе не являлись идейными борцами с царизмом. Побег солдат Отдельного Кавказского корпуса к горцам Северо-Западного Кавказа были связаны, прежде всего, с тяжёлыми условиями несения службы в регионе. Бегство казаков в Закубанье было вызвано стремлением укрыться от заслуженного наказания за совершённые ими преступления. Также казаки пытались вести в горах старый образ жизни, связанный с возможностью ходить в набеги, исповедовать старообрядчество, чему активно препятствовало государство.

3. Положение солдат и казаков среди горцев Северо-Западного Кавказа не было одинаковым. Беглых солдат преимущественно обращали в рабов. Их продавали в Турцию либо наделяли землёй и принуждали трудиться на нового хозяина. Некоторые солдаты принимали участие в столкновениях с российской армией на стороне горцев. Беглые казаки в горах были в основном

¹ Толстых В.В. Нормативно-правовое закрепление понятия «война» в российском и международном праве // Academy. 2017. № 3 (18). С. 62.

свободными людьми, т.к. они находились под покровительством многочисленных знакомых и кунаков.

4. Помимо военных, к горцам бежали и представители гражданского населения. Это было связано с тем, что переселенческая политика российских властей в Северо-Восточном Причерноморье давала сбои. Жители приезжали на новые территории, которые не были в достаточной мере обустроены. Власти не смогли обеспечить в должной мере безопасность переселенцев от горских набегов. Более того, многие из новоприбывших являлись беглыми крепостными крестьянами. Помещики предпринимали активные меры для их возвращения. Всё это вынуждало людей уходить в горы. К горцам также бежали опороченные казачки.

5. Российские власти преследовали своих подданных за укрывательство дезертиров на подконтрольных правительству территориях. Материально поощрялась выдача беглецов. Законодательство в отношении перебежчиков было достаточно суровым. Такого рода преступникам грозили телесные наказания, а в случае рецидива виновного могли отправить в арестантские роты. В то же время создавались условия для добровольного возвращения дезертиров и членов их семей в российские пределы.

6. В конце XVIII в. в горских обществах Северо-Западного Кавказа начались глубокие социально-политические трансформации, которые привели к обострению противостояния старой аристократии и нарождающейся новой элиты. В 30-е гг. XIX в. эта борьба продолжилась. Терпевшие поражение в этой борьбе представители старой аристократии искали покровительства России, которая охотно давала им убежище и возможность службы в армии.

7. Усилившееся в первой половине XIX в. социальное противостояние в горских обществах привело к притеснениям социально незащищённых категорий общинников со стороны аристократии и старшин. Спасаясь от рабства и крепостной зависимости, они бежали под защиту российских укреплений. Местные власти активно принимали таких беглецов, оказывали помощь

в их расселении и обустройстве. Многие адыги, перешедшие на российскую сторону, служили в различных воинских подразделениях.

8. На российскую территорию переселялись представители не адыгского населения Северо-Западного Кавказа. Переход горских армян под российское покровительство был согласован с российской администрацией и проводился под защитой российских войск. Это демонстрирует наличие устойчивой пророссийской ориентации среди части населения региона, что обусловлено этническими и конфессиональными предпочтениями.

Соответствие диссертационного исследования научной специальности. Квалификационная работа выполнена в рамках специальности 5.6.1. – Отечественная история. Тематика диссертации соответствует направлениям исследований: 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; 3. Социально-экономическая политика Российского государства и её реализация на различных этапах развития; 8. Военная история России, развитие её Вооружённых сил на различных этапах развития; 10. Национальная политика Российского государства и её реализация. История национальных отношений; 17. Личность в российской истории, её персоналии. История российских элит.

Теоретическая значимость работы. Содержание исследования помогает по-новому взглянуть на проблему перебежчиков и переселенцев на Северо-Западном Кавказе. Впервые в одной работе сравниваются причины добровольного перехода и социально-правовой статус россиян, бежавших в Закубанье, и горцев, переселившихся в Россию. На основе обширной источниковой базы продемонстрировано отношение правительства и местных властей к данным группам населения. На примере беглецов показано, что в 1830–1860-е гг. Северо-Западный Кавказ являлся местом столкновения, взаимодействия и взаимовоздействия двух разных социально-политических и культурных систем. Перебежчики невольно становились коммуникаторами между горцами Северо-Западного Кавказа и Россией.

Практическая значимость диссертации. Материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных дисциплин и факультативных занятий по истории России XIX в., в осуществлении проектной деятельности в средних и высших учебных заведениях. Данная работа может быть использована при подготовке учебных дисциплин по истории Северного Кавказа для студентов бакалавриата и магистратуры, а также в просветительской деятельности музеев и библиотек.

Апробация работы. Основные положения работы изложены в выступлениях на международных и всероссийских научных форумах: 23-м Международном семинаре кавказоведческой школы В.Б. Виноградова «Северный Кавказ в историческом и археологическом измерениях» (г. Армавир); VI Международном форуме историков-кавказоведов «Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России» (г. Ростов-на-Дону, 13–15 ноября 2019 г.); Всероссийской научной конференции «Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 г.)» (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.); V Всероссийской (с международным участием) конференции студентов и молодых учёных «Россия и мир: история и современность» (г. Сургут, 2017 г.).

По теме диссертации опубликовано 20 статей, из них 5 – в ведущих научных рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России. Общий объем статей – 10,0 п.л.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет».

Структура работы. Диссертационное исследование включает в себя введение, две главы в составе семи параграфов, заключение, список использованных источников и литературы.

1. РОССИЙСКИЕ ПЕРЕБЕЖЧИКИ СРЕДИ ГОРЦЕВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В 1830–1860-Е ГГ.

1.1. Социально-политическая ситуация в Российской империи и причины незаконного перемещения населения

В исследуемый нами период Россия была строго сословным государством. Чёткое юридическое оформление сословный строй получил в IX томе («Законы о состояниях») Свода законов Российской империи, опубликованного в 1832 г. и вошедшего в силу в 1835 г. Закон определил четыре главных сословия: дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели¹. Строгие социальные рамки, ограничение вертикальной и горизонтальной социальной мобильности стали причиной увеличения количества беглых в российских пределах. Беглыми считались все, кто отлучился от своих команд, обществ или помещиков без разрешения далее места и более срока, разрешённого законом для временных отлучек². О важности проблемы т.н. праздного шатающегося люда для государства говорят многочисленные законы, обязывающие местные власти разыскивать беглых по всей территории страны³. Специальные меры для поиска беглецов правительство предпринимало на окраинах империи: в Сибири, Польше, Бессарабии, на Кавказе и др.⁴

Трудно назвать количество беглецов в первой половине XIX в., но очевидно, что их было много, т. к. возникла необходимость принимать отдельный закон, запрещающий самовольный уход за границу. «Оставление отечества» считалось преступлением. За 20 лет с 1827 по 1847 гг. в Сибирь за по-

¹ Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX века). СПб., 2003. Т. 1. С. 80.

² СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 582.

³ ПСЗРИ-2. Т. II. № 1375; ПСЗРИ-2. Т. II. № 1540; ПСЗРИ-2. Т. XVIII. № 16785; ПСЗРИ-2. Т. V. № 3939; ПСЗРИ-2. Т. XXVIII. № 27211; ПСЗРИ-2. Т. XX. № 19223; ПСЗРИ-2. Т. XXI. № 20203.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. VIII. № 6021; ПСЗРИ-2. Т. XVIII. № 17200; ПСЗРИ-2. Т. XV. № 13253; ПСЗРИ-2. Т. XX. № 1521; ПСЗРИ-2. Т. IX. № 7044; ПСЗРИ-2. Т. XII. № 10719; ПСЗРИ-2. Т. IX. № 7361.

бег за рубеж сослали 174 мужчины и 10 женщин. Однако данные цифры не могут раскрыть истинный масштаб незаконной миграции из страны, т.к. беглецы покидали империю не для того, чтобы возвратиться и сохранить за собой право ссылки в Сибирь. Интересна судьба одного из них – нижегородца Ивана Степановича Сюземова. Он потратил казённые деньги в Астрахани, бежал в Азов, затем в Константинополь, оттуда морем добрался во Францию, а затем и в Голландию. Там его обманом взяли матросом на корабль ост-индской компании. 7 лет И.С. Сюземов ходил по морю, побывал в Индии, Японии, после чего обосновался на мысе Доброй Надежды. Там он стал кузнецом, женился, имел трёх детей. Вести о нём привёз адмирал В.М. Головин, побывавший в Южной Африке, в 1808 г. на корабле «Диана».

Архангельские промышленники по пути в Норвегию слышали чистую русскую речь в приветствиях и ругательствах от рыбаков на норвежских островах около Гаммерфеста, Вадзе и Вардегуза. На персидских берегах Каспийского моря, а также на островах Мешедесера, Энзели и особенно в селениях около устья богатой рыбой персидской реки Сифуд-Руды значительными группами жили русские промышленники, по 15–20 лет не бывавшие на родине. В Османской и Австрийской империях, а также в Пруссии находились поселения раскольников. Слуги российских вельмож, бежавшие от своих господ, жили в Париже, Лондоне, Неаполе. Многие из них там преуспели. Поток российских мигрантов шёл в Среднюю Азию и Китай. Среди староверов было распространено сказание об Опоньском царстве, что наводило на мысли пребывания эмигрантов-староверов в Японии. Российские подданные селились в Америке. Многие из них были матросами, бежавшими со своих кораблей в портах Калифорнии¹.

Российские власти заключали договоры о взаимной выдаче беглых с другими государствами, а также предпринимали меры для их возвращения. Подобные договорённости существовали с Соединёнными Штатами Амери-

¹ Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. С. 208–209.

ки¹, Пруссией², Австрией³, Бельгией⁴, Португалией⁵, Швецией⁶ и др. Данные меры говорят о серьёзности проблемы незаконной эмиграции из Российской империи. Большую группу беглого населения составляли дезертиры, которые скрывались от службы как внутри империи, так и за её пределами.

Согласно российскому законодательству первой половины XIX в. («Уставу о паспортах и беглых»), дезертирами считались нижние воинские чины, отлучившиеся от своих команд и проживающие где-либо без дозволения и паспорта своего начальства⁷. Дезертирство в целом являлось серьёзной проблемой российской армии в первой половине XIX в.

Законодательство империи было достаточно строгим к перебежчикам. Статья № 584 «Уложения о паспортах и беглых» строгой запрещала давать пристанище дезертирам. Каждый подданный был обязан ловить их и отдавать в полицию⁸. В случае укрывательства дезертира в помещичьей усадьбе или заводе с ведома владельца, последний был обязан уплатить значительную по тем временам сумму в 600 рублей серебром (эти деньги превосходили среднюю годовую зарплату рабочего легкой промышленности, которая считалась достаточно высокой). Если дезертир укрывался в государственной деревне, то с селения, где проживал беглец, взыскивался дополнительный рекрут. При укрывательстве дезертира без ведома помещика, либо крестьянской общины, виновный так же обязывался заплатить 600 рублей серебром в казну. Если он был не в состоянии уплатить штраф, то наказывался 40–50 ударами розог и отдачей в солдаты⁹. Штраф в размере 600 рублей серебром за каждого укрываемого беглого также обязаны были платить ли-

¹ ПСЗРИ-2. Т. IX. № 6737. Ст. IX.

² ПСЗРИ-2. Т. V. № 3530.

³ СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 663–684.

⁴ СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 685.

⁵ СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 687.

⁶ СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 684.

⁷ СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 582.

⁸ СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 584.

⁹ ПСЗРИ-2. Т. XX. № 19283. § 559.

нейные казачьи станицы¹ и священнослужители, которые помимо штрафа могли лишиться прихода и духовного звания². Таким образом, государство строго наказывало своих подданных за укрывательство беглых военнослужащих. Сумма в 600 рублей серебром была неподъемной для широких слоёв российского общества.

С другой стороны, правительство, наоборот, финансово стимулировало население выдавать дезертиров. Любой человек, вне зависимости от своей сословной и служебной принадлежности, который приводил беглого солдата в полицию, имел право получить 3 рубля серебром в качестве вознаграждения³. Поимку беглых нижних чинов российские власти поощряли не только среди своих подданных. Так, 4 октября 1838 г. вышел указ «О платеже турецким подданным за привод российских дезертиров по одному червонцу»⁴. Николай I по представлению командира 5-го пехотного корпуса повелел, чтобы платеж в размере 10-ти рублей серебром, который выплачивался жителям Молдавии и Валахии за привод к российскому начальству в крепости Силистрия дезертиров, также производился и турецким подданным. Данные выплаты шли из годовой экстраординарной суммы, отпускаемой в ведение военного начальника Силистрии. 27 октября 1838 г. сумма вознаграждения всем турецким подданным за привод российских беглых нижних чинов была увеличена до 20 рублей серебром⁵.

Высокие армейские чины стремились обратить внимание Николая I на проблему бегства в войсках. В 1834 г. на стол императора легла записка «О причинах побегов и средствах к исправлению недостатков армии» Н.Н. Муравьёва, будущего покорителя Карса в 1856 г.⁶ Автор указал следующие причины дезертирства в 30-е гг. XIX в.:

¹ ПСЗРИ-2. Т. XVII. № 16214.

² ПСЗРИ-2. Т. XVIII. № 16785.

³ СЗРИ. Т. XIV. 1857. Ст. 601.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. X. № 8439.

⁵ ПСЗРИ-2. Т. XIII. № 11673.

⁶ Муравьёв Н.Н. О причинах побегов и средствах к исправлению недостатков армии // Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки / гл. ред. генерал-

1) Потери в войнах на Кавказе привели к тому, что новоприбывшие рекруты не выдерживали тяжёлой нагрузки, связанной с военной службой.

2) Плохое взаимодействие руководства действующей армии и резервов. Командиры резервных батальонов стремились отдавать на пополнение действующих войск «всё, что только у них есть слабое, неспособное и неблагоприятное»¹, – писал Н.Н. Муравьев императору.

3) Бесперывное движение войск. В результате этого они останавливались на постой в тесных квартирах, где не могли рассчитывать на хорошую пищу.

4) Вредное влияние на молодых рекрутов людей, поступающих на воинскую службу за бродяжничество и т.п. Люди с сомнительным прошлым, нередко бывшие преступники, справедливо расценивавшие службу в армии как наказание, не привыкшие к воинскому порядку и строгой дисциплине, склоняли новобранцев к побегам. Они внушали рекрутам, что после четвертого побега следует ссылка в арестантские роты, где их ждёт беззаботная жизнь невольников, лишённая военных тревог.

5) Поспешное обучение строевой подготовке, «шагистика» были тяжёлыми занятиями для новоиспечённых солдат.

6) Нижние чины, которые попадали в госпитали, после выздоровления не возвращались в свои подразделения. Оказываясь в новых коллективах, такие солдаты с трудом там приживались.

7) Постоянная ротация военнослужащих в батальонах.

8) Из-за частых учений, переходов солдаты не имели возможности наладить взаимодействие с местным населением, за счёт которого они могли бы улучшить своё питание.

9) Наконец, важной причиной бегства солдат из армии, по мнению Н.Н. Муравьева, являлось отсутствие опытных штаб- и обер-офицеров. Автор считал, что офицерский опыт является прямым следствием долговремен-

лейтенант Д.А. Скалон. Сост. подполковник Н.М. Затворницкий // Столетие военного министерства. 1802–1902. СПб., 1907. Т. III. IV отдел. С. 244–261.

¹ Там же. С. 245.

ной службы, которая знакомит его с особенностями солдатского быта. Однако добросовестные офицеры в должной мере не поощрялись, что служило причиной ухода хороших офицерских кадров с военной службы¹. За данную записку Н.Н. Муравьев на долгое время впал в немилость к Николаю I.

Тем не менее, поднятые им проблемы сохранялись. Оказавшись в войсках, военнотружущий не видел выхода из сложившегося положения. Постоянные изматывающие учения нередко сопровождались физическими наказаниями и денежными взысканиями. Всё это создавало невыносимые условия солдатской службы. Это приводило к многочисленным побегам. В кратком отчете деятельности министерства внутренних дел отмечалось: «Срок службы в 50-х гг. [XIX века – Н.С.] был весьма продолжительный, солдатское звание было почти пожизненное, и рекрут отрывался навсегда от своего домашнего быта. В военную службу отдавали за преступления и проступки: отдача в солдаты определялась законом уголовным наравне со ссылкой в Сибирь и содержанием в арестантских ротах, а также разрешалось обществом и помещиком в виде окончательного средства избавиться от людей порочных»². Подобному отношению содействовала также судопроизводственная практика в самих вооружённых силах. Получившие взыскание нижние чины и офицеры не могли получить пожизненный отпуск. Они оставались в армии. Как правило, их перемещали из полевых войск в корпус внутренней стражи или в сибирские батальоны и исключительно в крайнем случае в инвалидные команды.

Тяжёлую судьбу дезертира иллюстрирует жизненная история солдата Вакулы Хромова. До того, как стать рекрутом, В. Хромов жил с семьёй, состоящей из его матери Авдотьи Васильевны, жены Варвары Алентьевой, сыновей 9-летнего Спиридона и 3-летнего Матвея, а также двух младших братьев – 25-летнего Тихона и 12-летнего Даниила. В 1828 г., в рамках 93-го рекрутского набора, В. Хромов был отдан своим крепостным господином Ши-

¹ Муравьев Н.Н. О причинах побегов и средствах к исправлению недостатков армии... С. 248.

² Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 119.

пиловым в рекруты. На службу он поступил в Московский пехотный полк, расквартированный в станице Наурской Моздокского округа Кавказской области. В. Хромов добросовестно прослужил в этом полку 4 года. В 1832 г. он бежал со службы, бродя по разным местам, пришёл в Царство Польское, где в июле 1837 г. был арестован в городе Модлин. По распоряжению начальника комиссии тамошнего военного суда, В. Хромов был прогнан через строй в 500 чел. и отправлен на гарнизонную службу в крепость Анапа, в которую его доставили в том же 1837 г. Через несколько недель он вторично бежал. Не имея с собой никаких вещей, В. Хромов бесцельно бродил, дойдя при этом до Новочеркасска, где вновь был арестован¹.

Военнослужащим сложно было себя защитить в случае какого-либо проступка. В обзоре судопроизводственной практики военного министерства середины XIX в. говорилось: «Если к этому прибавить, что суд был вполне закрытый, что обвиняемый не имел права защиты, что решение дела начальниками производилось только на основании данных, находящихся в деле, без всякого опроса, и притом на основании законных доказательств и улик, то станет понятным, что военный суд находился в неудовлетворительном положении и нуждался в коренных преобразованиях»².

Результатом этих проблем являлось то, что некоторые беглые нижние чины обращали оружие против империи, в т.ч. и на Кавказе. Персидский шах имел в своём распоряжении 800–1500 российских дезертиров. Из них состояла наиболее боеспособная часть шахской гвардии³. Уход российских солдат в Персию обуславливался рядом причин. Так, лейб-гвардии Московского полка штабс-капитан князь Кудашев доносил графу И.Ф. Паскевичу из Нахичевани 26 сентября 1828 г.: «Побеги из Тифлисского полка, сколько я мог узнать, происходили от того, что 1) полковник Волжинский не весьма может

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 490. Л. 1.

² Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 120.

³ Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // История и её проблемы. 2013. № 1. С. 48–53. URL: <http://static.bsu.az/w8/Tarix%20ve%20onun%20problem/2013%20%20%201/seh.45-58.pdf> (дата обращения: 09.07.2021).

дать хороший дух полку и заботливо распоряжаться о выгодах солдата; 2) полк весьма обижается, что ваше сиятельство не взяли его в поход против турок; 3) полк некоторое время получал дурной хлеб, ибо сухари, оставшиеся в магазине, выдавались ему взамен муки; 4) полк не получил некоторых денег вовремя, а за разработку Кавказской дороги, где работы производились в 1825 и 1826 гг., вовсе не получал; 5) во все лето в полку не отпускались мясная и винная порции, отчего солдаты почти все страдали тяжелыми недугами; 6) когда пленные русские проходили из Тавриза, а особенно 42-го егерского полка, солдаты представили людям Тифлисского полка жизнь в Персию бежавших в обморочительном виде для солдата, и 7) некоторые солдаты мне открыли, что подсылаемые из Персии шпионы подговаривают их тайно на побег прямо к Аббас-мирзе»¹.

Российские дезертиры были и в Османской империи². Особые воинские единицы в имамате Шамиля состояли из российских перебежчиков. Только в ауле Дарго находилось 500 чел. беглых солдат. Они обслуживали артиллерийские орудия³. Интересную историю беглого унтер-офицера изложил В.В. Лапин: «Некоторых кавказских беглецов судьба заносила в Среднюю Азию. «Министром артиллерии» хивинского хана Алла-Кулу в 1840-е гг. являлся Сергей-ага, беглый фейерверкер Кавказского корпуса, не рассчитывавший на помилование за убийство офицера. Он сформировал артиллерийскую батарею. Эти орудия позволили Алла-Кулу взять верх в войне с Бухарой, вследствие чего Сергей-ага стал одним из самых влиятельных людей в этом среднеазиатском государстве»⁴.

Тем не менее, дезертиры и перебежчики имели возможность вернуться обратно в Россию. Ярким примером в этом отношении являлись запорожские казаки, бежавшие в Османскую империю после уничтожения Запорожской

¹ Берже А.П. Кавказская старина. Пятигорск, 2011. С. 311–312.

² Космарский А., Зоря А. Нужен им берег турецкий. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/21/subjects/> (дата обращения: 09.06.2021).

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 154.

⁴ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. С. 252.

Сечи в 1775 г. В Добрудже они основали Задунайскую Сечь, в которую по разным причинам бежали российские подданные. Эти казаки являлись подданными турецкого султана, и в случае войны они были обязаны сражаться на его стороне. В 1817 г. они принимали участие в походе против греков, а в 1821 г. казаки воевали против сербов. Но в 1828 г., когда началась очередная российско-османская война, запорожские казаки под предводительством своего атамана Осипа Гладкого (он имел титул двухбунчужного паши, что в Российской империи соответствовало званию генерал-лейтенант) раскаялись за ранее совершённую измену и перешли на российскую сторону. Казаки оказали российским войскам ценную услугу, показав брод для переправы через Дунай. Проявлением высокого доверия стал тот факт, что Николай I при переправе через эту обширную реку сел в шлюпку, управляемую недавно перешедшими на российскую сторону казаками. После войны им были дарованы земли около Мариуполя. Их объединили в Азовское казачье войско. В 30–50-е гг. XIX в. на своих лёгких баркасах они патрулировали восточный берег Чёрного моря и боролись с контрабандой. Многие казаки служили в укреплениях Черноморской береговой линии¹.

В 1839 г. успехом завершилась миссия по возвращению из Персии в Россию российских солдат, возложенная императором Николаем I на генерала А.О. Дюгамеля и капитана Нижегородского драгунского полка Л.Л. Альбранда. 11 февраля 1839 г. с барабанным боем и песнями, практически в полном составе (всего из Персии было выведено 1084 чел.: 597 солдат, 206 жен и 281 «дитяти», что стоило казне 19971 руб.) во главе со своим командиром беглым прапорщиком пехотного Нашебургского полка Е.В. Скрыплевым, в Россию вернулся батальон русских дезертиров «Багадеран».

Женатых дезертиров, прибывших из Персии вместе со своими семьями, зачислили в Кавказское линейное казачье войско и расселили по казачьим станицам. За вклад в возвращении русских перебежчиков на родину,

¹ Гаденко А.П. Азовское казачье войско (1830–1865 г.). Кашира, 1912. С. 37–40.

Е.В. Скрыплев был прощен и определен сотником в один из казачьих полков Кавказского линейного казачьего войска.

В конце 30-х гг. XIX в. по предложению генерала Г.Х. Засса началось устройство Новой Лабинской кордонной линии. Помимо укреплений и постов, закладывавшихся по р. Лабе и её притокам, планировалось основать еще целый ряд казачьих станиц. Их поселенцами, наравне с линейными казаками (800 семейств), должны были стать люди разного сословия (400 семейств), в том числе 200 семейств переселенных из России казённых крестьян и донских казаков, а также 200 семейств вышедших из Персии солдат.

В мае 1841 г. вновь устроенные станицы стали обживаться первыми поселенцами. Состав водворенных на линии жителей станиц, образовавших население Лабинской линии, был чрезвычайно разнообразен: линейные и донские казаки, государственные крестьяне, женатые нижние чины Тенгинского и Навагинского полка – 1549, кавказские сектанты, татары, армяне, грузины, малороссы, выходцы из разных мест России, а также «персидские выходцы», т.е. выведенные из Персии дезертиры. На линии персидские выходцы были равномерно распределены и поселены (получили дома и землю) в станицах Чамлыкской, Михайловской, Петропавловской и Лабинской.

«Персиянам», как и другим переселенцам, в новом крае пришлось столкнуться с состоянием угрозы со стороны горцев и необходимостью выполнения военной повинности (помимо освоения новых земель и ведения собственного хозяйства на них ложилась пограничная служба с ночными дозорами и частыми тревогами)¹.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что в 1830–1860-е гг. в Российской империи существовали строгие сословные барьеры, которые сильно ограничивали горизонтальную и вертикальную социальную мобильность подданных. Это была главная причина незаконных перемещений населения, как внутри государства, так и за его пределы. Одной из групп беглых были

¹ Пылков О.С. К вопросу о причислении «персиян» к линейным казакам в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы десятой Кубанско-Терской науч.-практ. конф. Армавир, 2016. С. 87–91.

дезертиры – бывшие военнослужащие, покинувшие места службы. Они скрывались по целому ряду причин: продолжительные сроки службы; тяжёлые нагрузки, юридическая незащищённость, комплектование армии преступниками и т.д. Некоторые дезертиры бежали за пределы Российской империи и даже служили в военных формированиях соседних государств.

Дезертирство как социальный феномен было характерно не только для российской, но и для всех западноевропейских армий Нового времени. Часто воинские подразделения в Старом Свете теряли четверть, а то и половину солдат. Во Франции побег со службы объяснялись не трусостью, а свободолюбивым складом характера. Опытные офицеры считали, что глупый или старый военнослужащий не решится на побег. На это были способны наиболее смелые и сильные солдаты. А.В. Кутищев метко заметил: «Дезертирство на Западе процветало не только из-за суровой дисциплины, злоупотреблений начальства или коммерческой жилки солдат и офицеров. Спецификой западноевропейских регулярных армий эпохи являлось их комплектование из «разноплеменного сброда», собранного на время и по случаю очередной войны»¹. Определённые сложности с дисциплинированностью личного состава существовали и на Северном Кавказе.

Подведём итоги параграфа. Впервые проведён сравнительный анализ причин побегов к горцам Северо-Западного Кавказа военнослужащих регулярных и иррегулярных частей российской армии. Нижние чины российской армии бежали преимущественно из-за тяжёлых условий службы и злоупотреблений начальства. Важным фактором, влиявшим на бегство солдат в горы, являлось комплектование подразделений ненадёжными и ссыльными новобранцами. Казаки переходили в Закубанье, спасаясь от наказания за совершённые ими преступления. Также в горах они могли реализовать свои представления о старинной казачьей вольнице, т.к. государство постепенно сужало автономию казачества.

¹ Кутищев А.В. Дезертирство в европейских армиях в эпоху Людовика XIV и Петра Великого // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 4 (90). С. 41–45.

1.2. Обстоятельства появления и проживания российских подданных среди горцев Северо-Западного Кавказа из числа военнослужащих

Выявленные в предыдущем параграфе общероссийские причины дезертирства во многом отмечались и на Северо-Западном Кавказе. Это подтверждают иностранные авторы, побывавшие в регионе в 1830–1860-е гг.

Наряду с общими мотивами дезертирства, в каждом регионе присутствовали специфические региональные стимулы. Перейдём к подробному рассмотрению причин бегства нижних чинов российской армии к горцам Северо-Западного Кавказа в указанный период. Данная тема была подробно нами освещена в одной из публикаций¹.

«Ненадёжный» контингент. Процент людей, склонных к девиантному поведению в российской армии был существенно выше, чем в обществе в целом. Помещики, крестьянские общины стремились отдать в рекруты людей, поведение которых, зачастую, отклонялось от нормы². Пройдя несколько уровней отсева, как правило, наиболее беспокойные, склонные к асоциальному поведению рекруты направлялись на укомплектование войск Отдельного Кавказского корпуса. Служба на Кавказе считалась равносильной наказанию, ссылке. По утверждению поляка, воевавшего в Закубанье на стороне горцев, Теофила Лапинского: «Полковые командиры войск, расквартированных во внутренних районах империи, стремились отправить в этот регион плохих и негодных солдат»³.

Во многом подтверждают слова Т. Лапинского данные, собранные историком Тенгинского пехотного полка Д.А. Раковичем. С 1 июня 1835 г. по

¹ Степаненко Н.С. О причинах дезертирства российских военнослужащих на Северо-Западном Кавказе в 30–60-е гг. XIX в. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2196–2200. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86467.htm>. (дата обращения: 12.01.2022).

² Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. С. 129.

³ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 39.

март 1837 г. в бегах числилось 286 человек. Командир полка В.А. Кашутин в своём донесении от 28 марта 1837 г. основную причину к побегам видел в «значительном числе в полку штрафованных людей, бродяг и рекрут». С 1-го января 1836 по март 1837 г. в полк поступило 835 рекрутов; из них: бродяг – 4; поляков – 83; штрафованных – 38; зачисленных по поимке из бегов – 44. Всего «ненадежными» в полку числилось 1348 чел.¹ Аналогичным был и офицерский состав, формировавшийся из людей, которые по разным причинам не могли оставаться на прежних местах службы.

На Северо-Западный Кавказ также попадали рекруты, которых социальные психологи С.К. Бондырева и Д.В. Колесов охарактеризовали термином «странники». Ими становились социально неблагополучные люди, причём это неблагополучие было связано с изначальной жизненной неустроенностью, которая затем воспроизводилась на всю прочую жизнь. Они не были настроены на перемену места, но вынуждены это делать в поисках «лучшей доли»².

Примером такого психологического типа являлся солдат Спиридон Перепелицын. До службы в армии он имел семью: жену Анастасию Гаврилову сына Василия, а также дочерей Варвару и Зиновию. В рекруты он был отдан помещиком в 1831 г. В 1832 г. С. Перепелицын совершил первый побег, за который его наказали прогнанием сквозь строй в 500 чел. В 1836 г. его дважды прогнали сквозь строй в 500 чел. за второй побег. В начале Петрова поста 1838 г. (конец сентября) С. Перепелицын в третий раз бежал. Он прибыл к немирным горцам и прожил у них около 2 месяцев. Из-за Кубани он выбежал вместе с горцем по имени Гантук и прибыл на Ольгинский карантинный пост. Проведя там положенное время, явился в Екатеринодар и получил от атамана Н.С. Завадовского позволение свободно перемещаться по городу. Напившись допьяна, он отправился в земли Войска Донского в поисках сво-

¹ Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. Тифлис, 1900. С. 169.

² Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). М.; Воронеж, 2004. С. 30.

бодного места жительства, где был арестован в июне 1839 г. и выслан во внутренний батальон г. Екатеринодара¹.

В этот период Северо-Западный Кавказ стал местом ссылки политических преступников. Подавляющее число таких ссыльных составляли поляки, участники польского восстания 1830–1831 гг. Теофил Лапинский писал, что «многочисленные политические осужденные или только находящиеся на подозрении кончали свою жизнь в солдатской шинели на Кавказе; долгое время годовой рекрутский контингент в Царстве Польском зачислялся в эту армию»². При этом нужно сделать важное уточнение. Репрессиям подверглись не поляки как таковые, а именно активные участники восстания 1830–1831 гг. В первой половине XIX в. на Северо-Западном Кавказе служило много поляков, занимавших ответственные военные посты и зарекомендовавших себя верными подданными Российской империи³. Также указанный автор, оценивая этнический состав дезертиров российской армии, бегущих в горы, отмечал: «Больше половины перебежчиков – поляки, затем малороссы. Менее многочисленны великороссы и казаки»⁴. О польских дезертирах, находящихся среди адыгов, упоминает большинство иностранных авторов, побывавших на Северо-Западном Кавказе (Фредерик Дюбуа де Монперэ, Эдмонд Спенсер, Джеймс Белл, Джон Лонгворт и др.)⁵.

О них есть сведения и в российских документах. В одном из дел Государственного архива Краснодарского края сообщается, что в 1839 г. горцами был выдан беглый поляк⁶. В том же году из Абинского укрепления бежал ря-

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 490. Л. 19.

² Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 39.

³ Матвеев О.В. К вопросу о службе поляков в Кавказском Линейном казачьем войске // Вопросы южнороссийской истории. М.; Армавир, 2010. Вып. 16. С. 98–107.

⁴ Там же. С. 146–147.

⁵ Монперэ Ф. Д. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002. С. 96, 117; Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 42; Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Нальчик, 2007. Т. I. С. 90–91; Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 289.

⁶ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 362. Л. 50.

довой 1 Черноморского линейного батальона Юзеф Василевский¹. Российский офицер Ф.Ф. Торнау, побывавший в горском плену, писал в своих воспоминаниях, что убыхи рассказывали ему о беглых поляках, живших на побережье Чёрного моря². А.И. Шпаковский³ в своих мемуарах оставил сведения о нахождении и деятельности поляков-перебежчиков в горах.

В то же время в рапорте генерал-адъютанта П.Х. Граббе графу А.И. Чернышеву от 7 апреля 1840 г. сообщалось: «Большинство поступающих из Польши на службу в Кавказские войска отличались примерным поведением и... последние два года число беглых между ними значительно уменьшилось; но оно так важно, что я не могу умолчать об этом»⁴.

Также в горы бежало немалое количество казанских татар, служивших в российской армии⁵. Примеры подобных происшествий мы находим в деловой переписке российской военной администрации. В рапорте командира линейного Черноморского батальона № 2 майора Иващенко начальнику 1-го отделения Черноморской береговой линии генерал-майору А.О. Дебу от 21 мая 1854 г. упоминается о побеге двух татар (судя по именам и фамилиям) к горцам. Солдат Магомет Темирбулатов и гренадёр Хуснадин Фнерефинов не явились на вечерний осмотр 19 мая 1854 г. в роту. Майор Иващенко писал о том, что рядовые числились на хорошем счету и не проявляли видимых причин для побега⁶. Татары стремились найти у адыгов лучшую жизнь, надеясь на солидарность единоверцев. В горы бежали и некоторые адыги, служившие в рядах российской армии.

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1505. Л. 3.

² Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау (Воспоминания и документы). Нальчик, 1999. С. 479.

³ Шпаковский А. Записки старого казака. URL: https://fb2gratis.com/gratis_rd_382969_p1 (дата обращения: 09.10.2020).

⁴ АКАК. Тифлис, 1883. Т. IX. С. 252.

⁵ Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Нальчик, 2007. Т. I. С. 309; Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 144.

⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1927. Л. 19.

Таким образом, Северо-Западный Кавказ в 1830–1860-е гг. стал местом службы неблагонадежных представителей российского общества, которые не отличались верностью интересам Российской империи.

Тяжёлые условия службы и злоупотребления начальства. Солдаты уходили к горцам и по причине тяжелых условий службы. Д. Лонгворт следующим образом описал положение в одной из крепостей Черноморской береговой линии: «Условия жизни этих интервентов [российских военнотружущих – Н.С.], замурованных в одинокой крепости, были далеко не завидные, и неизвестно, не были ли лишения, которые они переносили, более суровыми, чем те, которые ими причинялись. Раз в год их заточение облегчается прибытием отряда с провизией и другими припасами с Кубани. Между тем, обязанности в этой и других крепостях трудны и изнурительны до крайности. Через каждые десять шагов вдоль стены стоят часовые; ночью половина гарнизона находится под ружьем в состоянии постоянной тревоги. Болезнь, возникающая вследствие скудного и плохого питания, состоящего по большей части из черного заплесневелого хлеба и жидкого мучного супа, вкуче с ядовитыми миазмами, приводит в ней к большой смертности, которой, несомненно, существенно способствует и ограниченность пространства, в котором они живут... Настроение убежать настолько охватило их всех, что невозможно удержать их от бегства, поскольку они сторожат сами себя»¹.

Ф. Дюбуа де Монпере описывал строительство Геленджика в 1833 г. следующими словами: «Солдаты замешивали и обжигали кирпичи; солдаты выкладывали печи; солдаты рубили бревна в лесу, таскали и устанавливали их; они были архитекторами, плотниками, слесарями, словом солдаты были всё и вся»². Также автор упоминает о том, что Геленджик со всех сторон окружен черкесами. Человеку невозможно было сделать ни шагу вне крепости без сильного конвоя. Даже скот гоняли под прикрытием 50-ти солдат и

¹ Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 171–172.

² Монпере Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002. С. 97.

одного орудия¹. Д. Белл сообщал о двух новых, на тот момент (1837–1838 гг.) укреплениях на реках Пшат (Новотроицкое укрепление) и Чепсин (Михайловское укрепление). Находившиеся в них военнослужащие были настолько сильно блокированы адыгами, что их можно было считать пленными. Даже дрова, не говоря о пропитании, приходилось доставлять морем².

О тяжёлых условиях службы на северо-восточном берегу Чёрного моря писал в письме к брату от 22 июня 1838 г. хорунжий Азовского казачьего войска Константин Иванович Гаденко: «Трудно очень с ними [черкесами – Н.С.] воевать, потому что живут в горах, лесах непроходимых, и лес побольше бука, дубины такой, что и от орудия ничего ему не делается; горы же здесь такие, что и поныне снег лежит чрез все лето, воздух здесь весьма не здоров, днем очень жарко, а ночью холодно... Ныне они почти каждую ночь делают перестрелку, намереваются напасть на отряд; тогда и мы едва могли себя и лодки спасти, через всю ночь страдали, да и ныне почти каждый день под черкесскими пулями бываем, но еще всепримилостивый Творец предохраняет свыше, до сего времени еще пребываю невредим, а далее не могу знать. Еще только мне остается один год служить, а уже один прослужил, благодаря Бога... И ныне нас порознь по крепостям распределяют, по одной лодке в очень опасных местах; то и дело, что каждой ночи смерти ожидаешь»³. Хорунжий К.И. Гаденко просил брата, в случае его смерти, позаботиться о его семье: «В случае, если получите известие, что буду убит, или умер (от чего Боже сохрани), тогда Вы обязаны быть за отца моим деткам и наставником, как и ныне. Бог ведает, может уже пишу сие в последний раз»⁴. Казак будто предчувствовал свою гибель, это действительно было его последнее письмо.

¹ Монпере Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа... С. 99.

² Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Нальчик, 2007. Т. I. С. 373.

³ Второе письмо с Кавказа 22 июня 1838 года. Лагерь при реке Исачи. Отряд со стороны Абхазии // Гаденко А.П. «Азовское казачье войско» (1830–1865 г.). Кашира, 1912. С. 49–52.

⁴ Там же. С. 52.

Показывая тяжелое положение нижних чинов российской армии в крепостях, Т. Лапинский писал: «Всегда в уединенных гарнизонах, часто годами лишённые контроля высших офицеров, они подвергнуты произволу и корыстолюбью их начальства»¹. Скука и однообразие гарнизонной службы, способствовали развитию пьянства среди офицеров. Будучи в нетрезвом состоянии, они избивали своих подчиненных. Например, в 1846 г. генерал-майор Врангель узнал от нижних чинов 2-го Черноморского линейного батальона, что их ротный командир штабс-капитан Нечуй-Каховский «часто посещает солдат в нетрезвом виде и в это время в обращении с ними строптив». Он избил рядового Гаврилу Осипова «по лицу кулаками до того сильно, что выбил зуб и после этого наказал еще 100 ударами розог»². Несоответствующее военному чину поведение кавказских офицеров упоминалось и в приказах штаба Кавказской линии и Черномории. 29 мая 1856 г. сотник 1-го пешего батальона Кавказского линейного казачьего войска (КЛКВ) Крейтер за буйственные поступки и нетрезвое поведение был предан военному суду. Аналогичной мере подвергся и есаул 1-го Лабинского Линейного Казачьего полка Дмитрий Паскин за пристрастие к пьянству, буйству, растрату казачьих денег и другие противозаконные поступки³.

Результатом жёсткой воинской дисциплины, которой часто злоупотребляли воинские начальники, являлось бегство солдат к горцам из-за боязни быть наказанными за проступок. О любопытном случае написал О.В. Матвеев: «25 мая 1854 года Л.М. Серебряков сообщал командующему Отдельным Кавказским корпусом, что горцы доставили в Кабардинское укрепление бывшего рядового Кабардинского Егерского № 1-го полка Францишека Длуцкого. В ходе расследования, проведенного в Новороссийске, выяснилось, что за 15 лет до этого, находясь при перевозке провианта от Ку-

¹ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 39.

² Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 231.

³ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 2. Д. 57.

банской пристани в укрепление Абин, он был в цепи в числе 4 человек. Отстояв на посту своё время, Длуцкий лег спать. Когда он проснулся, ни товарищей, ни ружья, числившегося за ним, не было. При нём осталась только сумка с патронами. Боясь наказания и не зная местности, Францишек Длуцкий пошёл в неизвестном направлении. Встретившиеся горцы взяли его в плен с амуницией и 40 боевыми патронами. С тех пор Францишек несколько раз менял своих хозяев, и в конце был приведён в Кабардинское укрепление. Следствие установило, что Францишек Длуцкий поступил на службу из 17 полка бывшей польской армии в 1831 году»¹.

Аналогичный случай, произошедший на Северо-Восточном Кавказе, приводил в своих показаниях унтер-офицер 3-й карабинерской роты Тифлиского егерского полка Моисей Кузнецов. Он был взят в плен при обороне Гергебильского укрепления, находящегося в Аварии. Его освободили из плена в обмен на аманатов. 26 мая 1844 г. он дал следующие показания: «Я видел двух беглых, которые проживают в горах уже около 20-ти лет. В Сургатле меня содержали ночью в кандалах, а днем под присмотром, дабы я не мог уйти. В Гапши при мне был один беглый солдат 14-й дивизии, имени и фамилии не знаю, который, как сознавался мне, бежал из полка, потому что потерял шуруп от ружья и боялся быть за это наказанным»².

Интересный пример отношения командира к беглому солдату содержится в Государственном архиве Краснодарского края. Военский начальник Абинского укрепления Гавриш доносил командующему войсками правого фланга Кавказской линии и Черномории Н.С. Завадовскому 23 января 1842 г. о том, что рядовой 2-й роты 1-го Кавказского линейного батальона, расквартированной в Абинском укрепении, Иван Аганов 2 января того же года бежал к горцам. С собой он унёс казённую одежду. После этого лазутчики из числа лояльных российскому правительству черкесов сообщили коменданту о том, что беглец склонял горцев к нападению на укрепление. Гавриш писал,

¹ Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 216–217.

² АКАК. Тифлис, 1883. Т. IX. С. 834.

что, будучи среди адыгов, И. Аганов уверял их в отсутствии у российского гарнизона продовольствия. Беглец якобы убеждал закубанцев в том, что солдаты были больны и в большинстве своём находились в госпитале, а здоровых числилось не более 200 чел. Если бы горцы собрали отряд численностью около 2 тыс. чел., то им без труда удалось бы захватить укрепление. Узнав такую информацию, Гавриш, как писал он в своём донесении, на свои и деньги других офицеров гарнизона выкупил беглого солдата И. Аганова у горцев¹.

18 января 1842 г. был произведён допрос Ивана Аганова, на котором он рассказал, что от роду ему было 40 лет, исповедовал православие, был неграмотен, но мог немного говорить на турецком языке. Являлся уроженцем Пензенской губернии, происходил из крепостных крестьян помещика Шувалова. Оттуда был сдан в рекруты в 1824 г. 15 сентября того же года поступил на службу в Куринский мушкетёрский полк, откуда в 1828 г. бежал к чеченцам, где находился до 1830 г. После добровольного возвращения в Россию его осудили.

По поводу обстоятельств своего последнего побега И. Аганов пояснил, что вечером 2 января он напился допьяна, после чего принял решение бежать к немирным горцам, как он пояснил: «без всякого приглашения или принуждения начальства». При побеге он унёс с собой шапку, рубаху, штаны, пару сапог и собственный полушубок. При этом шапку и полушубок горцы у него забрали. Во время пребывания в горах И. Аганов сменил четырёх хозяев².

Дело И. Аганова было передано в судную комиссию, учреждённую при 5-м батальоне Тенгинского пехотного полка³. Судная комиссия 4 раза (!) требовала от Гавриша представить неопровержимые доказательства того, что И. Аганов склонял горцев к нападению на Абинское укрепление⁴. Лазутчиков, на которых ссылался командующий укреплением, вызвали в военно-

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 556. Л. 1.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 556. Л. 2.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 106.

судную комиссию. Там они рассказали, что видели И. Аганова среди горцев, но о его призывах воевать против России ничего не знали и Гавришу ничего об этом не говорили. О дальнейшей судьбе беглого солдата ничего неизвестно, но материалы следствия по делу И. Аганова показывают нам пример злоупотребления офицера к рядовому Отдельного Кавказского корпуса. Такие случаи суровой повседневности подвигали солдат к бегству к адыгам.

Болезни являлись настоящей бедой для гарнизонов крепостей на Северо-Западном Кавказе. Они были прямым следствием непривычного климата, фактической блокады и оторванности крепостей от внешнего мира. На порядок больше солдат погибало от различных недугов, чем от пуль горцев. «В числе пленных был один русский офицер, сообщающий, что с начала кампании русская армия потеряла из-за дезертирства, смерти или болезни (помимо убитых) приблизительно тысячу человек. Дезертирство усиливалось (одновременно явились одиннадцать человек), свирепствует дизентерия. Это результат, я думаю, вызванный природой их продуктов питания, а также недавними колебаниями температуры и отсутствием у них крова»¹, – вспоминал Д. Белл. Его спутник Д. Лонгворт также писал о тяжелой болезни, которая приводила к потере естественного цвета зубов и болезни суставов. В течение недели солдаты умирали от этого недуга². В конце 50-х гг. XIX в. эпидемиологическая обстановка по-прежнему была тяжелой. Т. Лапинский обратил на это внимание: «Русские всё время очень сильно страдали от лихорадки (малярии – Н.С.), и рассказы всех дезертиров согласно свидетельствовали о том, что половина корпуса больна лихорадкой. Отощавшие, похожие на мертвецов фигуры перебежчиков подтверждали их рассказы»³.

Иностранцев можно обвинить в предвзятом отношении к России, намеренном преувеличении. Однако и российские документы сообщали

¹ Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Нальчик, 2007. Т. I. С. 243–244.

² Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 147.

³ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 345.

о том же. В рапорте генерал-адъютанта П.Х. Граббе графу А.И. Чернышеву от 30 марта 1840 г. приводились следующие причины слабости береговой линии и бедственного положения её гарнизонов: 1) очевидная несоразмерность, обширности ее протяжения и числа укреплений; 2) невозможность существования малых фортов в таких условиях. Изнурительная гарнизонная служба при непрерывном ожидании нападения, отсутствие хозяйственных заведений, болезни от недостатка движений и тесноты, упадок физических и нравственных сил – неизбежны в таких обстоятельствах. Такие гарнизоны, по мнению П.Х. Граббе недолго могли противиться усилиям многочисленного, отважного и отчаянного неприятеля¹. Статистика смертности в гарнизонах Черноморской береговой линии от болезней за 1839 г. также красноречиво свидетельствует о тяжелом положении людей, которые проходили там службу. В Геленджике при средней численности гарнизона в 596 чел. в месяц болело в среднем 64 чел., а умирало 13. В Вельяминовском укреплении положение было ещё хуже. При средней численности военнослужащих из 228 чел. ежемесячно болели 131 и 27 умирали². За 12 лет своего существования гарнизоны Черноморской береговой линии предали земле 50 тыс. солдат и офицеров, подавляющая часть из которых умерла от болезней³.

Эффективно бороться с болезнями было практически невозможно. Медицинская служба на Северо-Западном Кавказе имела весьма ограниченные возможности влияния на ситуацию, т. к. её состояние в 1830–1860-х гг. было неудовлетворительным. В 1842 г. в Черномории из 16 положенных по штату врачей имелось только 8. Сами лечебные учреждения со временем ветшали, приходили в упадок⁴. Высокая смертность от инфекционных заболеваний, в условиях отсутствия антибиотиков, вакцин и других современных медицинских средств, была типичным явлением для XIX в. Более того, у людей, ока-

¹ АКАК. Тифлис, 1883. Т. IX. С. 250–251.

² Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир, 2011. С. 239.

³ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. С. 48.

⁴ Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800–1940 гг.). Армавир, 2006. С. 32–33.

завшихся в тот период в условиях непривычного климата, вероятность умереть от лихорадки (малярии) была на порядок выше. К примеру, в 1817 г. английская дивизия численностью 10 тыс. чел. вышла к границе Афганистана. В течение нескольких недель британцы похоронили 7 тыс. солдат и офицеров, скончавшихся от болезней. Потери от боевых действий были ничтожны¹.

Инфекционные болезни стали большим несчастьем для войск, расположенных на Северо-Западном Кавказе. Смертность от них была в разы выше боевых потерь. Результатом этого становилось чувство подавленности и отчаяния, толкавшее нижние чины российской армии на дезертирство к горцам.

Побеги, как правило, совершались ночью или во время хозяйственных занятий, когда солдаты были вне поля видимости офицеров. Так, 7 февраля 1838 г. во время рубки дров в лесу рядовой 2-го линейного Черноморского батальона Василий Данилович Хорущенко бежал к горцам, забрав с собой казенную одежду, ружье и 60 патронов². Аналогичный пример бегства солдат, произошедший 9 июля 1837 г., приводит поручик Н.В. Симановский, служивший в Навагинском полку: «Сегодня из 2-й гренадерской роты Навагинского полка, прикрывавшей пасущийся скот, бежало три солдата, они из противоположной горы начали кричать и манить к себе других, но по ним пустили гранату, которая лопнула сзади их, и они ушли бегом. Странно, что здесь в военное время не позволено расстрелять беглых, от того-то так много дезертиров»³. Нередко побеги сопровождались воровством. В 1830 г. из Анапы, вместе с двумя сообщниками бежал в горы рядовой 2-го линейного Черноморского батальона Лукьян Приступа. Вместе с казенным они похитили имущество своего унтер-офицера⁴.

¹ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. С. 48.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 465. Л. 1.

³ Дневник поручика Н.В. Симановского // Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб, 2000. Приложение. С. 408–409.

⁴ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 362. Л. 36.

При работе с источниками по Северо-Западному Кавказу мы не обнаружили примеров перехода российских военнослужащих к горцам во время боя, однако в Дагестане подобные случаи имели место. В 1843 г. Шамиль захватил целый ряд российских укреплений в Аварии. Когда командир крепости прапорщик Залетов увидел на высотах приближающихся мюридов, он сделал по ним три выстрела (возможно, это был сигнал). После этого сел на лошадь и отправился в стан наиба. Гарнизон Ахалчи поддался на угрозы мюридов и уговоры Залетова. 70 солдат сложили оружие и открыли ворота в крепость. Перед штурмом укрепления Гоцатля, прапорщик Залетов также пытался уговорить его защитников сдаться¹.

Таким образом, бегство солдат к непокорным горцам Северо-Западного Кавказа в 1830–1860-е гг. определялось рядом причин. Среди солдат было немало «неблагонадёжных» (ссылных, штрафников и др.). Они пытались изменить своё положение при помощи побегов. Суровые наказания за различные преступления и проступки, а также несовершенство военно-судебного делопроизводства вынуждали солдат скрываться из расположения своего подразделения. Тяжелые условия службы, изнурительный труд, постоянные военные тревоги, поварьные болезни, произвол начальства зачастую вынуждали солдат дезертировать к горцам.

Д.Н. Ракачёв в своём исследовании обратил внимание на важную закономерность отечественной истории: «Присоединение и освоение новых территорий Российской империей происходило примерно по одной схеме. Государство выталкивало за пределы наиболее активное население, затем шел процесс юридического присоединения этих территорий, после чего следовала государственная колонизация, носившая уже организованный характер»². По

¹ Рапорт командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии А.И. Нейдгардта военному министру генералу от кавалерии князю А.И. Чернышёву о взятии горцами Шамиля семи крепостей в Аварии, от 5 апреля 1844 г. // Кавказский вектор российской политики: Сб. документов. Т. II. Кн. 2. 1796–1864 гг. М., 2014. С. 593–594.

² Ракачёв Д.Н. Местное и пришлое население на Северо-Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. С. 16.

нашему мнению, на территории Северо-Западного Кавказа происходил аналогичный процесс. Уходя в горы, дезертиры становились субъектами социального взаимодействия. На основе опыта общения с ними у местного населения постепенно формировалось представление о российском государстве и обществе.

1.3. Бегство казаков к горцам Закубанья

В период «Кавказской войны» нередким явлением было бегство в горы выходцев из казачьей среды. Причины их побегов несколько отличалась от солдатских. Казаки имели собственные традиции и обычаи, формировавшиеся в условиях отсутствия государственной власти. Длительное проживание рядом с горцами способствовало налаживанию определённых экономических, культурных и межличностных связей. Усиление государственного контроля в казачьей среде вступало в явное противоречие с их представлениями о воле и независимости. Основные положения данного пункта были нами опубликованы в ряде наших статей¹.

Мы выделяем следующие причины побегов казаков к горцам. Прежде всего, казаки бежали из-за совершённых ими преступлений. В сложных условиях затяжного военного конфликта на Северо-Западном Кавказе на неподконтрольных российской администрации территориях складывались благоприятные условия для деятельности преступников, выходцев из казачьей

¹ Степаненко Н.С. Об отношении российских властей к казакам-перебежчикам Лабинской линии в середине XIX века // КАНТ. Ставрополь, 2016. № 4 (21). С. 31–34; Степаненко Н.С. Причины бегства казаков к горцам Северо-Западного Кавказа в 30–60-х гг. XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 12 (74), Ч. 2. С. 171–176; Степаненко Н.С. Беглые казаки среди горцев Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в. // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 окт. 2017 г.). Ростов н/Д, 2017. С. 127–134; Степаненко Н.С. Из истории Анапского поселения в 30-е гг. XIX в. // Новая наука: теоретический и практический взгляд: Международное научное периодическое издание по итогам междунар. науч.-практ. конф. (4 ноября 2016 г., г. Ижевск): в 2 ч. Стерлитамак, 2016. Ч. 2. С. 159–161.

среды. Поляк Т. Лапинский, прибывший в регион из Османской империи в феврале 1857 г., считал, что все российские беглецы «совершили какое-либо преступление в армии»¹.

Пример бегства в горы для того, чтобы спрятаться там от наказания за совершенное преступление, дает дело «О суждении военным судом казаков Долматова А. и Бочарова А. за побег к горцам» (1856–1862 гг.) из Государственного архива Краснодарского края. В рапорте командира 2-й бригады Кавказского линейного казачьего войска (далее КЛКВ) полковника Войцыцкого наказному атаману КЛКВ генерал-майору, князю Г.Р. Эристову от 29 февраля 1854 г. сообщалось: «30-го января, Лабинского казачьего полка 1 сотни казак Артамон Долматов нечаянно ранил выстрелом из ружья казака Савелия Заброцкого, пробив ему пулей навывлет левое бедро с прогибом кости»². Командир бригады дал этому делу ход: По всей видимости, Артамона Долматова ждало суровое наказание, но в силу медлительности бюрократического аппарата 2 года не принималось никакого решения, и казак продолжал служить. Но в 1856 г., опасаясь неминуемого наказания, А. Долматов решился на побег к «немирным» горцам. Временно исполняющий обязанности командира 2-й бригады подполковник Скрыпицын 4 июля 1856 г. доносил новому атаману КЛКВ Н.А. Рудзевичу: «Все четыре сотни находились на посту Алпатовском. Андрей Бочаров и Артамон Долматов, первый был послан выслать других казаков в Темиргоевский провиантский магазин для отвала месячного провианта принятого на сотню, и последний уволен на три дня в дом для покупки хлеба. 29 мая в полдень они были в станице Воздвиженской вооруженными. А. Бочаров забрал из дома двух своих оседланных лошадей без ведома воинского начальника. Они оба переправились на лодке через Лабу, откуда не возвращались»³. Таким образом, два казака бежали к горцам, а их поиски не увенчались успехом.

¹ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских... С. 147.

² ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1094. Л. 1.

³ Там же. Л. 3.

Другой казак Дмитрий Шеховцов, который добровольно возвратился и сдался властям, на допросах в управлении Лабинского округа следующим образом объяснил причину своего побега к горцам. В 1856 г. он был назначен сотенным командиром Соколовым курьером в управление Лабинского округа. Ему поручили отвезти простую и денежную почту в укрепление Каладжинское и вернуться обратно. По дороге, по словам Д. Шеховцова, он потерял казенные и частные денежные конверты (следствие выяснило, что размер денежного ущерба составлял 19 рублей 50 копеек серебром). По прибытии в Каладжинское укрепление Д. Шеховцов сдал только обычные письма. Вечером 16 декабря он вернулся в ст. Лабинскую. Утром 17 декабря при разборе конвертов он обнаружил один с надписью «весьма нужное», адресованное в станицу Владимирскую. Д. Шеховцов направился туда. По дороге он начал думать о потерянных деньгах и опасаясь наказания, решил бежать к непокорным горцам. Д. Шеховцов переправился через Лабу и, никем не замеченный, прибыл в тот же день в Махосhevский аул к владельцу Анжоку Балову¹. Казак Шеховцов опасался наказания за утерю казённых денег, в результате чего бежал к горцам.

В июле 1857 г. беглый казак Титаренко подговорил бежать к горцам казака Яриша, который был табунщиком у своего одностаничника Пяты. Вместе с приехавшим к Яришу из-за Кубани Титаренко они обокрали хозяина табуна и бежали к непокорным горцам².

Бегство по причине страха перед наказанием из-за совершённого преступления имело место и на Северо-Восточном Кавказе. Так, казака Гребенского казачьего полка ст. Калиновской Кондрата Дорошенкова за отмеченные правонарушения было решено наказать пятьюстами шпицрутенами и отправить на поселение в Сибирь. Но в 1846 г. он дезертировал к «немирным» горцам, в начале следующего года был пойман с оружием в руках и предан

¹ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 72. Л. 6–7.

² Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 969–970.

заслуженному суду¹. Многие преступники из казачьей среды совершали разбойные нападения на российские территории в составе горских партий.

Казачество изначально формировалось из людей, склонных к военным опасностям, у которых сложились специфические модели поведения. Их называли «вольными гулящими людьми» или «вольницей». Однако ситуация в регионе стала меняться с конца XVIII в., когда начался процесс переселения на юго-западные рубежи верных правительству казачьих войск. Генерал А.П. Ермолов, прибывший на Кавказ в 1816 г.², обратил внимание на сохранение таких отрицательных, с его точки зрения, явлений среди казаков, как распри и драки при обсуждении станичных дел, злоупотребление отжившим правом убежища для беглых людей, бесшабашный разгул и др.³ С начала XIX в. российская администрация начинает решительное наступление на казачьи вольности. Атаманы казачьих войск и станиц перестают быть выборными, их назначает российская администрация. Казачество, ранее пользовавшееся полным самоуправлением, постепенно включается в военную структуру империи. Неуклонно возрастает роль российского правительства, как регулирующего центра по отношению к казачеству⁴. Положения о Черноморском (1842 г.) и Кавказском линейном (1845 г.) казачьих войсках закрепили подчинение войск главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом и командующему войсками по Кавказской линии и Черномории⁵.

Деятельность казачества детальным образом регламентировалась, за провинности следовали суровые наказания. На это казаки реагировали уже не восстаниями, а уходом из-под контроля российских властей. И в первой половине XIX в. «вольница» была по-прежнему привлекательна для части каза-

¹ Великая Н.Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. М., 2015. Т. 9. С. 95.

² Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 55.

³ Голованова С.А. Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII – XIX вв.: этнодемографический аспект. Армавир, 2014. С. 49.

⁴ Там же. С. 26–27, 41.

⁵ Там же. С. 49.

ков Северо-Западного Кавказа, результатом чего становилось их бегство к «непокорным горцам». Там казаки могли реализовать свои представления о свободе, где имели возможность заниматься набегами, в том числе и на российские территории, не подчинялись войсковой администрации и т.п. Подобное поведение отвечало и ценностным установкам горцев, для которых джигитство являлось спортом, игрой и войной одновременно¹. Это входило в противоречие с интересами государства, которое формировало новые представления о преступлениях.

Ф.А. Щербина, отмечая определенную предрасположенность к отклоняющемуся поведению некоторых представителей казачества, писал: «Беглецы всегда играли заметную роль в рядах старинного казачества, особенно в период его образования. Между черноморскими казаками было также немало беглецов»².

Они иногда маскировали свою деятельность под горские набеги, либо совместно с горцами участвовали в них. В 1855 г. ряду разбойных набегов подверглись Екатеринодарский и Таманский округа. Вся группа нападавших была в черкесской одежде, но по другим признакам это были не черкесы. Для их поимки направили целую сотню казаков, но розыски не увенчались успехом³.

Ф.А. Щербина привёл целый ряд примеров бегства казаков в горы для того, чтобы вместе с горцами совершать грабежи российских хуторов и станиц. В 1838 г. под влиянием некоего армянина Артема в горы к черкесам бежал казак Басов. Там 12 января 1839 г. он сговорился с сыном мирного черкеса, бежавшим за Кубань, Поливаном Султановым и беглым казаком Кавказского полка Барышниковым пойти в набег в российские пределы. 13 января они перебрались по льду через Кубань ниже станицы Ладожской, разграбили хутора на Бейсужке, принадлежавшие казакам станицы. На обратном пути во время переправы через Кубань их настигли казаки, и Басов попал в

¹ Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007. С. 286.

² Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Т. II... С. 959.

³ Там же.

их руки, а Барышникову удалось бежать в горы. В 1841 г. были убиты при одном из грабежей сразу два таких перебежчика – урядник Брагунов и сын сотника Крамаров, но казак Кавказского полка Сабельников, под предводительством которого был совершен набег, успел снова уйти к черкесам¹.

Побудить казака к побегу мог и целый комплекс причин, что видно из дела хорунжего Петра Потапова, хранящегося в Государственном архиве Краснодарского края². Вполне вероятно, что именно П. Потапова описал в своих «Записках старого казака» Аполлон Шпаковский³. Автор характеризует его следующим образом: «П-в – личность, в былое время, замечательная по своей отваге и полной приключениями жизни. Умный и сметливый, хотя и большой руки плут, но и с сединой всё ещё отчаянная и неугомонная голова». По версии А. Шпаковского, он бежал в горы Северо-Западного Кавказа, где у него были кунаки и знакомые, из-за злоупотреблений вышестоящего начальства. Для того чтобы заслужить доверие горцев, он возглавил набег на ст. Родниковскую. Благодаря его знаниям языка, местности и привычек жителей станицы набег завершился большим успехом. Пробыв некоторое время среди горцев, хорунжий добровольно явился к российским властям с повинной.

Несколько иную и более детальную картину представляет архивное дело о побеге хорунжего П. Потапова к горцам. 26 марта 1853 г. князь Г.Р. Эристов сообщил командующему войсками Кавказской линии и Черномории Н.С. Завадовскому о том, что хорунжий Пётр Потапов бежал к горцам⁴.

П. Потапову было 48 лет. Он происходил из офицерской старообрядческой семьи, его отец был есаулом. На службу казаком поступил 1-го февраля 1821 г. (на допросе Потапов указал 1823 г.). Был произведён в урядники

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Т. II ... С. 963–964.

² ГАКК Ф. 254. Оп. 1. Д. 859. Л. 123.

³ Шпаковский А. Записки старого казака. URL: https://fb2gratis.com/gratis_rd_382969_p1 (дата обращения: 09.10.2020).

⁴ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 859. Л. 3.

24 июня 1827 г. С 1 января 1849 г. Потапова уволили со службы, т.к. он достиг 45-летнего возраста. Его произвели в хорунжие 7 апреля 1850 г., и вместе с этим он получил дворянский титул. 16 августа того же года П. Потапов был вновь зачислен на службу в качестве асессора. Будучи инспектором военно-судной комиссии, он зарекомендовал себя с лучшей стороны. Судя по материалам следственного дела, командование терялось в догадках о причинах бегства хорунжего, совершенного им в феврале 1853 г.

Сын Потапова – урядник Григорий в частной беседе с бригадным командиром предположил, что к побегу его отца толкнула смерть жены в 1852 г. На протяжении этого года П. Потапов распродал всё своё движимое имущество: 4 пары быков, 6 лошадей, около 100 овец (на что он потратил вырученные деньги, было неизвестно)¹.

9 декабря 1854 г. начальник правого фланга Кавказской линии получил предписание от командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанта В.М. Козловского. В этом документе приводилась другая возможная причина бегства П. Потапова к горцам. В 1850 г. из станицы Михайловской горцами было угнано стадо скота численностью 1105 голов. Виновником данного происшествия руководство считало П. Потапова, т.к. он, будучи воинским начальником, проявил преступную беспечность. За это его собирались предать военному суду.

На наш взгляд, П. Потапов опасался наказания за то, что горцы угнали большое стадо скота, за которое он нёс ответственность. Хорунжий распродал своё имущество, и, опасаясь, что его могут арестовать, решил бежать в горы. Ещё раз обратим внимание на характеристику П. Потапова сослуживцем, который отмечал его отвагу, тягу к приключениям, отчаянность и неугомонность. То есть, и в этот период среди части казаков были сильны представления о «вольнице», часто входившие в противоречие с государственным законодательством.

¹ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 859. Л. 15.

История П. Потапова позволяет показать комплекс причин, побуждавших казаков бежать в горы. В нём сошлись ментальные установки казачества в целом и П. Потапова в частности, ущемлённые усилившимся давлением государства. Если верить версии А. Шпаковского, П. Потапов бежал после несправедливого увольнения со службы. И хотя его государственная служба продолжилась, но она уже была гражданской, не считавшейся у казаков и дворян почётной.

Наличие у казаков кунаков и связей в горах Северо-Западного Кавказа не было чем-то из ряда вон выходящим. П. Потапов знал местные языки и традиции, что позволяло достаточно успешно укорениться в адыгской среде. П. Потапов был старообрядцем, что также могло сыграть свою роль в побеге. Раскольники в тот период бежали в горы как Северо-Западного, так и Северо-Восточного Кавказа. Он допустил халатность по службе, которая привела к угону станичного скота горцами, не сдал командованию состоящие у него в производстве следственные дела. Власть в этот период за преступления и проступки подвергала казаков «солдатским» наказаниям, что приводило к побегам в горы и мести за унижения. Наконец, свою роль сыграли и личные обстоятельства. После смерти жены и распродажи имущества П. Потапова уже ничего не удерживало в станице.

Оказавшись в горах, Пётр Потапов встретил там других беглецов. Одним из них был Николай Разсветаев из станицы Лабинской, о подробностях побега которого командующий 1-й сотней 2-го Лабинского полка Кругликов сообщил своему полковому командиру. Утром 28 мая 1855 г. он взял двух строевых лошадей, принадлежащих братьям Александру и Егору Лобода, якобы для того, чтобы отвести их на пастбище. Однако, Николай Разсветаев бежал с лошадьми за Лабу к непокорным горцам. Хорунжий Кругликов начал преследование. Казачью сотню остановила разлившаяся река. Хорунжий принял решение переправить на другой берег шестерых казаков на лучших конях и продолжить преследование. В итоге, переправившимся через бурную Лабу казакам не удалось настичь Николая Разсветаева.

Двоюродный брат беглого казака Егор Лобода рассказал командованию о побеге своего родственника следующее. После выселения казачьих семей из станицы Лабинской в 1854 г. они с братом приняли у себя Николая Разветаева (семью которого также выселили за Кубань). Будучи родственником, он имел полный доступ к имуществу братьев. Утром 28 мая, когда Егор и Александр ещё спали, Николай взял ружьё, принадлежащее Егору, двух строевых лошадей, чекмень и шашку, после чего скрылся за Лабой.

Родной брат Николая – Егор Разветаев рассказал, что утром он возвращался от воинского начальника. По дороге он встретил донского казака, который спешил в штаб, чтобы доложить о том, что казак в белом чекмене переправился за Лабу. Этой вестью он поделился с Егором, который видел утром брата в нетрезвом виде. Заподозрив недоброе, казак поспешил к братьям Лобода, от которых узнал об исчезновении Николая с двумя лошадьми. После этого Егор доложил станичному начальству о побеге брата¹. Поиски Николая Разветаева проходили на обширных территориях Кавказского линейного казачьего войска. Например, в донесении от 6 апреля 1855 г. надёжнинское станичное правление доносило войсковому правлению, что розыск беглого казака Лабинской станицы Николая Разветаева с проводником его из числа горцев в станице Надёжненской не привёл ни к какому результату².

Следует обратить внимание на то, что поведение Николая Разветаева и раньше выходило за рамки установленных правил социального поведения. Сотник Кругликов сообщил руководству, что казак имел 2 ареста. В первый раз он отбывал наказание в течение 8 дней, второй раз в течение 12 дней за ограбление лазутчика³.

В первой половине XIX в. старообрядчество также воспринималось как форма отклоняющегося поведения. В ответ многие староверы старались покинуть империю. Т.Г. Письменная на основе архивных данных приводит

¹ ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 207. Л. 25–26.

² Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 3.

³ ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 207. Л. 27.

пример неудавшейся попытки перехода староверов в горы¹. В 1837 г. 36 староверов-поморцев переправились на семи подводах через Кубань. Посланные на их поиски разъезды вернулись безрезультатно. Однако беглые староверы вскоре были задержаны мирным махошевским князем Анчоком Богорсуковым и переданы российским властям. Главная цель побега, которая была выяснена во время следствия, была сформулирована следующим образом: «Переправились через Кубань, намереваясь пробраться к непокорным абадзехам для всегдашнего жительствова»².

Другой случай бегства в горы по религиозным мотивам произошёл на Лабинской линии. Командир 2-й бригады КЛКВ Волков доносил наказному атаману генерал-лейтенанту Николаеву 6 октября 1846 г. о неудачной попытке семи казаков скрыться в Закубанье. Жители станицы Чамлыкской Иван Федяев, Григорий Сальков, Константин Наделин, Прохор Лапин, Фёдор Сидоров, Анофрий Жилин и Яков Черкашин 8 сентября 1846 г. бежали в горы. Вскоре, 13 сентября первые четыре человека добровольно возвратились в станицу. Последних троих беглых казаков поймали недалеко от Ахметовского укрепления и сопроводили в станицу Лабинскую. Впоследствии на допросе они сообщили об обстоятельствах побега. Фёдор Сидоров пояснил, что совершил побег в горы для спасения своей души. Яков Черкашин рассказал, что он примкнул к остальным, чтобы отправиться на богомолье. Григорий Сильков на следствии заявил, что во время побега с товарищами имел намерение пробраться в горы и найти свободную жизнь от «российских тягостей». Однако беглецам не удалось найти подходящего для жизни места. После того, как запасы продовольствия иссякли, четверо из них решили добровольно вернуться. В итоге участники неудавшегося побега получили телесные наказания от 50 до 100 розог³.

¹ Письменная Т.Г. О бегстве староверов на территории северокавказских горцев в первой половине XIX в. // Вопросы южнороссийской истории. М.; Армавир, 2010. Вып. 16. С. 49–51.

² Письменная Т.Г. О бегстве староверов на территории северокавказских горцев в первой половине XIX в. ... С. 49–51.

³ ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 62. Л. 2.

Другой причиной дезертирства было стремление к аккультурации в рамках горского образа жизни. Отдельные казаки сохраняли в горах кунаков и родственников, знали их язык и обычаи. Конфликт, в который они были вовлечены, являлся своеобразной формой межэтнического контакта-взаимодействия. В условиях противостояния некоторые из казаков колебались между двумя моделями жизни, они находились на «стыке культур», но рано или поздно всё же делали свой выбор¹. Нравами и образом мыслей они были близки горцам, что позволяло им достаточно успешно укорениться в их среде.

Интересным примером перебежчика, принявшего горские обычаи, является история Семёна Атарщикова. Незаурядная фигура этого казака по-прежнему продолжает вызывать интерес у отечественных² и зарубежных историков³. Он родился в 1807 г. в станице Наурской (современная Чеченская Республика). Еще ребенком его отдали в кумыкский аул, где он научился кумыкскому, чеченскому и «татарскому» языкам. Уже в 16 лет он стал переводчиком в Моздокском казачьем полку⁴. Позже С. Атаршиков получил широкую известность на всём левом фланге Кавказской линии. Он имел много кунаков среди чеченцев, вместе с ними ходил в набеги на ногайцев. За эти поступки Атарщикова сурово наказывали⁵.

После того, как полковник Г.Х. Засс был переведен на Кубанскую линию в 1833 г., на Северо-Западном Кавказе появляются его верные сподвижники – братья-близнецы Георгий и Семен Атаршиковы. И если первый верно служил России, то последний продолжал свои «проделки» и здесь. В октябре 1841 г. командир Хоперского полка майор Игельстром донёс генералу Зассу,

¹ Великая Н.Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. М., 2015. Т. 9. С. 95.

² Дударев С.Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России. Известия научно-педагогической кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Ставрополь, 2016. Вып. 5. С. 4.

³ Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016. С. 10.

⁴ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001. С. 226.

⁵ Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 5. С. 248–249.

что 17 октября к горцам бежал сотник Лабинского полка С. Атарщиков вместе с узденями Шереметом Лоовым и Лафишевым. Он также склонил к побегу абазинского князя Сералипа Лоова и двух строевых казаков Хоперского полка – Василия Фенёва и Ефима Петренко. Через несколько дней после побега С. Атарщиков собрал партию из 40 горцев, и 27 октября близ поста Открытого они захватили двух казаков, из которых один был убит, а другой пленён. Отправившийся в погоню российский отряд под командованием сотника Краснова, настиг черкесов и нанёс им поражение.

По-видимому, С. Атарщикову не понравилось у горцев. Один из его товарищей – казак Петренко 19 ноября того же года явился к властям на Линию. Ввиду полного раскаяния Петренко был прощён. Оценив великодушие властей, вскоре, через два месяца на Линию явился с повинной и сам С. Атарщиков вместе с беглым казачком Фенёвым. Спустя несколько месяцев их обоим было предписано отправиться на службу в Финляндию. Им выдали документы и оставили на свободе для приведения в порядок домашних дел¹. 18 сентября 1842 г. С. Атарщиков с В. Фенёвым снова ушли к горцам за Кубань. В. Фенёв вскоре вернулся в укрепление Зассовское на Новую Линию, а С. Атарщиков принял ислам и принял имя Хаджерет-Магомет.

Семён Атарщиков (Магомет-Хаджерет) занял достаточно высокое положение среди горцев. Он не только водил горские партии в российские пределы, но и пытался переманить в горы недовольных службой российских солдат. В марте 1843 г. немногочисленный горский отряд во главе с С. Атарщиковым появился близ Житомирского поста Кавказской линии и подбросил воззвание этого перебежчика, адресованное военнослужащим. Казачья команда не смогла настигнуть беглого казака и горцев, однако письмо оказалось в распоряжении руководства. Командующий войсками правого фланга Кавказской линии генерал-майор С.Д. Безобразов строго предписал

¹ Толстов В. История Хопёрского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Тифлис, 1900. С. 264–265.

своим подчинённым принять самые деятельные меры для того, чтобы подобного рода письма не распространялись среди нижних чинов¹.

Содержание письма было следующим: «Я, сотник Атарщиков, ныне признан абадзехами за первостепенного их узденя и [абадзехи – Н.С.] следуют моему совету. Приглашаю, братцы служивые, кому угодно ко мне идите. Я для всех отстоял право вольности. За Лабу кто перейдёт и назовётся моим гостем, никто не смеет удержать. Меня вот как искать: скажи я гость Хаджерет Магомета русского офицера, и сам, как Хаджерет дескать иду к нему на Курджипс речку, никто не смеет задержать, ибо кто задержит моего гостя, подвергнется штрафу в 15 коров. Приглашаю плотников, кузнецов, солдат с ружьями и порохом, барабанщиков, кто с барабаном, музыкантов. [Каждый – Н.С.] Господином будет признан, как и я. Кто деньги принесёт – это его собственность, никто не смеет отнять. Кто хочет, может ехать в Турцию, а потом куда угодно за границу. Словом, всех приму: поляк ли, немец ли, русский ли. Со своими, казёнными, барскими деньгами не опасайся. Деньги спрячь, прежде перейдя Лабу. Это потому я говорю, чтобы по дороге кто воровски не ограбил. Жёны здесь хорошенькие. Прошу передавать это известие друг другу, прощайте! Хаджерет Магомет. Ожидаю вас. Не мешает на новоселье как, что принести. Это я на походе пишу, извините»². Доподлинно неизвестно, знали ли солдаты Кавказской линии о содержании данного послания и о том влиянии, которое оно оказало. Тем не менее, С. Атарщиков продемонстрировал хорошее понимание причин недовольства солдатской службой. Достаточно высокое социальное положение С. Атарщикова среди горцев подтверждается тем, что в апреле 1844 г. беглый казак женился на дочери ногайского узденя Мисоста Энарукова и поселился с ней в собственной сакле в ауле на р. Курджипс³.

На этом примере видно, что подобный духовный выбор становился перед людьми, которые с детства находились в горской среде. Именно в дет-

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 93. Л. 1.

² РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 93. Л. 2.

³ Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 965.

стве закладываются основы мировоззрения. На Северо-Западном Кавказе имели место случаи бегства к горцам несовершеннолетних российских подданных до этого побывавших в плену и воспитывавшихся среди адыгов. Об истории одного такого побега повествует дело, хранящееся в Государственном архиве Краснодарского края. 23 июня 1853 г. войсковое дежурство Черноморского казачьего войска доносило в управление Черноморской кордонной линии о том, что в 1852 г. из горского плена была вызволена жена казака 2-го пешего батальона Самойла Варича – Марья, пленённая в 1842 г. при разорении горцами станицы Васюринской. Женщина объявила станичному правлению указанной станицы о том, что в плен попал мальчик Никифор Рекало, сын казака Фёдора Рекало. Он вышел из крепости Прочный Окоп и был пленён горцами. После чего мальчика обменяли на пленного адыга уже под новым именем Исмаил. К тому времени ему было 17 лет. 2 января 1852 г. юноша отправился рубить хворост близ поста Изрядный источник и не вернулся обратно. Станичное начальство полагало, что Никифор (Исмаил) бежал к горцам. Местным властям было предписано принять меры для его поиска¹. Наказной атаман Черноморского казачьего войска Я.Г. Кухаренко распорядился узнать через верных горцев о местонахождении юноши. Начальник 1-й части Черноморской кордонной линии 28 марта 1856 г. доносил Я.Г. Кухаренко о своих попытках выяснить нахождение Никифора (Исмаила) Рекало, но ему так и не удалось ничего узнать². По всей видимости, будучи в плену, подросток воспринял горский образ жизни, о чём говорит даже смена имени. Поэтому Никифор (Исмаил) и принял решение бежать в горы.

В 1850-е гг. среди адыгов жил беглый казак Титаренко. У горцев он был предводителем мелких партий, собираемых для набегов. О жизни казаков среди горцев рассказал на следствии Харитон Ярош, который вместе с ним жил у адыгов, после чего добровольно явился на Черноморскую линию. По его словам, Титаренко был женат на крепостной черкеса Шалохо, у кото-

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1372. Л. 1.

² Там же. Л. 4.

рого он жил. Черкесы не принуждали беглых казаков принимать ислам. Х. Яроша горцы привели к присяге в присутствии муллы, но она состояла лишь из обещания верности адыгам, без перехода в мусульманство¹.

Другие казаки, наоборот, принимали ислам и стремились укорениться среди адыгов. Теофил Лапинский писал о беглом казаке Георгии, получившем среди горцев имя Махмуд. Он принимал энергичное участие в набегах, похищениях людей в Черномории. Перебежчика приняли в семье состоятельного адыга, на дворе которого он жил. Георгий (Махмуд) собирался жениться на его дочери. Беглый казак был богат по адыгским меркам: имел хорошую одежду, прекрасное, богато украшенное оружие и три лучших верховых лошади, а также наличные деньги. Помимо всего прочего, у Георгия (Махмуда) были верные друзья, готовые за него отомстить. С ними он ходил в набеги и делил добычу².

Помимо мужчин, на неподконтрольные территории бежали и некоторые женщины. Казачки часто уходили к горцам по причине невозможности нахождения в российской социальной среде из-за унижения чести и достоинства.

История одного такого побега изложена в архивном деле «О предании военному суду казачку Бунину и азиата Тлоха Хацоцова первую за побег, а последнего за участие и передачу Бунину в горы» (1859–1860 гг.). Как видно из рапорта пристава Нижнекубанских аулов майора Юрова, казачка станицы Некрасовской Прасковья Бунина совершила побег в горы, будучи униженной «прелюбодейной связью» с казаком Василием Щедровым. В побеге ей помог черкес Тлох Хацоцов, житель мирного Джангиреевского аула. Казачка была выкуплена приставом Юровым из горского плена за 300 рублей серебром, которые он изъял у Хацоцова. Однако вскоре, по настоянию вышестоящего начальства, последний был освобожден из-под ареста³. Отставной казак ста-

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 971.

² Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 154.

³ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1254. Л. 7.

ницы Некрасовской Петр Бунин, который приходился тестем Прасковьи, представил в судное отделение Штаба войск правого фланга Кавказской линии подписи 9-ти стариков, жителей станицы Некрасовской. Они изъявили желание взять Бунину на попечение. 2 марта 1860 г. был издан приказ освободить казачку, в котором отмечалось: «Генерал-лейтенант Филипсон, изволил казачку Бунину освободить из-под ареста, отдать на поруки, изъявившим на то желание 9-ти старикам из жителей»¹. Из этого документа видно, что российская администрация достаточно лояльно относилась к перебежчикам подобного рода.

В 1850 г. произошла аналогичная семейная драма, о которой командир 1-й бригады КЛКВ войсковой старшина Бамрев сообщил наказному атаману генерал-майору Круковскому. Казачка Татьяна Вышнякова из станицы Тифлисской вышла замуж за неслуживого, слабоумного и немого казака Степана Вышнякова. На протяжении года семейной жизни она терпела обвинения со стороны матери и сестёр мужа в супружеских изменах. 30 октября 1850 г. свекровь согласно показаниям Татьяны Вышняковой: «Рассердилась неизвестно на что и грозила вывести в общество для наказания». Казачка рассказала о своих дальнейших действиях: «Убоясь этого и не чувствуя за собою никакой вины, отлучилась из дома с намерением укрыться где-либо дня на два, а после явиться опять домой, надеясь смягчить этим свекровь»². Татьяна Вышнякова ушла в близлежащий лес. Когда наступил вечер, она испугалась того, что её найдут, и переправилась на левую сторону Кубани для ночлега. В сумерках её обнаружили 2 вооружённых всадника. Казачка была взята в плен и доставлена в мирный аул, расположенный напротив станицы Казанской. Следующим утром беглянку доставили в укрепление Темиргоевское.

Свекровь Татьяны – Аксинья Вышнякова отрицала обвинения невестки, так же как и её дочери – Прасковья и Агафья. На очной ставке Татьяна заявила, что свекровь била её по щекам и угрожала вести в станичное обще-

¹ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1254. Л. 21.

² ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 90. Л. 6.

ство для наказания. Акси́нья Вышня́кова отрицала слова невестки. При этом свекровь заметила, что в одну из ночей, после крика Степана, она увидела соскочившего с кровати и выбежавшего в сени неизвестного человека. Акси́нья Вышня́кова предостерегла сноху на будущее время от подобных неприличных поступков. Соседи семьи поддержали в этом разбирательстве свекровь. Войсковой старшина заключил, что Татьяна оклеветала мужа, свекровь и золовок. Причиной побега, по его мнению, явилось неподобающее поведение молодой казачки. Беглянку приговорили к 120 ударам розгами и вернули в семью мужа¹.

Нередко и казачки обворовывали своих односельчан перед тем, как скрыться в горах. Например, 27 апреля 1854 г. казачка ст. Круглолесской Дарья Твёрдохлебова была помещена в ставропольскую тюрьму на 3 года за то, что совершила побег к горцам вместе с казаком Трофимом Шелкоплясовым. Перед этим она обворовала есаулиню Косякину. Однако позднее, правлению Круглолесской станицы было предписано отдать девицу в семейство её родственника казака Фёдора Твердохлебова под строгий надзор на 2 года. Пребывание под арестом и негативная репутация не помешали Дарье выйти замуж. 2 июня 1854 г. казак внутренней службы из станицы Александровской Матвей Потапов, засватал девушку и просил выдать ей документ для сочетания в законный брак².

17 марта 1853 г. командир 2-й бригады Кавказского линейного казачьего войска полковник Войцицкий сообщил наказному атаману генерал-майору Эристову обстоятельства попытки побега к непокорным горцам казачки Владимирской станицы Марфы Калузановой. На допросе казачка заявила, что отправилась в лес за дровами, однако, как выяснилось позднее, муж её туда не отправлял. В лесу Марфу обнаружил лазутчик Узбек Киязов. Казачка просила ногайца доставить её в партию непокорных горцев, которая в тот момент проходила мимо станицы Владимирской. Киязов привёз Марфу Калуза-

¹ ГАКК. Ф. 256. Оп.1. Д. 90. Л. 7.

² ГАСК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 572. Л. 6–7.

нову в распоряжение российского отряда. В военном лагере беглая казачка обвинила лазутчика и штабс-капитана Ставропольского егерского полка Руднева в прелюбодеянии. Местные власти не поверили словам Марфы Калужановой. Казачку вернули обратно в ст. Владимирскую под присмотр мужа и местных властей¹.

В середине XIX в. среди черноморских и линейных казаков преобладали семьи, состоящие из одного-двух поколений. К середине XIX в. наказание сексуально-девиантного поведения женщины все чаще носило не только внутрисемейный характер, но и общественный. На этом фоне некоторые казачки бежали в горы, чтобы избежать публичного позора. Важную роль в побеге играли мирные горцы, которые в зависимости от внешней конъюнктуры либо пропускали беглянку на неподконтрольные России территории, либо выдавали местным властям, для того, чтобы подтвердить свою лояльность.

Отношение местных властей к беглянкам было достаточно лояльным. Их, как правило, возвращали обратно в семьи. При этом большое значение играла позиция главы семейства и станичного общества. Если они хотели проучить беглянку, с их согласия местные власти могли подвергнуть её публичному наказанию.

Помимо казаков и казачек, к горцам бежали и представители гражданского населения. Мы раскроем причины тяжёлого положения российских переселенцев на Северо-Западном Кавказе в 1830–1860-е гг., а также охарактеризуем некоторые мотивы бегства гражданского населения Российской империи к горцам.

Побывавший среди горцев Северо-Западного Кавказа в 1837–1839 гг., англичанин Д. Белл описывал следующее происшествие. Однажды к ним привели русского дезертира из Анапы. Это был один из сельских поселенцев. Из того, что он рассказал, англичанин сделал выводы, о том, что люди разочаровались в царе. Перебежчик поведал Д. Беллу, что около двух тысяч кре-

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 797. Л. 2.

стьян направились на близлежащие с Анапой земли, надеясь найти там обещанные правительством дома и скот. Большинство из этих крестьян бежало от своих помещиков в поисках счастья и богатства. Но реальность оказалась иной. Женщин приехало очень мало, скот был похищен, а сами крестьяне находились из-за грабителей (по всей видимости, горцев) в постоянной тревоге. Из двух тысяч человек тысячу шестьсот забрали в солдаты (под предлогом, что они бежали из владений своих прежних хозяев), а те, кто не был женат, боясь подобной участи, убегали к горцам всякий раз, когда тому предоставлялся случай. Всё это произошло в течение одного года¹.

Тяжёлое положение анапских поселенцев, описанное британцем, нашло отражение и в законодательных актах и официальной переписке российских властей. 5 апреля 1833 г. вышел указ, разрешающий всем людям свободного состояния селиться на северо-восточном берегу Чёрного моря. Правительство признавало данную меру единственно возможной для заселения этой территории российским населением без больших затрат государственных средств. Переселенцам предоставлялась свобода от податей и повинностей сроком на 25 лет, а также право свободной, беспошлинной торговли.

Вновь прибывшие освобождались от воинской обязанности, кроме собственной защиты от нападений горцев. При этом переселенцы не должны были рассчитывать на помощь от казны². Из представления генерал-майора М.М. Ольшевского генералу А.И. Нейдгардту от 27 сентября 1844 г. видно, что также было предписано не требовать от пришедших людей доказательств своей прежней сословной принадлежности.

Впоследствии правительству стало известно, что под именем свободных людей на восточный берег Чёрного моря стали селиться беглые помещичьи крестьяне. Местные власти и владельцы крепостных требовали их возврата. Поэтому военный министр предписал 8 августа 1835 г., чтобы тер-

¹ Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Нальчик, 2007. Т. I. С. 242.

² ПСЗРИ-2. Т. VII. № 5275.

ритории на левом берегу Кубани и побережье Чёрного моря распространялся указ от 13 апреля 1833 г., согласно которому, следовало прекратить приписку бродяг к указанным землям. 17 июня 1836 г. вышел указ, касающийся помещичьих и казённых крестьян, которые бежали в Анапу от рекрутской повинности. Предписывалось не возвращать их на прежние места. Из этих людей должны были сформировать казачий полк, остававшийся на месте поселения. Несмотря на это, помещики продолжали требовать возврата своих крепостных. 15 апреля 1837 г. правительство приняло решение о высылке всех беглых помещичьих крестьян к своим прежним хозяевам¹. Подобные меры предпринимались и ранее. Из отношения барона Г.В. Розена военному министру графу А.И. Чернышёву от 26 июня 1834 г. видно, что в 1834 г. в Черномории был пойман 81 крепостной помещика Саранданаки. Они бежали из Екатеринославской губернии и намеревались записаться в анапские поселенцы². Те, кто всё же обосновались на новом месте, страдали от разорительных набегов шапсугов. «Анапское поселение в настоящее время находится в жалком положении, с трудом может существовать в непрерывном страхе, нищете», – писал контр-адмирал Л.М. Серебряков³. Примечательно, что вместе с мерами по обороне анапских поселенцев им рекомендовалось сеять картофель, т.к. горцы не могли причинить ему ущерба во время набегов⁴. Побег колонию к горцам имели место и в других местах Северного Кавказа. В августе 1851 г. Ставропольскому гражданскому губернатору А.А. Волоцкому поступил рапорт от пятигорского земского суда. В нём сообщалось, что колонист Константиновского поселения Самуил Шингревич бежал к горцам⁵.

Заселение Анапского поселения в 30-е гг. XIX в. является примером непоследовательности политики российских властей в освоении недавно приобретённых территорий. Следствием этого стали тяжёлые условия жизни

¹ АКАК. Тифлис, 1883. Т. IX. С. 626.

² АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 837.

³ АКАК. Тифлис, 1883. Т. IX. С. 520.

⁴ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 838.

⁵ ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1988. Л. 1.

поселенцев на новых землях, неопределённость и незащищённость. Все это становилось причинами бегства российских подданных к горцам.

Таким образом, к побегам в горы казаков приводила совокупность причин. Это стремление укрыться от наказания за совершённое преступление, желание реализовать старинные казачьи представления о воле и удалстве, которые отклонялись от устанавливаемой государством нормы, а также духовная близость к горскому образу жизни. Старообрядцы стремились бежать в горы, т.к. надеялись там найти возможность свободно исповедовать свою веру и избавиться от давления российского бюрократического аппарата. Женщины уходили в горы по причине унижения их чести и достоинства. Гражданское население бежало на неподконтрольные территории из-за тяжёлых условий жизни и непоследовательной политики российских властей к новым поселенцам.

Особенности перехода казаков и представителей гражданского населения к горцам Закубанья в очередной раз подтверждают идеи отечественных и зарубежных исследователей о том, что «Кавказская война» являлась чем-то большим, чем просто завоевание. В регионе возникла своеобразная пограничная зона, в которой создавались новые формы социального взаимодействия. Далеко не всегда казаки и горцы воспринимали друг друга как врагов. Имели место тесные межличностные контакты, яркой иллюстрацией которых является обычай куначества. Это в очередной раз демонстрирует несостоятельность устоявшегося в историографии термина «Кавказская война», который имеет отрицательную коннотацию.

1.4. Отношение адыгов и российских властей к перебежчикам

В данном параграфе мы осветим положение перебежчиков среди горцев и меры правительства и местных властей по отношению к ним. Отдельные путешественники писали о значительном количестве бывших российских подданных в горах Закубанья. В частности, англичанин Д. Белл вспоми-

нал, что его слуга Лука – армянин, владевший русским языком, во время их пребывания среди горцев Северо-Западного Кавказа часто удивлялся большому количеству русских и поляков, которых он встречал повсюду¹.

Положение нижних чинов российской армии, оказавшихся в горах, было незавидным. Т. Лапинский охарактеризовал его так: «Русский солдат, который бежит к абазам [адыгам – Н.С.], принимается не как друг или гость. Перебежчик рассматривается тем, кто его первый встретит, как его собственность, как хорошая добыча; если он имеет лошадь, оружие и деньги, то все это у него отбирается, даже одежду на теле оставляют редко. Адыг ведет его в свой двор, там бреет ему голову, накидывает на него изодранное в куски платье, и он остается во дворе как раб так долго, пока владелец не пожелает продать его дальше»². Д. Лонгворт приводил аналогичные сведения: «Солдаты бежали к горцам, увеличивая тем самым в большом числе ряды их рабов и слуг. Последние составляют их главное богатство; земля сама по себе ничего не стоит, требуются руки для ее обработки, и те, кто живет рядом с крепостью, находят эти руки в лице дезертиров, ... мы часто встречали их [адыгов – Н.С.] ведущими к себе домой своё новоприобретенное имущество»³. Подавляющее число беглых солдат обращалось в рабство. Невольники обычно использовались в сельском хозяйстве или ухаживали за мелким и крупным рогатым скотом⁴.

Некоторые перебежчики являлись переводчиками у горцев. Попавший в 1860 г. в плен к шапсугам (адыгская этнотерриториальная группа) кавказский офицер в своих воспоминаниях упоминал о беглых солдатах, которые переводили его разговор с горцами. Одного из них офицер спросил: «Зачем же ты здесь живёшь?» На что получил ответ: «Затем, что здесь жить хоро-

¹ Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Нальчик, 2007. Т. I. С. 102.

² Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 143.

³ Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 254–255.

⁴ Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 124.

шо»¹. Роль переводчиков выполняли также и беглые казаки. Об этом упоминал побывавший в адыгском плену российский офицер Ф.Ф. Торнау².

Спустя некоторое время после того, как перебежчик попадал к горцам, он мог принять ислам и жениться на рабыне. Их дети также были полной собственностью владельца. Впечатление о встрече с таким человеком изложил в своих заметках Т. Лапинский: «Вскоре после нашей высадки в Туапсе пришли к моим солдатам несколько дезертиров из русской армии, среди них один старый солдат из бывшей польской армии, который после восстания 1831 г. был сослан в Кавказскую армию, перешёл от русских к абазам и теперь уже около 20 лет находится в рабстве. У него были жена и дети. Он очень хорошо знал абазский язык и обычаи страны»³.

Подобные сюжеты встречаются и в исследованиях современных отечественных историков. О.В. Матвеев описал ситуацию, как в начале 1850 г. адыги привели в Новороссийск дезертира. Им оказался 30-летний католик Мартын Лапицкий. На воинскую службу он поступил в 1838 г. Являлся выходцем из Минской губернии. В 1840 г. Мартын Лапицкий был переведён в Черноморский линейный № 5 батальон, расположенный в Геленджике. Спустя 2 месяца после прибытия в расположение части он бежал к непокорным горцам. Лапицкий прожил среди горцев около девяти лет. В горах он взял в жёны женщину, которая родила ему двух детей. В июле 1849 г. беглец вернулся в Новороссийск. Коменданту он представился не помнящим родства поляком, т.е. бродягой. Мартын Лапицкий был определён в Черноморский линейный № 14 батальон. Вскоре Мартын узнал от знакомых горцев, что его жена была продана другому хозяину, а их дети остались сиротами. После этого он принял решение повторно бежать в горы и найти способ вывести их в Новороссийск. «Вечером 17 января 1850 года Мартын Лапицкий вышел на

¹ Кавказский офицер. Плен у шапсугов // В плену у горцев. Нальчик, 2011. Вып. 2. С. 31.

² Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау (Воспоминания и документы). Нальчик, 1999. С. 276.

³ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 285.

блокгауз, где резали скот, под предлогом набрать кишок. Дождавшись сумерек, он скрылся в лесу около батальонных огородов и направился в горы. По пути он намок под дождём и зашёл в ближайший аул погреться. На следующий день, приютивший Мартына хозяин, отвёл его в Новороссийск»¹. Данная история показывает совершенное бесправие российских дезертиров среди горцев Северо-Западного Кавказа.

«Живой товар» часто продавали турецким контрабандистам, о чём упоминал Д. Лонгворт: «Высокие щечные кости и вздернутые носы довольно часто встречаются на рынке Константинополя. Это правда, что поляков продают туркам так же, как и русских. Один польский офицер, работавший в Ангоре [область в Османской империи – Н.С.], сказал мне, что он нашел, по меньшей мере, 800 своих соотечественников, пребывающих в рабстве в одном только этом пашалыке»². О продаже беглых поляков упоминал и Ф.Ф. Торнау: «На берегу моря, как говорили мне убыхи, проживает много беглых поляков, которых число увеличилось до того, что хозяева их, продавая, не ценят более, как в одну лошадь, а иногда за доброго коня не отказываются заплатить двумя поляками. Продают поляков и в Турцию, где султан их набирает для полевых работ»³. Генерал Н.Н. Раевский в своем рапорте так же писал о продаже дезертиров в Османскую империю: «Беглые большей частью обращались в рабов, продавались в Трапезунд, где откупщики медных руд покупали их для работ»⁴.

Касательно проблемы участия поляков в боевых действиях на стороне т.н. немирных горцев в период «Кавказской войны» на Северо-Западном Кавказе существует несколько мнений. Первая точка зрения утвердилась ещё в советской историографии. Её сторонники полагали, что в освободительном движении закубанских народов активное участие принимали многие поляки,

¹ Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 217–218.

² Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 172.

³ Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау (Воспоминания и документы). Нальчик, 1999. С. 479.

⁴ АКАК. Тифлис, 1883. Т. IX. С. 524.

сосланные в солдаты в войска Отдельного Кавказского корпуса за участие в восстании 1830–1831 гг. Переходившие на сторону горцев солдаты, в числе которых были поляки, не только содействовали упрочению сил освободительного движения, но и несли с собой передовое военное дело и тактику боя¹. Действительно, антироссийские силы на Северо-Западном Кавказе намеревались использовать беглых поляков в борьбе против России. Английский разведчик Д. Лонгворт писал о желании главы британской миссии Д. Белла в конце 30-х гг. XIX в. сформировать отряд из польских дезертиров. Он допускал, что тысячи поляков жили «с видом величайшего послушания у своих черкесских господ»². Однако британцы понимали негативное отношение адыгских владельцев к безвозмездному освобождению своих рабов и формированию из них вооружённого отряда. Поэтому данная инициатива не была реализована.

Тем не менее, судьбы польских дезертиров на Северо-Западном Кавказе продолжали тревожить умы польских эмигрантов, бежавших в Европу после поражения польского восстания 1830–1831 гг. В конце апреля 1845 г. в регион из Османской империи прибыл поляк Зварковский. Он намеревался собрать своих соотечественников и переправить их морем в земли султана, где им был обещан хороший приём. Черкесские князья восприняли идею эмиссара без энтузиазма. Большинство поляков находилось в зависимом положении, и просто так их отдавать никто не желал. Тем не менее, Зварковскому удалось собрать около 1200 поляков, но в бою с российскими войсками он был тяжело ранен. Поэтому реализовать свой замысел он, по всей видимости, не сумел³.

Помимо дезертиров в горах Северо-Западного Кавказа время от времени появлялись и другие поляки. Они выступали в качестве политических агентов, агитировавших горцев на вооруженную борьбу против России и принимавших в ней участие. А. Шпаковский упоминал о некоем Якуб-хане –

¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 168–169.

² Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 289–291.

³ Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 533–534.

бывшем польском выходце, бежавшем из Сибири за границу. Он являлся артиллерийским поручиком польских войск, настоящая фамилия его была Якубович. Он организовал в горах производство пороха, необходимого и дефицитного товара в горской среде¹. В 1838 г. в Сочи под именем англичанина был убит поляк Полинский². В 1848 г. в регион прибыл поляк Молодецкий, а в феврале 1857 г. на черноморском побережье высадился польский отряд неоднократно уже упоминаемого нами Теофила Лапинского³. В начале 1860-х гг. Англия и Османская империя, заинтересованные в дестабилизации ситуации на Кавказе, также пытались использовать польский фактор.

Известный знаток региона Р.А. Фадеев следующим образом описал данную ситуацию в одном из своих «Писем с Кавказа»: «Турецкие пароходы подвозили к кавказским берегам шайки авантюристов, составлявшиеся в Константинополе из разных национальностей и партий, враждебных России. Общественное мнение в Англии поощряло эти противозаконные поступки. Посредством этих английских складчин, несколько раз были заготавливаемы для горцев материальные запасы, нарезные пушки, порох и прочее. На английские деньги и под турецким покровительством главными действующими были, разумеется, поляки. Предполагалось даже сформировать польские войска на кавказском берегу. С этой целью в 1861 г. в Туапсе был выгружен склад польских национальных мундиров, амуниции и ружей. Думали набирать полки из дезертиров-поляков Кавказской армии под предводительством прибывших эмигрантов. Однако дезертиры не явились, а горцы растащили заготовленные склады. Шайки флибустьеров, высаженных на кавказский берег, таяли и разбегались»⁴. Беглые поляки участвовали в боевых действиях горцев против России. Д.А. Ракович писал, что «наши дезертиры из

¹ Шпаковский А. Записки старого казака. URL: https://fb2gratis.com/gratis_rd_382969_p1 (дата обращения: 09.10.2020).

² Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 638.

³ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 281.

⁴ Фадеев Р.А. Письма с Кавказа // Собрание сочинений Р.А. Фадеева. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1889. С. 130.

поляков всегда доставляли горцам точные сведения о положении фортов; они же научили их во время штурма закидывать фашинами рвы укрепления и влезать на валы и палисады при помощи длинного шеста с крючком на одном конце и косою на другом»¹.

С другой стороны, О.В. Матвеев считает: «В кавказоведческой литературе сложился стереотип о том, что чуть ли не все поляки попадали в состав войск Отдельного Кавказского корпуса принудительно. Сначала 2 тысячи уроженцев бывшей Речи Посполитой, воевавших в армии Наполеона и взятых в плен с оружием в руках, были распределены по гарнизонам крепостей. За ними последовали участники восстания 1830–1831 гг. и разного рода «неблагонадежные»². О.В. Матвеев ссылается на официальные сведения о численности поляков в воинских подразделениях на Кавказе. Большая часть солдат из Польши были рекрутами. В 1835–1846 гг. на Кавказе служило 14430 поляков. Всего 1865 человек из них были участниками восстания 1830–1831 гг.³ Соответственно поляки на равных с представителями других народов Российской империи несли военную службу на Кавказе.

Также О.В. Матвеев приводит ранее неизвестные архивные материалы, свидетельствующие о военных заслугах многих поляков (в том числе и бывших участников польского восстания 1830–1831 гг.), служивших в воинских частях и гарнизонах, расположенных на Северо-Западном Кавказе⁴. Автор доказывает, что императорские власти не преследовали поляков по национальному принципу. О.В. Матвеев приводит красноречивую цитату из воспоминаний Г.И. Филипсона, который высказывался против подозрительного отношения к полякам, основанных на слухах: «Польская национальность никогда не была для меня симпатичною, но на Кавказе я встречал множество

¹ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900. С. 200.

² Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 202.

³ Там же.

⁴ Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру... С. 203–204.

поляков, в разных чинах и положениях, которым готов был от души подать дружескую руку... Беглецов к горцам было между поляками соразмерно не более, чем между русскими; сообщать же сведения могли как те, так и другие, если бы горцам нужны были эти сведения. С гор, которые возвышались над укреплениями в расстоянии 250 сажен, а иногда и менее, они могли видеть все, что делается в укреплении до малейшей подробности»¹.

На наш взгляд, проблема дезертирства поляков к горцам Северного Кавказа долгое время преподносилась однобоко. В советской историографии это явление воспринималось как проявление солидарности с горцами в их народно-освободительной борьбе против царизма. Но, очевидно, что в 1830–1860-е гг., заинтересованные в эскалации конфликта на Северо-Западном Кавказе, прежде всего Великобритания и Османская империя, пытались использовать польских дезертиров в своих интересах. Эти попытки встречали сопротивление со стороны адыгских владельцев, не желавших расставаться со своими рабами. И, как убедительно показал О.В. Матвеев, многие военнослужащие российской армии польского происхождения добросовестно служили на Кавказе.

Иностранцы, побывавшие на Северо-Западном Кавказе, полагали, что при хорошем отношении к беглым со стороны адыгов число перебежчиков значительно увеличилось бы. Это понимал третий наиб Шамиля на Северо-Западном Кавказе Магомед-Амин. В 1850-е гг. он организовал на реке Шавготча подобие христианской солдатской колонии. Здесь было собрано около 800 чел., которые занимались всевозможными ремеслами и земледелием².

Некоторые дезертиры принимали непосредственное участие в боевых действиях против российских войск. Ф. Дюбуа де Монпере изложил один такой эпизод, произошедший во время нападения горцев на российский отряд

¹ Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру... С. 214–215.

² Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 147.

близ Геленджика¹. Известно, что Т. Лапинский пополнял свой отряд, воевавший с российской армией, перебежчиками².

Российские документы также подтверждают участие перебежчиков в боях на стороне немирных горцев. Генерал Н.Н. Раевский писал, что во время стычек до цепи стрелков доходили крики на польском языке «цельте в черных», подразумевая под этим российских офицеров, одетых в тёмные мундиры³. В уже упоминавшемся рапорте генерал-адъютанта П.Х. Граббе изложена роль дезертиров в падении ряда укреплений Черноморской береговой линии в 1840 г.: «По словам лазутчиков, эти дезертиры доставили горцам первое сведение о бедственном положении форта Лазарева и подали первую мысль о нападении на оный, принимая на себя и исполнение сего предприятия. Они ввели новый род оружия: длинный шест, к одному концу которого прикрепляется коса, чтобы колоть и рубить, а к другому крючья, чтобы влезать на крепостные верки. Ныне это оружие находится у горцев в значительном количестве. Они производят съемки атакуемых мест, подают нужные советы для организации сборищ, а при штурме идут всегда в голове колонны. Между ними особенно отличается своей предприимчивостью унтер-офицер одного из Черноморских линейных батальонов, служивший капитаном артиллерии в польской армии во время мятежа 1831 года»⁴. Казак Азовского казачьего войска Корниенко, бежавший из горского плена в 1840 г., рассказал военному начальству, что, будучи в неволе у адыгов, он видел среди них большое количество беглых. Все они были вооружены и действовали совместно с горцами, которые намеревались овладеть Новотроицким укреплением⁵.

¹ Монпере Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002. С. 109.

² Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 345.

³ АКАК. Тифлис, 1883. Т. IX. С. 454.

⁴ АКАК. Тифлис, 1883. Т. IX. С. 250–251.

⁵ АКАК. Тифлис, 1883. Т. IX. С. 482.

Нередко адыги выдавали перебежчиков российским властям. Их обменивали на беглых горцев из зависимого сословия, которые пытались найти защиту в российских крепостях от эксплуатации со стороны феодализирующейся горской верхушки. О примерах такого обмена упоминают как иностранные, так и отечественные источники¹. Адыги активно обменивали беглых солдат и на попавших в плен горцев. К примеру, 14 ноября 1841 г. шхуна «Вестовой» под командованием лейтенанта Скаловского настигла и взяла в плен контрабандную турецкую кочерму, на которой находилось 148 чел. Горцы, узнав об этом происшествии, стали приезжать в Геленджик и Новороссийск с просьбами об освобождении их пленных, предлагая взамен российских перебежчиков².

Многие дезертиры боялись быть выданными обратно. Достаточно трагичную бытовую сцену описал в своих воспоминаниях Д. Лонгворт. Англичане, которые находились в гостях у горца, решили разобраться в вопросе положения перебежчиков, ставших рабами. Они обратились за пояснениями к адыгу, у которого гостили. Хозяин дома решил наглядно удовлетворить любознательность иностранцев. Представив одного своего раба перед англичанами, он сказал ему, что, т.к. скоро должен состояться обмен пленными, хозяин хочет выслать его обратно в Россию. Эта весть ошеломила невольника. Он упал перед своим господином на колени и умолял не выдавать его. «Лучше сделай меня твоей собакой, – сказал раб, – привяжи меня веревкой и бросай мне кости, чтобы я их обгладывал». Потребовалось некоторое время, чтобы его успокоить. После того, как раб узнал, что господин, таким образом, пошутил над ним, он радостно начал прыгать и кричать³. Когда анапский паша Сеид-Ахмет пообещал 20 мая 1823 г. русским властям выдать бег-

¹ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 39; Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 181.

² АКАК. Тифлис, 1883. Т. IX. С. 524.

³ Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 264–265.

лых солдат, то семь солдат-дезертиров сели в Анапе в лодку и отплыли в открытое море¹.

В свою очередь, отношение к казакам со стороны государства было иным, нежели к солдатам. В 1830–1860-е гг. обстановка на Северо-Западном Кавказе оставалась напряжённой. Казаки являлись той силой, которая могла эффективно представлять интересы России.

С конца XVIII в. начался процесс уравнивания казачьих и армейских званий, казаков наравне с солдатами начинают наказывать розгами, шпицрутенами. «Это тех гордых, вольных казаков, которые говорили офицеру «ты» и свысока подтрунивали над русскими солдатами»². Такое отношение вызвало недовольство казаков и побег в горы. Не случайно, что с 1843 г. в Кавказском Линейном казачьем войске императором были разрешены суды по обычному праву³. Тем самым власть всячески пыталась в условиях военного времени не осложнять отношения с казачеством.

Положение казаков, бежавших к адыгам, было иным, чем у солдат. Длительное общение с горцами позволило казакам перенять и ввести в обиход многие реалии, свойственные жизненному укладу и быту адыгов. У них были переняты одежда и обувь, сёдла, холодное оружие. В семейном укладе казаков (особенно линейцев) часто наблюдались горские традиции: почитание старших, обычай мести.

Длительное соседство с горцами, установившиеся тесные экономические связи и иные формы взаимодействия постепенно влияли на складывание тесного межличностного общения между горцами и казаками. Одним из проявлений этого являлось куначество – характерная для Северного Кавказа форма близкого товарищества, побратимства. Служивший на Лабинской линии в 40–50-е гг. XIX в. А. Шпаковский, писал об этом явлении: «Кунак – друг, на жизнь и смерть. Кунаки менялись между собою оружием, и связь

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 963.

² Ткачев Г.А. Станица Червлённая. Исторический очерк // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912. № 7–12. С. 173–174.

³ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Ростов н/Д, 2001. С. 85.

между ними была так крепка, что один из них часто платил своею жизнью за жизнь кунака»¹.

Дружба в условиях полувоенного времени иногда приобретала весьма специфический характер. Часто казак-пластун (разведчик), находясь на территории немирных горцев, скрытно пробравшись к своему кунаку, мог найти у него не только кров и еду, но и выведать тайные сведения, что неоднократно проделывал и сам А. Шпаковский, будучи пластуном. Однако если кунаки, находящиеся в противоборствующих лагерях, встречались в открытом бою, то они не щадили друг друга.

Горцы и казаки в рассматриваемый период не только воевали друг с другом, но и имели тесные межличностные контакты. Известно, что темиргоевский князь Джамбулат дружил с беглым урядником Брагуновым и отказывался выдать его российским властям, несмотря на данную им присягу². В этих взаимоотношениях преобладали маскулинные ценности. Джигиты, удальцы с той и другой стороны пользовались непререкаемым авторитетом. Они формировали своеобразное, скрепленное узами куначества, братство, для которого политическая, этническая и религиозная принадлежность в межличностных отношениях играли второстепенную роль.

Казаки хорошо знали местность и не имели за собой постоянного надзора, поэтому совершить побег к адыгам им было проще, чем солдатам. Тем не менее, они предпринимали меры для того, чтобы пробраться в аул знакомых горцев не замеченными, т.к. пока беглый казак не достиг дома своего кунака, его могли пленить, ограбить или даже убить. Характерный пример бегства к горцам приводит в своих показаниях П. Потапов, что видно из протокола его допроса: «Вопрос 6: Какого года, месяца и числа, по какой причине отлучились Вы от полка и команды? Ответ: В 1853 году в феврале месяце, числа не помню, находился на службе в 1-м Лабинском полку, про-

¹ Шпаковский А. Записки старого казака. URL: https://fb2gratis.com/gratis_rd_382969_p1 (дата обращения: 09.10.2020).

² Кипкеева З.Б. Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII – XIX вв. Ставрополь, 2017. С. 208.

живал в станице Михайловской. Я был потребован по распоряжению господина командира полка в станицу Лабинскую, неизвестно для какой надобности. Я остался ночевать у приютившего в станице подрядчика, мещанина тульской губернии Сергея Головина. Я с ним с вечера пил водку от чего сделался немного хмельной. Когда мы улеглись спать, и Головин уснул, я встал с постели, оделся и незаметно вышел во двор и пришёл к станичному палисаду. Перелез через него незамеченным, отправился за Лабу к непокорным горцам с намерением остаться там навсегда. После переправы через Лабу я просидел до света и весь следующий день в лесу. Когда наступила ночь, я отправился в горы, следуя скрытыми местами, прибыл к абадзехам»¹. Беглый казак Семён Атарщиков, ставший в горах Хаджи-Магометом, рекомендовал солдатам, которых он склонял к побегу, называть себя «гостями русского офицера Хаджи-Магомета», для того, чтобы обеспечить их безопасность. С. Атарщиков утверждал, что адыги, которые ограбят его гостей, будут, согласно адату, наказаны штрафом в 15 коров². Тем не менее, осознав тяжесть вины за совершённый проступок, некоторые казаки пренебрегали осторожностью и, как казак Дмитрий Шеховцов, бежали к горцам днём на коне³.

Благодаря наличию в горах кунаков и знакомых, казаки, как правило, не становились в горах рабами. Они подолгу могли жить среди адыгов на правах гостя. П. Потапов в своих показаниях описал своё положение у горцев. В одном ауле он зашёл в саклю к абадзеху (абадзехи – этно-территориальная группа адыгов) Шеретук Беревету и остался у него жить. Прожил там не более 4-х месяцев, и ничем не занимался кроме охоты на зверей. После чего отправился в абадзехский Ходшев аул на реке Пшех, где был принят горцем по фамилии Мешев, у которого прожил более года. Там тоже ничем не занимался. Затем П. Потапов покинул абадзехов и перешёл к егерухаевцам (этнотерриториальная группа адыгов), где жил у разных хозяев. По совету жителей Махошевского аула, казак был принят в услужение к мест-

¹ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 859. Л. 45.

² РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 93. Л. 2.

³ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 72. Л. 6–7.

ному владельцу Анчоку Балову. Там он проживал всё время своей отлучки, занимаясь выпасом скота и прочими домашними работами. Также он мог свободно охотиться¹.

Оказавшись в горах, отдельные казаки занимались организацией набегов на российские территории. Одной из наиболее одиозных личностей из среды российских перебежчиков был урядник Алексей Колосов. А. Шпаковский дал ему следующую оценку: «Беглый урядник Колосов, житель станицы Вознесенской, бывший у меня во взводе конной батареи, бежал в горы, промотав порученные ему казенные деньги, немало пакостил, хотя и мелочно, на нашей линии, пользуясь превосходным знанием местности»². Автор привел в пример набег партии горцев под предводительством Колосова. Он узнал об ожидающемся приходе в станицу Владимирскую сотни казаков. Выдав себя за их командира, беглый урядник явился к станичному начальнику с вопросом, где разместиться его людям. Получив все необходимые распоряжения он вернулся к черкесам.

Спустя некоторое время горская партия, численностью около 500 человек с беглым урядником Колосовым во главе стройным походным маршем со значками приближалась к станице. Неожиданно «казаки» набросились на стадо скота, женщин и детей. В станице поднялся переполох, который, однако, длился недолго. Гарнизон открыл стрельбу по горцам, разъезды из ближайших постов и станиц вовремя прибыли на место боя. Особенно отличился в этом бою урядник Игнатьев, схватившийся с самим Колосовым. Горцы были окружены. Только 20–30 джигитам удалось прорваться, с ними был и раненый Колосов³.

Другой пример разбоя, совершенного горской партией, под предводительством беглого урядника Колосова, основываясь на архивных данных, привёл Ю.Ю. Клычников. В ноябре 1862 г. произошло трагическое событие, связанное с захватом в плен и убийством казаков группой «немирных» гор-

¹ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 859. Л. 45–46.

² Шпаковский А. Записки старого казака...

³ Там же.

цев во главе с Колосовым. 7 ноября на 4-х подводах казаки станицы Попутной Тимофей Котов, его брат Герасим и дядя Степан отправились на правую сторону р. Уруп за сеном, но на следующий день не возвратились. Поиски их не увенчались успехом. Вскоре 16 ноября 1862 г. Тимофей Котов возвратился из плена и объявил, что брат его Герасим находится в плену в ауле верховьев р. Лабы у беглого урядника Колосова. Он был освобожден им для доставления за себя и брата своего Герасима 250 руб. серебром, а дядя его Степан «срублен»¹. Как оказалось, казаки не увидели горскую партию из-за дождя и тумана и, не успев воспользоваться оружием, были пленены. Степана Котова убили, видимо не надеясь, получить за него выкуп, а двух братьев увели в плен. Герасим Котов пробыл в плену до 1 декабря 1862 г. и был выкуплен своим братом².

Об участии казака Д. Шеховцова в набегах горцев в российские пределы рассказали махошевские (махошевцы – адыгская этно-территориальная общность) старшины Хатожук Мефедзев и Отриш Жудов, вызванные в ст. Лабинскую в 1860 г. Перебежчик вместе с 8-ю адыгами разграбил мельницу близ станицы Владимирской. Казак накормил награбленной пшеницей своего коня, отчего тот пал вскоре после возвращения партии разбойников в аул. После этого он перестал ходить в набеги из-за отсутствия лошади³.

Следствие по делу о побеге к горцам хорунжего П. Потапова также интересовало вопрос о его участии в воровстве, разбое, убийствах. Участвовал ли он в этом с другими беглецами и видел ли он в Закубанье других перебежчиков? Хорунжий уверял, что во время нахождения в отлучке у непокорных горцев воровства, разбоя и смертоубийства никакого не делал. В набегах на российскую территорию участия не принимал. Горские партии не водил. Он знал беглых русских в горах: урядника Колосова и казаков Разсветаева и Шеховцова и много других пленных. Колосов и Разсветаев часто прорыва-

¹ Клычников Ю.Ю. Казаки-перебежчики в годы «Кавказской войны»: исторические сюжеты... С. 75.

² Там же. С. 76.

³ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 72. Л. 8.

ются в пределы России и производят там злодеяния¹. Последние известны и по другим уголовным делам². Хорунжий, несмотря на его показания, подозревался в нападении вместе с горцами и упомянутыми перебежчиками на казачий разъезд близ поста Мефёдовского 27 октября 1854 г., где произошло убийство урядника Косякина и пленение казака Булавинова³.

Однако в деле появились два обстоятельства, которые позволили снять с Потпова обвинения в участии в набегах. Из горского плена был возвращён мальчик станицы Григориполисской Егор Орловский. Он сообщил, что «во время нахождения в плену видел беглого русского, хорунжего Потапова. Горцы несколько раз склоняли его поехать с ними на злодеяния к русским, но он на это не соглашался»⁴. Казак Булавин, предположительно пленённый П. Потаповым, и позже обмененный на пленных горцев, умер незадолго до очной ставки⁵. Из приведённых сведений видно, что беглые казаки нередко принимали участие в набегах горцев на российские территории.

В контексте вышеуказанного интересны наблюдения немецкого путешественника Морица Вагнера, побывавшего в Черномории и на Правом фланге Кавказской линии в 1843 г.: «Мои глаза открылись на новую правду в земле казаков. Вы не найдёте здесь рабской скромности, уважения на грани пресмыкания, дрожащего почтения, которые солдаты, крепостные, рабочий люд и все низы в Московии оказывают своему начальству... И причина этого очевидна. Потому, что для этих южных всадников всё ещё открыт путь к бегству, – до тех пор, пока он не будет перерезан другими вассалами России. А черноморцы, если потребуется, всегда могут сесть в лодку, довериться течению Чёрного моря и уплыть в Анатолию. Жители станиц на Тереке и Кубани, почувствовав себя чересчур угнетёнными, могут перебежать через реку

¹ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 859. Л. 46.

² Клычников Ю.Ю. Казаки-перебежчики... С. 73–76.

³ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 859. Л. 53–54.

⁴ Там же. Л. 64.

⁵ Там же. Л. 89.

на Ногайскую или Кабардинскую сторону и, свикнувшись с трудностями, искать убежище даже в горах – среди их смертельных врагов – черкесов»¹.

Настроения беглых, в т.ч. казаков, среди горцев были неодинаковы. «Одни были довольны своим положением, адаптировались к местной социальной среде (изучали язык и обычаи) и даже стремились ассимилироваться (принятие ислама, женитьба на горянке). Другие метались, желая и боясь вернуться обратно, т.к. опасались сурового наказания»².

Власти стремились различными способами вернуть перебежчиков. С 1 января 1834 г. горцам Северо-Западного Кавказа начали платить по 10 рублей серебром за выдачу дезертиров³. В своём приказе начальнику Черноморской кордонной линии генерал-лейтенанту С.С. Малиновскому командующий Кавказской линией и Черноморией А.А. Вельяминов писал о том, что, согласно распоряжению императора от 31 августа 1833 г. № 618, персидским и турецким подданным, а также горцам разрешалось за выдачу дезертиров платить по 10 рублей серебром, а не ассигнациями, как было ранее. При реализации данного указа на Северном Кавказе А.А. Вельяминов полагал, что побегии нижних чинов войск, расположенных на Кавказской линии и крепости Анапа, прекратятся вовсе, либо значительно уменьшатся.

Начальник Кавказской линии выслал атаману С.С. Малиновскому 20 экземпляров объявления о плате за выдачу беглых солдат, предназначенных для мирных и непокорных горцев на арабском и турецком языках. Для доставки дезертиров предписывалось назначить следующие пункты: Геленджик, Анапа, Ольгинское укрепление, Афипское укрепление и г. Екатеринодар. Для реализации указа была также выслана сумма в размере 100 рублей серебром. Приказом командующего Кавказской линией и Черноморией от 27 декабря 1834 г. С.С. Малиновскому было разрешено продолжать выпла-

¹ Ткаченко Д.С. Кубанские казаки и Черноморья середины XIX в. в представлениях немецкого путешественника Морица Вагнера // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2016. Вып. 9. С. 65–66.

² Дударев Д.С. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2016. С. 153.

³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 362. Л. 1.

чивать горцам по 10 рублей серебром за беглых в течение 1835 г. В штабе Кавказской линии были недовольны тем, что С.С. Малиновский не только не предоставлял тратные ведомости, но даже не уведомлял о расходовании этих сумм¹. В Ставрополе, где находился штаб Кавказской линии и Черномории, полагали, что новый наказной атаман Черноморского казачьего войска Н.С. Завадовский будет принимать более энергичные меры для возвращения беглых солдат.

Командование Кавказской линии и Черномории сразу же столкнулось с трудностями, начав выдавать деньги за дезертиров. Властям нелегко было определить, кого именно приводили горцы на Линию, пленных, либо дезертиров. Своеобразный прецедент произошёл на левом фланге Кавказской линии в 1835 г., который Штаб Кавказской линии и Черномории приводил Н.С. Завадовскому в пример. Кумыкский пристав полковник князь Мусос Хасаев доставил к начальнику крепости Внезапной, пойманных жителями Андреевского аула Крым-Султановым и Мусаевым, бежавших из горского плена рядового Апшеронского пехотного полка Мартына Коромского и экономического крестьянина Потапова. М. Хасаев требовал, чтобы Султанову и Мусаеву было заплачено по 10 рублей серебром за каждого. Подполковник А.П. Пулло платить отказывался, т.к. это были пленные, которые сами выбежали из плена, после чего были пойманы мирными горцами. Более того, А.П. Пулло считал, что жители Андреевского аула являлись подданными России, следовательно, возвращение пленных является их прямой обязанностью. 16 июня 1835 г. данная ситуация была рассмотрена командующим Отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розеном. Он постановил, что тем мирным горцам, которые доставляют пленных солдат, не следует отказывать в вознаграждении, т. к. поощряемые денежной платой горцы будут заинтересованы в освобождении пленных. Г.В. Розен считал, что в случае невыплаты денег, мирные горцы будут всячески препятствовать возвращению пленников. 30 августа 1835 г. командующий Отдельным Кавказским корпусом

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 362. Л. 4.

предписал А.А. Вельяминову выдать жителям Андреевского аула Султанову и Мусаеву за доставление двух пленных по 5 рублей серебром. Впредь, тем, кто доставлял пленных, командование Кавказской линии и Черномории должно было выплачивать от 3 до 10 руб. серебром. Деньги предписывалось брать из суммы, предназначенной на вознаграждение горцев за поимку дезертиров¹.

Выплаты за беглых солдат на всём протяжении Кавказской линии и в Черномории продолжались в 1837 и 1838² гг. В своём рапорте от 18 июля 1838 г. № 94 командир Великолагерного менового двора Щербина доносил Н.С. Завадовскому о том, что черкес Гаджибей доставил к нему двух рядовых анапского батальона Василия Петрова и Григория Васильева³. После того как было установлено, что указанные нижние чины действительно являются дезертирами, командир Великолагерного менового двора получил 20 руб., чтобы наградить черкеса Гаджибея⁴.

И на правом, и на левом флангах Кавказской линии и в Черномории, проблемы с определением того, кого выдают горцы, пленника или действительно дезертира, оставались и в дальнейшем. Начальник Абинского укрепления майор Аблов 2 июня 1838 г. сообщил Н.С. Завадовскому, что в тот день шапсуг с реки Адагум по имени Кочос Гостако привёл беглого солдата Лукьяна Приступу, на момент побега служившего в 1-м Кавказском линейном батальоне, переименованной во 2-й Черноморский. Он выдавал себя за пленного, однако, вскоре выяснилось, что он является дезертиром. 13 июля 1838 г. на имя Н.С. Завадовского поступил отчёт комендатуры крепости Анапа, о беглом рядовом 2-го Черноморского батальона Лукьяне Приступе. В 1830 г. Приступа вместе с двумя другими рядовыми самовольно покинул крепость Анапу. При этом они не только взяли казённые вещи, но и ограбили

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 362. Л.11.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 22.

унтер-офицера. Лукьян Приступа был предан военному суду¹. За доставку беглого дезертира российским властям шапсуг Гостако получил 10 руб. серебром².

В 1838 г. начальник Абинского укрепления майор Аблов рапортовал Н.С. Завадовскому о том, что к нему явился шапсуг с речки Адагум Кочес Усток. Он предложил вывозить с гор и передавать российским властям солдат, пленных и других, пожелавших возвратиться в Россию. Начальник Абинского укрепления просил деньги из экстраординарной суммы для вознаграждения предприимчивого адыга. Н.С. Завадовский в своём ответе майору Аблову от 5 сентября 1838 г. № 1614 дал понять, что деньги должны выплачиваться только за дезертиров, доставляемых из-за Кубани³. В 1839 г. горцами был выдан беглый солдат, поляк. У командования вновь возник вопрос о том, беглый он, либо пленник⁴.

13 апреля 1841 г. особая канцелярия по управлению мирными горцами при штабе войск Кавказской линии и Черномории доносила Н.С. Завадовскому о том, что 80 руб. серебром, оставшиеся от суммы, предназначенной на вознаграждение горцев за возвращение беглых дезертиров, должна быть обратно выслана командующему Кавказской линией. Предприятие российских властей по выплате горцам денег за доставку пленников не увенчалось успехом. За 7 лет горцам Северо-Западного Кавказа, на территории Черноморской кордонной линии были выплачены деньги лишь за двух человек, действительно оказавшихся дезертирами.

После захвата адыгами ряда укреплений Черноморской береговой линии в 1840 г. российские власти получили сведения о помощи немирным горцам со стороны дезертиров. В числе мер для дальнейшего обеспечения безопасности Черноморской береговой линии император Николай I велел предпринять строгие меры против перебежчиков, служащих проводниками у

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 362. Л. 36.

² Там же. Л. 38.

³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 362. Л. 45–46.

⁴ Там же. Л. 50.

горцев. Таких беглецов, пойманных с оружием в руках, приказано было вешать¹. Местное командование предлагало непокорным горцам соль в обмен на скрывавшихся среди них дезертиров (в горах Северо-Западного Кавказа соль была в дефиците и являлась ценным товаром)².

Таким образом, российские власти поощряли выдачу беглых и предлагали иностранным подданным, либо неподконтрольному горскому населению солидное вознаграждение за их выдачу.

Правительство использовало метод «кнута и пряника» по отношению к дезертирам. Наглядным примером служит именной императорский указ, объявленный командиру Отдельного Кавказского корпуса военным министром от 25 января 1841 г. «О суждении по полевому уголовному положению дезертиров из войск Черноморской береговой линии»³. Причиной указа стало донесение начальника Черноморской береговой линии от 10 января 1841 г. о добровольной выдаче натухайцами 13 беглых нижних чинов. После доклада об этом инциденте военным министром А.А. Чернышёвым, Николай I даровал им прощение за совершенные ими побег. На будущее император повелел судить по полевому уголовному положению для большой действующей армии только тех дезертиров из войск Черноморской береговой линии, которые совершили побег с занимаемых ими постов, служили горцам проводниками при нападениях на российские укрепления. Это значило, что таких дезертиров судили по законам военного времени как предателей, что влекло за собой самую суровую меру наказания – смертную казнь. Прочие дезертиры, не принимавшие участия в военных действиях против российской армии на стороне горцев, подвергались суду на основании общих по этому делу постановлений. Им грозили арестантские роты, либо ссылка в Сибирь.

¹ Короленко П.П. Закубанский край (К истории Западного Кавказа) // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 376.

² Кавказский вектор российской политики: сборник документов. Т. II. Кн. 2. 1796–1864 гг. / сост.: М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2014. С. 560.

³ ПСЗРИ-2. Т. XVI. № 14217.

У дезертиров существовала возможность добровольного возвращения на родину. 16 марта 1840 г. вышел именной императорский указ, объявленный командиру Отдельного Кавказского корпуса «О сроке службы и преимуществах нижних чинов Отдельного Кавказского корпуса, добровольно возвращающихся из бегов и плена от горцев, из Турции и Персии»¹. Николай I повелел: 1) Дезертиров, которые до побега имели унтер-офицерские звания, зачислять на службу рядовыми, и как их, так и служивших до побега рядовыми, лишать знаков отличий, полученных ими за прежнюю беспорочную службу. 2) Для приобретения вновь отличий и преимуществ, установленных за беспорочную службу, срок выслуги должен был считаться со дня зачисления на службу после побега. 3) Отставку давать им на общем основании по выслуге положенного двадцатипятилетнего срока, за исключением времени нахождения в бегах.

Ранее изданный в 1828 г. указ «О поступлении с детьми военных дезертиров, возвратившихся из-за границы, рожденными вне пределов России, как с не принадлежащими ни к какому сословию» предоставлял свободу детям военных дезертиров, возвратившихся из-за границы, самостоятельно выбирать податное сословие, к которому они хотели бы принадлежать, или записываться на общем праве на военную службу². Данным постановлением российские власти стремились подвинуть беглых солдат к возвращению.

Приведённые выше законы и другие меры российских властей действительно способствовали добровольному возвращению бывших подданных из неконтролируемых горных районов Кавказа, Османской империи и Персии. Примечательно, что уже в составе вооружённых сил Российской империи многие из них воевали на Северо-Западном Кавказе.

Местные власти на Северном Кавказе также стремились создать условия, для добровольного возвращения солдат из бегов. Примером этого служит прокламация главнокомандующего войсками на Кавказе генерал-

¹ ПСЗРИ-2. Т. XV. № 13263.

² ПСЗРИ-2. Т. III. № 2505.

адъютанта графа М.С. Воронцова от 18 мая 1845 г. к беглым дезертирам. В ней объявлялось всем русским солдатам, бежавшим из разных полков и команд в горы, что те из них, которые добровольно явятся из бегов, прощаются и поступают без всякого наказания или какого-либо другого взыскания обратно на службу¹. 21 января 1846 г. Штаб Кавказской линии и Черномории запросил у исполняющего обязанности командующего Черноморской береговой линией Г.А. Рашпиля информацию о беглых дезертирах, воспользовавшихся возможностью вернуться². 31 января 1846 г. Г.А. Рашпиль выслал начальнику штаба Кавказской линии и Черномории именной список дезертиров, возвратившихся из бегов от горцев с 14 марта 1845 г. по 28 января 1846 г. В списке числилось 7 человек:

1) рядовой Навагинского пехотного полка Пётр Никифоров сын Прохоров. Бежал в 1839 г. из 12-й мушкетёрской роты. Вернулся 20 мая 1845 г.;

2) Черноморского линейного батальона № 15 Николай Митрофанович сын Митрофанов. Бежал в 1842 г. из 3 роты батальона, расположенного в укреплении Геленджик. Вернулся 11 июля 1845 г.;

3) Виленского егерского полка, расквартированного в г. Феодосии, рядовой Фёдоров, сын Злобин бежал к горцам в 1836 г. Возвратился 11 июля 1845 г.;

4) Виленского егерского полка рядовой Роман Степанов. Бежал в 1842 г. Вернулся 20 июля 1845 г.;

5) Черноморского линейного № 1 батальона рядовой Шурмуков. Бежал из учебной команды в Новороссийске в 1844 г. Вернулся 13 июля 1845 г.;

6) Черноморского линейного № 2 батальона рядовой Табуров бежал в 1843 г. из станицы Николаевской. Возвратился 13 сентября 1845 г.;

7) рядовой Мирон Георгиевич Скрипников. Бежал в 1838 г. из Дмитровского укрепления. Возвратился 13 сентября 1845 г.³

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 873. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

Для реализации инициативы М.С. Воронцова Г.А. Рашпиль 31 августа 1846 г. разослал начальникам передовых укреплений печатные экземпляры прокламации командующего Отдельным Кавказским корпусом на русском языке. Перед начальниками укреплений ставилась задача распространить эти экземпляры среди беглых солдат, а также донести до их сведения содержание этого документа, т.к. многие нижние чины российской армии не знали грамоты. Г.А. Рашпиль предписывал для распространения копий прокламации задействовать людей благонадёжных и искренне преданных России из числа закубанских черкесов или армян. Эти агенты направлялись в те горские аулы, где проживало большое количество беглых нижних чинов. Им нужно было отыскивать грамотных дезертиров и пленных для того, чтобы они могли прочитать сами, а также ознакомить с текстом прокламации своих товарищей. Направляемые за Кубань лазутчики должны были сами хорошо знать содержание текста документа, чтобы устно пересказать его дезертирам, при этом не исказив его смысл. «Я вполне полагаюсь на вашу испытанную осмотрительность»¹, – писал Г.А. Рашпиль начальникам передовых укреплений. Вскоре были разосланы экземпляры прокламации. Начальнику Георгие-Афипского укрепления подполковнику Штелевому направили 6 экземпляров, в Абинское укрепление войсковому старшине Корячивскому 6 экземпляров, в Варениковское укрепление есаулу Барыш-Тищепкову 3 экземпляра, на Ольгинский пост подполковнику Дорошенко 3 экземпляра, начальнику 3-й части Черноморской кордонной линии подполковнику Посполитаки 4 экземпляра².

Вскоре Г.А. Рашпиль стал получать отчёты о работе среди дезертиров. Воинский начальник Мостового Алексеевского укрепления подполковник Мазин в своём рапорте от 15 сентября 1846 г. № 174 писал о том, что 7 сентября 1846 г. он отдал один экземпляр прокламации жителю аула прапорщика Дударукова, черкесу Шашко. Другой экземпляр поручили, проживающему

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 873. Л. 7.

² Там же. Л. 8.

на речке Абине, черкесу Ачмез Сурако. После того, как Шашко доставил текст прокламации в горы и вернулся обратно, он сообщил полковнику Мазину, что нашёл в горах грамотного беглого солдата и отдал ему свою копию. Дезертир, прочитав документ, пал перед черкесом на колени и со слезами просил его не говорить о содержании прокламации другим черкесам. Дезертир оставил текст документа у себя с обещанием рассказать о его содержании товарищам и подвигнуть их возвратиться в Россию. Имени и из какого полка был этот солдат, Шашко не знал¹.

По всей видимости, горцы всё же узнали о мерах российских властей по возвращению беглых солдат и переправили находившихся у них дезертиров подальше от Черноморской кордонной линии. Есаул Гусаров, исполнявший обязанности начальника 3-го отделения Черноморской кордонной линии, в своём рапорте, адресованном Г.А. Рашпилю от 18 сентября 1846 г. № 693, писал: «Агенты дали знать, что в глубину до 20-ти вёрст от Линии нет не единого русского человека»².

Воинский начальник Георгие-Афипского укрепления подполковник Штелевой так же прислал свой отчёт об осуществлении приказа вышестоящего начальства от 22 сентября 1846 г. № 125. Он поручил верному черкесу Парчу Хагурову отправиться к закубанцам, выдав ему 3 экземпляра прокламации. Он доставил их на реку Абин и вручил грамотному дезертиру, который проживал недалеко от Абинского укрепления. В кругу своих товарищей он обещал при первой удачной возможности выбежать обратно в Абинское укрепление. Парч Хагуров также дал знать, что в 12-ти верстах от Георгие-Афипского укрепления в урочище Гуип жил беглый солдат, который имел жену и сына. Помимо него там скрывалось ещё 4 чел.³

Начальник Абинского укрепления войсковой старшина Корячивский сообщил 11 октября 1846 г., что к беглым солдатам ездил закубанский армянин, однако ответа от него он не получил. В ноябре того же года Корячив-

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 873. Л. 9.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 11.

ский послал в Закубанье нескольких армян, и многие беглецы дали обещание при первом возможном случае, как писал в своём рапорте начальник Абинского укрепления, «возвратиться к службе своей и долгу»¹. Таким образом, местные власти на Кавказе прилагали усилия для того, чтобы беглые солдаты вернулись обратно в свои полки и батальоны.

В 50-е гг. XIX в. российское правительство продолжало создавать условия для возвращения дезертиров. По-прежнему, добровольно вышедшие из-за границы пользовались преимуществами. Согласно указу от 4 января 1852 г., объявленного главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом военным министром «О распределении военных дезертиров, возвращающихся добровольно из Персии, Турции и от горцев, а равно выдаваемых из означенных государств и от горских племен»², добровольно явившихся из бегов солдат зачисляли в войска Кавказского Корпуса, наиболее отдаленные от границ Персии и Турции. 2) Выдаваемых из-за границы и горцами отправляли в арестантские роты, преимущественно в Бобруйск и Севастополь. После отбывания наказания на крепостной работе (т.е. работе, связанной с возведением или ремонтом фортификационных сооружений) эти нижние чины распределялись на службу в войска, расположенные внутри империи. Указом от 4 октября 1855 г. самостоятельно явившиеся беглые солдаты из Персии, Турции и от горских народов высылались в Воронеж³. Аналогичные меры распространялись и на дезертиров из казаков Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск⁴.

Реальные действия местной власти могли отличаться от положений, задекларированных в законодательных актах. Отношение к дезертирам на местах в разное время было неодинаковым. В 1820-е гг. в Тенгинском полку за воинские проступки наказывали достаточно строго: первый побег карался прогнанием сквозь строй один раз через 100 чел.; второй – два раза, третий –

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 873. Л. 14.

² ПСЗРИ-2. Т. XXVII. № 25870.

³ ПСЗРИ-2. Т. XXX. № 29864.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. XXXIV. № 34764.

три раза, после чего виновного ссылали в Сибирь на каторгу. За маловажные проступки: кратковременную отлучку со службы, пьянство, мелкое воровство и т.д., виновного приказывалось «бить перед разводом палками», причём менее двухсот ударов никому не назначалось¹.

Историк Тенгинского полка Д.А. Ракович очень живо описал явление побега в повседневной солдатской жизни. По его мнению, среди простых военнослужащих побег не считался тяжёлым преступлением. Среди нижних чинов не было секретом то, что кто-либо из солдат готовился к побегу в горы, но начальству об этом не говорили. Ротному командиру докладывали о побеге спустя несколько дней. Таким образом, сослуживцы давали возможность вернуться дезертиру в полк, без тяжёлых последствий. От того, как произойдёт побег, зависело отношение к беглому начальства и сослуживцев. Немедленно рапортовали о побеге, когда уход сопровождался преступлением или кражей, причём унесённое исчислялось до пуговиц и блях включительно, не говоря уже об оружии и боевых патронах. После поимки такого солдата к нему относились со всей строгостью российских законов. Если он в придачу обворовывал солдат, последние были к нему безжалостны. В случае, когда беглый не совершал преступлений, перед ротным командиром за него ходатайствовал унтер-офицер. Офицер некоторое время медлил с рапортом о побеге. Зачастую, спустя некоторое время, измученный, голодный, исхудавший беглец возвращался в полк. «Вздуют его хорошенько и делу конец», – писал Д.А. Ракович. Жизнь в бегах была тяжёлой. С одной стороны – плен, вечное рабство, с другой – суд, телесные наказания. Не все беглые были негодными для дальнейшей службы солдатами. Знаменитый герой Архип Осипов за побег проходил сквозь строй, но в критический момент проявил себя с самой лучшей стороны².

Архивные дела пестрят историями снисходительного отношения командования к перебежчикам. В рапорте от 18 февраля 1838 г. командир 1-го

¹ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. Тифлис, 1900. С. 35.

² Там же. С. 106.

Черноморского батальона майор Аблов писал командующему Черноморской кордонной линией генерал-майору Н.С. Завадовскому о том, что из крепости Анапа бежал к горцам рядовой его батальона Василий Данилович Хорущенко. Он унёс с собой одежду (в рапорте приведено подробное описание), ружьё и 60 патронов. Происшествие произошло 7 февраля 1838 г., когда рядовой находился в отряде для рубки дров¹. Уже 10 февраля беглый добровольно явился в Анапу. В.Д. Хорущенко был оставлен без взыскания, т.к. он «не имел намерения скрыться со службы»². Штаб войск Кавказской линии и Черномории постановлением от 19 апреля 1838 г. № 1522 согласился с этим решением.

В своём рапорте № 1067 от 3 ноября 1854 г. начальник 2-й части Черноморской кордонной линии войсковой старшина Кольбихов писал наказному атаману Черноморского казачьего войска Я.Г. Кухаренко, что два шапсуга, в знак своей верности российскому правительству, привели к нему дезертира. Им оказался рядовой 1-го Черноморского батальона Юзеф Василевский, бежавший из Абинского укрепления в 1839 г.³ Он был предан военному суду⁴. 19 июля 1855 г. Василевскому выдали кормовые деньги и отправили к анапскому коменданту⁵.

7 сентября 1859 г. начальник 3-го участка Черноморской кордонной линии войсковой старшина Миргородский доносил Я.Г. Кухаренко о добровольном возвращении из бегов дезертира⁶. Из его показаний выяснилось, что он являлся рядовым Крымского пехотного полка 3-го батальона 10-й роты по имени Абрам Коропов. От роду ему было 32 года. В апреле 1859 г. 9-я и 10-я роты были откомандированы в Константиновское укрепление под командованием капитана Заржевского. Во время этого перехода Коропов бежал к черкесам. Жил среди них. Затем близ Ольгинского укрепления переправился

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 465. Л. 1.

² Там же. Л. 5.

³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1505. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1921. Л. 1.

через Кубань и явился к начальству¹. 21 сентября 1859 г. командующий Крымского пехотного полка князь И.О. Шаликов 2-й в своём рапорте № 2788 подтвердил, что Абрам Коропов действительно до побега состоял на службе во вверенном ему полку². 20 октября 1859 г. судное отделение Штаба войск правого крыла Кавказской линии издало постановление № 3165, которое предписывало добровольно явившегося из бегов от горских народов рядового Абрама Коропова отправить в распоряжение командира полка³. 24 ноября 1859 г. князь И.О. Шаликов 2-й просил Я.Г. Кухаренко зачислить А. Коропова на довольствие Крымского полка. 13 декабря 1859 г. полицмейстер г. Екатеринодара доносил в управление Черноморской кордонной линии, что Абраму Коропову выданы кормовые деньги, и он отправлен в распоряжение указанного воинского подразделения⁴.

К беглым казакам, которые добровольно возвращались на родину, относились сравнительно лояльно. Следует отметить, что практика наказания за побег была разной и во многом зависела от воли местной власти. Но, разница между наказаниями казаков и солдат существовала, о чём свидетельствуют архивные документы. Если солдаты регулярных частей российской армии за первый побег один раз прогонялись сквозь строй в 500 чел., за второй побег – два раза⁵, то приговор беглому казаку Д. Шеховцову, признанному виновным в переходе к немирным горцам и участии с ними в набеге на российскую территорию (!) был значительно мягче. За преступления подобного рода полагалась смертная казнь, но суд счёл возможным заменить её прогнанием 3 раза сквозь строй в 100 чел. и ссылкой в арестантские роты в г. Бобруйск на четыре года. В конечном счёте, телесное наказание вовсе было отменено по состоянию здоровья⁶. Не подвергся телесному наказанию и Пётр Потапов, его разжаловали, лишили наград, но оставили жить в станице Ми-

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1921. Л. 2.

² Там же. Л. 9.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 490 Л. 1, 12.

⁶ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 72. Л. 11–12.

хайловской¹. Шпицрутены не коснулись казаков Артамона Долматова и Андрея Бочарова², а также казака Леона Исаева, бежавшего к горцам в 1854 г. и вернувшегося в 1858 г.³ Этим троим казаков направили в Воронеж для прохождения службы, согласно закону от 4 октября 1855 г.⁴

На основании приведённой информации можно сделать следующие выводы. Бегство солдат за границу, либо на неподконтрольные российским властям территории в 30–60-е гг. XIX в. было частым явлением на «незамыренном» Северном Кавказе.

Попав к адыгам, дезертиры из числа бывших военнотружущих регулярных частей российской армии чаще всего становились рабами. Они выполняли самую тяжёлую работу, находились в зависимом положении. После нескольких лет пребывания среди горцев часть беглецов создавала семьи и принимала ислам, но при этом оставалась собственностью хозяина, который распоряжался ими как своим имуществом. Немалое количество беглых продавалось турецким контрабандистам. Некоторые перебежчики принимали участие в боях на стороне горцев и сыграли определённую роль во взятии горцами ряда российских укреплений Черноморской береговой линии в 1840 г. Кроме этого, беглые солдаты использовались адыгами в качестве переводчиков.

Положение казаков среди горцев отличалось от положения беглых солдат. За время продолжительного соседства с горцами, они обзаводились многочисленными друзьями и кунаками среди адыгов. В случае необходимости, казаки могли продолжительное время жить у своих гостеприимных друзей, при этом оставаясь свободными людьми. Некоторые казаки принимали участие в набегах горцев на российские территории, и добивались достаточно высокого социального положения среди адыгов. Они принимали ислам и женились на горянках, стремясь тем самым укорениться в горской среде.

¹ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 859. Л. 82–83.

² ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1094. Л. 23.

³ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 21. Л. 11–12.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. XXX. № 29864.

Российские власти строго карали своих подданных за укрывательство дезертиров на подконтрольных правительству территориях. Материально поощрялась выдача беглецов. Этим правительство пыталось внушить беглецам чувство опасности, неизбежности наказания даже за пределами действия российских законов. Законодательство в отношении перебежчиков было достаточно суровым. Такого рода преступникам грозили телесные наказания, а в случае рецидива виновного могли отправить в арестантские роты.

В рассматриваемый период власти создавали условия для добровольного возвращения дезертиров и членов их семей в российские пределы. Несмотря на суровое законодательство определяющим для перебежчика было отношение местных властей. Если дезертир не совершал других преступлений во время побега (воровство, участие в горских набегах), начальство имело возможность значительно смягчить наказание.

В 1830–1860-е гг. на Северо-Западном Кавказе российская администрация достаточно лояльно относилась к казакам, которые после побега к горцам, добровольно возвращались на родину. Это объясняется тем, что правительство не желало обострять отношения с казачеством – главной силой, способной осваивать и обживать территории беспокойного региона.

2. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ГОРЦЕВ НА ТЕРРИТОРИЮ, КОНТРОЛИРУЕМУЮ РОССИЙСКИМИ ВЛАСТЯМИ, В 1830–1860-Е ГГ.

2.1. Социально-политическая ситуация в Закубанье и переход на российскую сторону представителей адыгской аристократии

К началу XIX в. левый берег Кубани и предгорья Кавказских гор населяли различные адыгские этнотерриториальные группы (племена), именуемые также черкесами. Наиболее сильными и влиятельными из них был ряд следующих племён: натухайцы, которые жили севернее крепости Анапа, вдоль реки Кубань; шапсуги, жившие по обоим склонам Главного Кавказского хребта, и занимавшие территорию от реки Адагум на севере и Шахе на юге; абадзехи, населявшие северный склон Кавказского хребта, в верховьях реки Белая; бжедуги, которые освоили левый берег Кубани близ Екатеринодара; а также темиргоевцы, жившие непосредственно по среднему течению реки Лаба, и бесленеевцы, населявшие берега рек Уруп и Зеленчук. По принципу политического устройства адыгские этнотерриториальные общности подразделялись на «аристократические», которые управлялись князьями и «демократические», свергнувшие княжескую власть в конце XVIII века. Демократические, к слову, имели выборное народное управление. К первым относились бжедуги, бесленеевцы и темиргоевцы, ко вторым – натухайцы, шапсуги и абадзехи.

Общественная структура адыгского общества к началу XIX в. выглядела следующим образом. Во главе социальной иерархии стояли князья (пши). Князья имели право держать у себя зависимых общинников и рабов, им же отводились лучшие земли и пастбища. Пши также имели ряд других приви-

легий¹. К примеру, обычное право адыгов защищало княжескую жизнь значительно большим штрафом, чем жизнь рядового тфокотля.

Ниже по социальной лестнице находились дворяне (урки). Они делились на четыре степени. Урки первой степени мало отличались по своему статусу от пши. Они так же имели своих зависимых крестьян (пшитлей) и рабов (унаутов). Дворяне нижних ступеней (в официальной российской переписке их часто именовали узденями) находились в составе княжеской дружины на полном содержании князя. Тем не менее, они могли перейти к другому князю, в случае недовольства прежним. В первой половине XIX в. в среде «демократических» адыгов началось ограничение прав аристократии. В данный период набрало силу мусульманское духовенство. По этническому составу это были преимущественно турки, так как собственных духовных кадров не хватало. Активная исламизация региона приходится именно на этот период.

Самой многочисленной прослойкой адыгского общества были свободные общинники – тфокотли. Они имели право на землю, которая распределялась общиной (псухо, куадж), а также могли иметь зависимых от себя общинников и рабов. Все тфокотли были вооружены, что свидетельствует о том, что они были лично свободными².

Пшитли относились к зависимым категориям населения. Это были разорившиеся общинники, попавшие в зависимость за долги. Обычное право адыгов охраняло их жизнь от посягательств владельца. После выплаты долга пшитли становились свободными общинниками.

Рабы (унауты), являлись безоговорочной собственностью владельца. Он мог их продать, женить или даже убить по своему усмотрению. Часто рабов наделяли землей, половину урожая с которой они были обязаны уплатить владельцу. Рабы происходили как из числа пленников, так и из числа разорившихся общинников.

¹ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 54.

² Там же. С. 52.

Среди адыгов были очень сильны пережитки общинно-родового строя. Кровнородственные отношения играли очень большую роль, и представители одного рода обязаны были оказывать друг другу поддержку. Такой обязанностью являлась и кровная месть против представителей другого рода, в случае, если кто-либо посягнул на жизнь родственника. Община решала вопрос распределения земли, имела судебные функции.

В 1783 г. Крымское ханство, по сути, было разделено между Российской империей и Турцией. Под покровительством последней остались территории левобережья Кубани. Данное положение было подтверждено условиями Ясского мирного договора, завершившего очередную российско-османскую войну¹. Порта стала уделять большое внимание развитию торговых отношений с горцами. К 1784 г. в Анапе насчитывалось 550 лавок и кофеен. Таможенные сборы выросли в несколько раз, что свидетельствовало о возросших объемах торговых операций².

В результате усилившихся товарно-денежных отношений и ряда других причин большое влияние на ситуацию в регионе стала приобретать так называемая набеговая традиция адыгских племён. Она была важным фактором, осложнявшим отношения закубанцев с Россией. Набеги горцев Северо-Западного Кавказа в российские пределы были частым явлением в конце XVIII – первой половине XIX в. В официальной переписке это явление именовали «хищничеством». В одной из наших публикаций мы рассматривали особенности набегов на Северном Кавказе³.

¹ Виноградов Б.В., Приймак Ю.В. Этнополитическая ситуация на Северном-Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.). Армавир, 2016. С. 184.

² Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011. С. 203.

³ Степаненко Н.С. Значение набегов в формировании новой социальной верхушки среди горцев Северо-Западного Кавказа до вхождения в состав России // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Сб. науч. ст. Ставрополь, 2016. Вып. 8. С. 112–117.

Набег использовался как форма социализации молодёжи в аристократических племенах. Аталыки при воспитании юных князей учили их красть скот у жителей своего аула, а затем аристократическая молодежь обращала своё внимание на соседей. Вся добыча доставалась аталыку¹. Отнюдь не только среди князей и дворян слава наездника была почётна в обществе. Добыча, привезенная из набега, являлась свидетельством зрелости юноши. «Более презрительного попрека не может сделать девушка-невеста присваивающемуся к ней молодому человеку, от которого несколько ещё не пострадала осьмая заповедь [«Не укради» – Н.С.], как сказав ему, что он доселе и дойной коровы украсть не умел», – писал дореволюционный историк И.Д. Попка о социализирующей функции набега. Весна и осень считались у черкесской аристократии «наездническими» временами года². Эти своеобразные набеговые сезоны были серьезной школой военного воспитания черкесской молодежи. Старые воины обучали молодых владению оружием, конем, тактическим приемам; юноши во время набегов приучались переносить тяготы и лишения походной жизни, у них вырабатывались такие необходимые качества, как смелость, самообладание, выносливость, умение ориентироваться и использовать особенности местности. Во время пиров, устраиваемых в стане наездников, молодежь слушала рассказы, древние легенды и предания, историко-героические песни, изучала народные обычаи и ораторское искусство³. После появления за Кубанской линией удобных для безнаказанного грабежа сёл и хуторов, мелкие набеги стали совершаться круглый год⁴.

Набег выступал в качестве социальной привилегии и главного занятия князей и дворян. Адыгский просветитель Хан-Гирей писал по этому поводу:

¹ Броневский С.М. Новейшие исторические и географические известия о Кавказе. Извлечение по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999. С. 172–173.

² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 252.

³ Марзей А.С. Черкесское наездничество «ЗекIуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). Нальчик, 2004. С. 41.

⁴ Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии. Армавир, 2005. С. 46.

«Весна и осень суть два времени в году, которые можно назвать у черкесов наездническими. Тогда князья, собрав партии молодых дворян, выезжают, как они говорят, в поле, где, избрав удобное место, располагаются в шалашах на всю осень или весну. Здесь каждому из них открываются занятия, исправляемые ими с полным удовольствием; служители и другие из молодежи разъезжаются по ночам в аулы за добычею, пригоняют быков и баранов для пищи... Между тем лучшие наездники отправляются в дальние племена, там угоняют табуны лошадей, захватывают людей и с такою добычею возвращаются к своим товарищам, которые, всякую ночь пируя на счет оплошных жителей окрестных аулов, ждут их с нетерпением... В таких разбойнических, но воинственных упражнениях проводят они осень почти до наступления зимы, а весну – до сильных жаров лета»¹.

Среди адыгов понятие мужественности было весьма своеобразным, большой упор делался на врожденный характер этого качества, его носителем было сердце². Воин, проявивший трусость, мог искупить свою вину перед обществом только свершением подвига или же своей смертью. До этого времени вся его семья пребывала как бы в трауре³. Поэтому у адыгских наездников существовал этический страх проявить трусость. В стремлении избежать бесчестия адыги иногда демонстрировали отчаянное мужество. На этой почве вырос своеобразный кодекс чести⁴, о котором писали иностранцы, побывавшие среди горцев Северо-Западного Кавказа. Так, Д. Лонгворт отмечал: «Даже до сегодняшних дней мы замечаем в манерах этих [адыгских – Н.С.] вождей признаки, столь свойственные предписаниям рыцарского кодекса чести»⁵.

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 252–253.

² Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 62.

³ Марзей А.С. Черкесское наездничество «Зекгуэ». (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). Нальчик, 2004. С. 168.

⁴ Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 62.

⁵ Лонгворт Д. Год среди черкесов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Longworth_J/text2.htm (дата обращения: 01.05.2020).

Больше всего наездник-«аристократ» боялся, чтобы его не заподозрили в алчности и жажде наживы. Каждый, желающий достичь общественного признания, должен был иметь щедрую руку и дарить все, что добывал во время набегов. Для адыгской аристократии добыча являлась всего лишь свидетельством, знаком храбрости воинской отваги наездника, но никак не была самоцелью¹. И.Ф. Бларамберг, В.А. Потто и другие писали том, что для князей, в трудном, приносящем славу набеге добыча не играла особенной роли. Она была нужна байгушам – «подонкам общества». Князь в набеге искал славы и считал для себя бесчестьем, если какой-нибудь уздень превзойдет его в храбрости². Большая часть баранты раздаривалась, проедалась и пропивалась горскими аристократами на пирах. Набеговая традиция не вела к накоплению богатств у непосредственных «производителей» добычи. Социально-этическая составляющая набегов была значительно важнее для аристократии, чем экономическая.

Однако в первой половине XIX в., в связи с развитием работорговли и усилением товарно-денежных отношений, морально-этические установки набегачей начали размываться, на первый план начала выходить экономическая выгода. Эти изменения точно передал адыгский просветитель, бжедуг Хан-Гирей: «Наездничество прежних черкесов в наше время превратилось в разбойничество. А между этими видами огромная нравственная разница. Наездничество покраснело бы от мысли уворовать у соседа лошадь, изменить своему слову; его цель была – слава, отвага; а теперешнее разбойничество, как развратница, не знает тени стыда; его цель – корысть»³.

Захват и выгодная перепродажа пленников и рабов, стали наравне с торговлей другими товарами одним из источников доходов нарождающейся

¹ Марзей А.С. Черкесское наездничество «Зеклуэ». (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). Нальчик, 2004. С. 127.

² Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии. Армавир, 2005. С. 32.

³ Клычников Ю.Ю., Цыбульников А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск, 2011. С. 17.

«новой» горской верхушки в лице старшин «демократических племен». Обладая мышлением, соответствующим сложившимся экономическим условиям, богатые тфокотли сосредоточили в своих руках значительный материальный капитал. М.В. Покровский следующим образом охарактеризовал особенности социальных процессов среди адыгов: «Имущественному расслоению тфокотлей, в особенности у прибрежных адыгейских племен, способствовали весьма оживленные торговые связи с Турцией. В ряде пунктов (Анапа, Суджук-Кале, Геленджик и др.) происходили крупные торговые операции. Во владениях натухайцев, прилегавших к Анапе, в то время, когда она находилась в руках турок, развилось значительное товарное земледельческое хозяйство и скотоводство с широким применением принудительного труда. Объяснялось это не только тем, что турецкий гарнизон и турецкое население в самой крепости снабжались в основном за счет местных продуктов, но и тем, что хлеб из Анапы в довольно больших количествах экспортировался в Турцию. Именно поэтому зажиточные натухайские тфокотли и старшины так жадно охотились за рабами и крепостными»¹. В 1829 г. после того как Анапа окончательно перешла под контроль Российской империи, в данный населённый пункт начали выбегать невольники из близлежащих аулов. Среди них были выходцы из закубанских этно-территориальных групп, русские, татары и другие. Они были захвачены в плен в разное время, и оказавшись в рабстве, проживали около Анапы, где использовались в качестве рабочей силы².

Торг невольниками с Северного Кавказа получил наибольшее распространение в конце XVIII в., когда, по некоторым сведениям, в Константинополь, Египет и Левант ежегодно увозилось до 12 тыс. рабов³. Дореволюционные авторы, такие как С.М. Броневский⁴, Ф.А. Щербина⁵ писали о наклонно-

¹ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 52.

² Там же. С. 52–53.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 38.

⁴ Броневский С.М. Новейшие исторические и географические известия о Кавказе. Извлечение по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999. С. 134.

⁵ Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 40.

сти черкесов к разбоям и широком распространении в этой связи работорговли. Во второй половине XVIII – начале XIX в. на Кавказе существовал единый невольничий рынок с обширными связями в регионах. Черкесы делали попытки продавать рабов на территории Российской империи¹.

Более десятка адыгских субэтнических групп были раздираемы внутренними политическими и социальными противоречиями, связанными с разрушением старых родоплеменных отношений и имущественным расслоением общества. Шедшие среди горцев Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в. социальные процессы формировали запрос на политическую консолидацию. Зачастую он приобретал религиозно-мистическую окраску.

«Весной 1848 года между фортами Навагинским и Головинским появился некий дервиш в оборванной одежде, проповедовавший объединение горцев для борьбы против России. Он уверял их, что может заговорить порох и навести такой туман, при котором адыги незаметно смогут пробраться в российские укрепления и без выстрела овладеть ими»². И если старшины только посмеялись над ним, то простой народ собрался к нему в ущелье Вардане, чтобы посмотреть на проповедника и испытать его³. Имам Шамиль направлял в регион своих наместников, которые с определённой долей успеха пропагандировали священную войну против неверных – газават.

Развитие торговли (в том числе и рабами) обусловило борьбу дворян с разбогатевшей верхушкой тфокотлей. Вершиной этого противостояния стала Бзиюкская битва 1796 г. между шапсугскими общинниками с одной стороны и шапсугскими князьями и их союзниками с другой. Последних поддержал и отряд черноморских казаков с артиллерией, что предопределило исход противостояния. Вмешательство России во внутриадыгскую междоусобицу укрепило среди тфокотлей антироссийские настроения, которые постоянно

¹ Черкасов А.А., Королева Л.А., Братановский С.Н., Шмигель М. Бегство из Черкесии накануне Кавказской войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1363–1364.

² Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 448.

³ Там же.

подогревала Османская империя. В первой половине XIX в. борьба между аристократами и богатыми общинниками продолжилась.

Дворянская «партия», вопреки ожиданиям России, часто терпела поражения. Поэтому многие представители горской аристократии вынуждены были бежать под её покровительство. Так, теснимый горцами дворянин Шостан-Али, 16 апреля 1798 г. самовольно переправился через Кубань со своим семейством и подвластными ему людьми¹.

В 1799 г. шапсугский владетель князь Шеретлуков, потерпевший поражение во внутривосточной борьбе, просил принять его в российское подданство. Павел I повелел удовлетворить его просьбу. 27 июля 1799 г. адыгам разрешили переселиться на Кубань. Новообразовавшееся поселение получило название Гривенский аул, т.к. оно находилось рядом со станицей Новонижестеблиевской, называемой в народе Гривенной станицей. Жители аула занимались земледелием и скотоводством и мирно уживались с черноморцами. Князь Шеретлуков поступил на российскую службу. Он дослужился до чина полковника, также ему была назначена пенсия в размере 600 руб. в год. Князь умер в 1813 г., завещая своим подвластным верно служить России². Впоследствии Гривенский аул являлся убежищем для беглых горцев разного социального происхождения вплоть до середины 60-х гг. XIX в. Многие жители этого аула служили в различных российских воинских формированиях.

После юридического закрепления территории Закубанья в составе России (2 сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мирный договор с Турцией)³, для Санкт-Петербурга проблема Северо-Западного Кавказа перешла из международной во внутривосточную плоскость. Россия стремилась взять под свой контроль земли Северо-Западного Кавказа, уступленные ей

¹ Короленко П.П. Горские поселенцы в Черномории // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 455.

² Там же. С. 456–457.

³ Кавказский вектор российской политики. Сб. документов. Т. II. Кн. 2. 1796–1864 гг. / сост.: М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2014. С. 70.

Турцией. Она рассчитывала использовать внутренние разногласия в Закубанье. Также власти хотели пресечь разорительные набеги горцев на российские поселения и прекратить торговлю невольниками на восточном берегу Чёрного моря. Важным инструментом российской политики в регионе была казачья колонизация Северо-Западного Кавказа, которая сочеталась со строительством новых военных крепостей и укреплений в Закубанье. С 1837 г. российские форты размещались и на восточном берегу Черного моря¹. Совокупность упомянутых факторов послужила причиной нарастания военного противостояния на Северо-Западном Кавказе.

После Адрианопольского договора борьба дворян и старшин в Закубанье продолжилась. Проигравшие в борьбе аристократы продолжали бежать на подконтрольные России территории. Одним из ярких примеров социального противостояния в адыгском обществе стала история шапсугских дворян Бесленей и Убыха Аббатов, которая была освещена в одной из наших публикаций².

В начале 1830-х гг. российские власти нуждались в топографической информации, касающейся недавно приобретенных территорий Северо-Западного Кавказа. Для этого, в земли т.н. немирных горцев направили разведчиков, одним из которых являлся Г.В. Новицкий. Для того чтобы попасть на территорию Закубанья, российскому офицеру было необходимо заручиться покровительством какого-нибудь местного владельца. Г.В. Новицкий обратил внимание на Бесленей и Убыха Аббатов, т.к. они пользовались большим авторитетом среди горцев. Они неоднократно вместе с известным предводителем горских партий Казбичем водили адыгские партии в Черноморию и причинили там немало вреда. Бесленей Аббат так же ездил в Османскую империю, где представлял шапсугов. Через своих знакомых разведчик начал

¹ Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир, 2011. С. 26.

² Степаненко Н.С. Переселение в Россию адыгской знати в 30-е гг. XIX в. (на примере дворянской семьи Аббатов) // Вестник Вятского государственного университета. Киров, 2017. № 4. С. 43–46.

посылать Бесленею Аббату многочисленные подарки. Достигнув расположения влиятельного дворянина, Г.В. Новицкий попросил Бесленея провести его через адыгские земли от Анапы до ст. Баталпашинской¹. Под видом слуги Убыха российский разведчик проследовал по намеченному пути и собрал ценные сведения не только топографического, но и социально-политического характера.

Шапсугские тфокотли узнали о нахождении российского разведчика в горах. Они послали за ним погоню, однако Г.В. Новицкому и его спутникам удалось уйти от преследователей и беспрепятственно вернуться на российскую территорию. Некоторое время спустя, во время экспедиции графа Паскевича в Закубанье Бесленей и Убых Аббаты являлись проводниками российских войск, за что получили звания прапорщиков и значительное денежное содержание².

Поступок дворянской семьи Аббатов стал одной из центральных тем на народном собрании шапсугов и натухайцев, собравшихся в начале 1831 г. на реке Адагум. В целом, практика собраний, как внутри адыгских субэтнических групп, так и между ними, была достаточно распространенным явлением. Это были своеобразные политические площадки, на которых обсуждались острые внутри- и внешнеполитические вопросы, важные общественные события, а также могли выноситься судебные решения³. На рубеже XVIII – XIX вв. на особом собрании при активном участии бжедугских князей был найден компромисс между шапсугской аристократией и тфокотлями. Благодаря этому удалось остановить кровопролитие⁴.

Капитан Генерального штаба Г.В. Новицкий доносил об Адагумском собрании 3 марта 1831 г. дежурному штаб-офицеру войск правого фланга

¹ Ткаченко Д.С. Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...»: Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь, 2011. С. 170–171.

² АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 733.

³ Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау (Воспоминания и документы). Нальчик, 1999. С. 469.

⁴ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 158.

Кавказской линии полковнику Соболеву. Это донесение отличается интересными наблюдениями политической жизни в Закубанье. Коллежский секретарь иностранной коллегии Тауш, находящийся в крепости Анапа для переговоров с натухайцами, одновременно давал знать Г.В. Новицкому, что на реке Адагум собрались представители шапсугов и натухайцев. На обсуждение было вынесено три вопроса: 1) Точно ли турецкое правительство отказалось им покровительствовать; 2) Если это так, то какие меры они должны предпринимать в отношении России; 3) Каким образом поступать с Бесленем Аббатом и его братом Убыхом. На данном собрании, по сведениям коллежского секретаря Тауша, пророссийских настроений придерживался Занкор Сефер-бей – князь общества Хегайк.

Чтобы подробнее узнать о ходе Адагумского собрания 1831 г., было необходимо пригласить одного из его участников в Екатеринодар. Для этого Бесленей Аббат вызвал преданного ему Юзиф Эфенди, который сообщил ценные сведения. Он рассказал, что до Адагумского собрания, многие шапсуги и натухайцы не были уверены в том, что они перешли в зависимость от России. Чтобы подтвердить условия Адрианопольского мирного договора, Сефер-бей дал присягу перед народом. Для большей убедительности, он объявил намерение отправиться в Османскую империю, чтобы лично убедиться в том, что она не имела никакого политического влияния на адыгов. Юзиф Эфенди при передаче сведений о собрании просил российские власти принять его в Анапе в том случае, если ему потребуется убежище.

Также Юзиф Эфенди дал знать, что после всеобщего уверения в том, что османское правительство отказало адыгам в покровительстве, образовались две партии: пророссийская и те, кто желал независимости. Сторонники независимости одержали верх за счёт слухов, распространившихся в горах. Согласно им, все российские войска якобы были выведены из региона для участия в европейской войне (по всей видимости, в виду имелось Польское восстание 1830–1831 гг.). Более того, на каждом кордоне Кубанской линии находилось не более 5 чел. А те малочисленные российские войска, которые

оставались в закубанских укреплениях, были не в состоянии заготовить новые запасы сена весной. Горцы считали, что после того, как гарнизоны российских крепостей в Закубанье израсходуют старые запасы продовольствия и фуража, они покинут свои укрепления. На основе этих слухов шапсуги решили напасть на Ивано-Шебшское укрепление. Горцы были уверены, что из-за отсутствия войск они не встретят сопротивления. Их удивил неожиданный отпор со стороны гарнизона укрепления. Горская партия, которая принимала участие в этом деле, состояла только из тфокотлей – представителей простого народа. Дворяне – уорки в данном набеге участия не принимали¹.

На народном собрании решили, что участь семейства Аббатов зависит от воли всего шапсугского народа. Поэтому собрание постановило, если сын Бесленей Шаган-Гирей откажется от своего отца и дяди, станет их врагом и подтвердит это присягой перед народом, ему даруется всё их имущество. Бесленей советовал сыну выдать себя за врага своего отца и России. Шапсуги постановили предложить Бесленею и Убыху Аббатам возвратиться в горы с условием стать врагами России. За это шапсуги предлагали им вернуть всё имущество, с условием уплаты штрафа за оскорбление. Бесленей просил Новицкого дать знать своему сыну, чтобы он собрал семейство в одно место. Это было необходимо для того, чтобы их без затруднений можно было вывести в крепость Анапу².

В начале апреля 1831 г. Бесленей Аббат отправился в Закубанье, для того, чтобы освободить свою жену. На обратном пути в российские пределы он был обнаружен шапсугами на реке Антхир и схвачен. Шапсугские тфокотли обвиняли Бесленея в том, что он спровоцировал прошлогоднюю экспедицию российских войск. Находясь в заключении, Бесленей Аббат уверял их, что они сами виноваты в том, что Россия предприняла военные действия. В доказательство своей лояльности шапсугам Бесленея обязали представить поручителей из знатных семей, что он и сделал, к немалому удивлению ос-

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 302. Л. 27; Л. 27 об; Л. 28; Л. 28 об.

² Там же. Л. 28 об.

новой массы общинников. Это обстоятельство значительно облегчило участь пленника. Ему даровалась свобода до общего народного собрания, от которого Бесленей Аббат ничего хорошего не ожидал¹.

Англичанин Джон Лонгворт, побывавший на Северо-Западном Кавказе в 1837 г., изложил историю семейства Аббатов, рассказанную ему горцами. Он писал, что предводитель шапсугских тфокотлей Амирз избил Бесленея Аббата во время его пребывания в заключении и надругался над его женой. Это являлось тяжким преступлением в глазах горцев. Слухи об этом также способствовали скорому освобождению Бесленея Аббата².

Между тем, до него дошли сведения, что российский отряд переправился на левый берег Кубани у Ольгинского кордона, а российский десант высадился в бухте Геленджик. Зная о планах устройства укреплений по реке Абин до Геленджикской бухты и будучи уверенным в том, что российские войска займут территорию между Ольгинским укреплением и Геленджиком, Бесленей Аббат собрал своих родственников и сторонников в укрепленном ауле на реке Абин. Он надеялся на скорую помощь со стороны российского командования, однако обманулся. Войска вскоре покинули Закубанье, а шапсуги настойчиво спрашивали его о причинах усиления обороны. Бесленей Аббат объяснял это предосторожностью против своих врагов, якобы грозивших ему смертью. Вместе с этим, он разослал посланцев к своим сторонникам с просьбой о помощи. Шапсугские общинники требовали уничтожить засеки, окружавшие аул. После отказа Бесленея, они начали военные действия. Для осады было привезено две пушки, но Бесленею со своими сторонниками удалось продержаться до подхода союзных ему натухайцев и шапсугских дворян³. Между двумя отрядами начались споры. Сторонники Аббатов требовали народного суда в присутствии старейшин (по всей видимости, под этим подразумевался суд по адату, обычному праву адыгов, дававшего князьям преимущество в сравнении с рядовыми общинниками). Тфокотли

¹ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 728.

² Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 136–137.

³ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 728–729.

требовали немедленной выдачи Аббатов. Предводитель шапсугских общинников заявил: «Если вы поймали волка в вашей овчарне, требуете ли вы суда? Ваш родич привёл в нашу страну русских, если вы сами не участвовали в этом преступлении, то передайте предателя в наши руки, и пусть справедливость восторжествует; родившая его земля выбросит его из своего лона в море, которое и должно быть его могилой»¹. Переговоры не имели успеха и вскоре переросли в военное столкновение. Бой между сторонниками и противниками Бесленей Аббата окончился ничьёй. Обе стороны согласились в том, что участь дворянина должна быть решена на суде. Через несколько дней был назначен шариатский суд (он был выгоден партии противников Бесленей, так как уравнивал всех представителей общины).

Противники Бесленей на время разошлись по домам. Тем временем, сторонники Аббатов ночью переправили их в Суджук-кале, под покровительство натухайцев. На другой день шапсугские тфокотли, обнаружив исчезновение Бесленей Аббата, хотели отправиться за ним в погоню, но шапсугские дворяне и натухайцы остановили их. Будучи в Суджук-кале Бесленей Аббат склонял адыгов к сотрудничеству с Россией и доставлял на Линию сведения о планах немирных горцев. Он медлил с переходом в российские пределы из-за опасений за судьбы своих приверженцев, остававшихся в горах. Бесленей Аббат ждал прихода войск, под прикрытием которых он смог бы вывести свою семью и сторонников на правый берег Кубани.

Год спустя, в апреле 1832 г. Командующий Черноморской кордонной линией генерал-майор Е.А. Берхман в рапорте от 4 апреля 1832 г. № 587 доносил А.А. Вельяминову о том, что прапорщик Бесленей Аббат просил о содействии при переходе его семейства под российское покровительство. Кроме этого, он ходатайствовал о пособии для обзаведения хозяйством на новом месте. Е.А. Берхман писал, что Бесленей Аббат со своим семейством и зависимыми людьми, всего 73 мужчин и 53 женщины, переселился в Суджукскую бухту на реку Цемес. При этом он лишился практически всего

¹ Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 135.

имущества и скота. Шапсугские тфокотли грозили Бесленею разорением, однако он уверял их, что возвратится на прежнее место жительства и прекратит сношения с русскими. Таким образом, он затягивал время. Бесленей Аббат надеялся на то, что, когда российские войска организуют очередную экспедицию в земли шапсугов, он сможет перейти под покровительство России¹.

С течением времени, Бесленей Аббат начинал понимать, что в ближайшее время никакого похода в Закубанье не предвидится, поэтому он начал просить российские власти о содействии в перемещении его семьи и подданных на правый берег Кубани. Генерал-лейтенант А.А. Вельяминов писал по этому поводу: «Услуги, оказанные нашему правительству прапорщиками Бесленеем и Убыхом Аббатами, и решительное их предание себя к нам возлагают на нас обязанность, как о даче средств к переходу в наши границы, так и к первоначальному обзаведению их хозяйством»².

Командующий войсками Кавказской линии и Черномории предлагал послать за Бесленеем Аббатом 4 батальона пехоты при 8 орудиях, но Убых Аббат предостерёг А.А. Вельяминова от этого шага. Прапорщик дал знать, что при первом же появлении российского отряда в Закубанье шапсугские тфокотли нападут на него. Братья не смогли бы продержаться и дня, необходимого войскам для преодоления 40-вёрстного расстояния. Поэтому было предложено переправить семейство Аббатов и их зависимых людей по воде. Морской десант должен был ночью высадиться в Суджукской бухте и обеспечить безопасную погрузку Бесленей Аббата и его людей на корабли. Эта операция должна была завершиться до восхода солнца, чтобы адыги из окрестных аулов не помешали эвакуации. После пребывания под карантином в Керчи Бесленей Аббат и его люди должны были быть переправлены через Черноморию на Кубань, для поселения среди мирных адыгов. Для первоначального обзаведения хозяйством предполагалось выдать им 25 четвертей

¹ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 733.

² Там же. С. 734.

проса и 200 четвертей пшена¹. Таким образом, история Бесленея и Убыха Аббатов наглядным образом показывает особенности внутреадыгского противостояния в 1830-е гг. Часть местной знати в данном конфликте стремилась опереться на российскую поддержку.

Во второй половине 1840-х гг. противоречия между адыгскими элитами вновь обострились. Данной проблеме было посвящено очередное народное собрание на реке Адагум, длившееся с февраля 1848 г. по февраль 1849 г.² (по другим данным, оно окончилось уже к осени 1848 г.³).

1846 г. ознаменовался в жизни шапсугского, а также натухайского дворянства массовым стремлением уйти в российские пределы, т.к. натухайские и шапсугские тфокотли лишили свою военно-феодалную аристократию её старинных прав⁴. Знатные адыги следующим образом описали своё недовольство в прошении на имя главнокомандующего Кавказским корпусом М.С. Воронцова в 1846 г.: «С древнейших времен мы имеем над народом нашим распорядительную власть. Все порядки, все повеления Государя и все народы зависят от нас. Все наши мнения и приговоры всегда были исполняемы народом, равно как и с нашей стороны, всегда было исполняемо всё, что к благосостоянию народа клонилось. До сего времени наши отношения с народом пребывали в должной нерушимости, мы пользовались между народом надлежащими преимуществами и уважением; Богу или людям известно, что мы всегда были старшими над народом. Такой порядок вещей продолжался до настоящего времени. Ныне же народ вышел из повинности и во всём сравнился с нами; все простые люди самоуправствуют и производят беспо-

¹ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 734.

² Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. С. 111.

³ АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. С. 676.

⁴ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 161.

рядки, не слушая один другого, таким образом, народ присвоил себе те права и преимущества, которыми пользовались только наши деды и отцы»¹.

К концу февраля 1847 г. верхушка натухайских тфокотлей осознала опасность перехода дворян под российское подданство². Старшины потребовали от дворян явиться на народное собрание для разбирательства. Псебеское народное собрание 1847 г. постановило наложить на дворян, намеревавшихся переселиться в Россию, тяжелые штрафы. В том же году Шебшское собрание решило создать постоянное ополчение для того, чтобы силой привести дворян к повиновению³. Однако представители горской знати по-прежнему стремились бежать на подконтрольные России территории, несмотря на пристальный контроль со стороны общинников.

3 апреля 1847 г. представители шапсугских и натухайских знатных фамилий (Шеретлук, Абат, Воркоз, Несмирз, Цухо, Супан, Керзеч, Куйцук и Дершу) вручили в Екатеринодаре прошение генералу Г.А. Рашпилю. Они изъявили желание вступить в число подданных российского императора. При этом они выдвинули ряд просьб:

1) Шапсугские дворяне хотели поселиться по берегу Кубани от реки Суп до реки Уадекум (Адагум). Натухайские дворяне желали расселиться между рекой Псебсом и крепостью Анапой. Аристократы, жившие на побережье Чёрного моря, просили, чтобы местное начальство разрешило им поселиться там, где они захотят.

2) При принятии подданства адыгские аристократы хотели, чтобы им были сохранены их прежние права и преимущества, в том числе и право владеть зависимыми крестьянами и рабами.

3) Возмещение убытков, понесенных при переселении.

¹ Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793–1914 гг.) / сост. А.В. Сивер. Нальчик, 2012. С. 23.

² Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 162.

³ Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. С. 110–111.

4) При переходе под российское покровительство знатные горцы нуждались в поддержке российских войск (по вполне понятным причинам, для обеспечения своей безопасности).

5) Шапсугские и натухайские дворяне хотели также отомстить за обиды и ущерб, понесенные ими от черни, рассчитывая в этом вопросе опять-таки на поддержку российских войск.

6) Бежавшие в разное время от знатных владельцев крепостные крестьяне должны были быть возвращены своим прежним владельцам.

7) Шапсугские и натухаевские дворяне желали направить депутацию для личной встречи с императором.

Главнокомандующий на Кавказе, князь М.С. Воронцов, дал развёрнутый письменный ответ на каждую просьбу представителей закубанского дворянства. Он призвал их переселяться под российское покровительство. Наместник на Кавказе обещал дворянам земли и материальную поддержку, сохранить их старинные дворянские права, а также обеспечить защиту со стороны войск при переселении. В выдаче беглых зависимых крестьян князь М.С. Воронцов отказал. Это решение он объяснил следующим образом: «Соглашаясь с удовольствием на все ваши просьбы, которые можно исполнить, я не могу этого сделать относительно выдачи владельцам бежавших в Россию крестьян. Люди эти перебежали в русские пределы давно и так даже получили от начальства обещания, что будут свободным. Данное обещание никто изменять не должен, и вы сами согласитесь со мною, что это справедливо, ибо если мы изменим нашему прежнему слову, данному бежавшим вашим крестьянам, то вы можете опасаться, что и относительно вас обещания будут нарушены. Но этого не было и никогда не будет»¹. Текст данного обращения генерал Н.С. Завадовский лично вручил шапсугским дворянам в лагере около Екатеринодара 11 мая 1847 г.

¹ Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793–1914 гг.) / сост. А.В. Сивер. Нальчик, 2012. С. 28–29.

Часть аристократии откликнулась на призыв и переселилась под российское покровительство. Некоторые представители знати вынуждены были тайком пробираться под защиту гарнизонов укреплений. 19 ноября 1848 г. начальник Ольгинского Мостового укрепления, есаул Молька, доложил о том, что под покровительство России вышел некий Пшекуй Немиров. Впоследствии он рассказал о себе следующее: от роду ему было 26 лет, исповедовал ислам. Отца звали Кушмичук, а мать Паке. К тому времени родители уже умерли. Проживал Пшекуй на реке Габль в ауле немирных горцев. В 1847 г. его брат Каспулет Немиров в числе других шапсугских дворян вышел под покровительство России, и даже успел получить чин прапорщика. Пшекуй ждал подходящего случая для побега. 15 ноября он бежал в Ольгинское Мостовое укрепление и попросил доставить его в аул прапорщика Кончукова. Там он хотел поселиться со своим братом¹.

Однако ещё до этих событий по левому и правому берегам Кубани сформировались поселения адыгской знати, присягнувшей на верность России. Горским князьям и дворянам активно присваивались воинские звания и регулярно выплачивали причитающееся им жалованье. Прапорщик князь Пшемаф Кончуков жил на речке Пшиш в 6-ти верстах от Кубани, поручик Береда Ботоков проживал на левом берегу Кубани выше Александровского поста. Аул дворянина Берзека Хайтука располагался при устье реки Пшиш².

В справочнике А.В. Казакова об адыгах на российской службе приводятся многочисленные примеры горцев, получивших генеральские и офицерские чины. Приведём некоторые из них. Гусаров Арслан-Гирей (он же Аслан-Герей) Шахан-Гиреевич, подпоручик (1854 г.), «из жанеевских дворян». Служил в лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне, состоял оруженосцем с 24 декабря 1834 г. Произведён в офицерский чин корнета 8 сентября 1848 г. (по другим данным – 8 декабря 1837 г.) с прикомандированием к 8-му Конно-Черноморскому казачьему полку с жалованьем по чину

¹ ГАКК Ф. 261. Оп. I. Д. 955. Л. 109.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. I. Д. 615. Л. 7, 18, 18 об.

167 руб. 14 коп¹. Другим представителем этой семьи на российской службе был Гусаров Крым-Гирей Шагин-Гиреевич (Шахан-Гиреевич) (1820 – 1 марта 1863 г.), полковник с 24 октября 1859 г., являлся выходцем из бесленеевских узденей 1-й степени. Воспитывался в Первом кадетском корпусе, откуда выпустился 25 августа 1838 г. в чине хорунжего с прикомандированием к Кавказскому казачьему полку. Имел благодарности императора за службу. 14 ноября 1842 г. был командирован словесным переводчиком к начальнику Черноморской береговой линии. 7 сентября 1843 г. «За отличие против горцев» награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». За период службы также получил орден Св. Анны 3 степени, Св. Владимира 4 степени. Принимал участие в Крымской войне.

Другой известной адыгской фамилией, представители которой служили в составе российских войск, были Могукозовы. Могукозов Арслан-Гирей (он же Аслан-Черий, Аслан Герей) Бешукович (родился 13 августа 1828 – скончался не ранее 1888 г.), подполковник (14 февраля 1862 г.), из бжедугов («сын сотника хамышевского племени»). Обучался во Втором кадетском корпусе. Окончив учебное заведение, Арслан-Гирей служил в гусарском и различных казачьих частях. Временно командовал Анапско-Горским полуэскадром. За отличия на военной службе награждён различными орденами и медалями. Могукозов Пшекуй Довлетчериевич (родился в 1788 г. – умер не ранее 1864 г.) – генерал-майор (к 1849 г.) из бжедугов-хамышеевцев (по другим данным – из шапсугов). С 10 июня 1808 г. он начал службу казаком в Черноморском казачьем войске. Участник российско-османской войны 1806–1812 гг. и Отечественной войны 1812 г. За работу военного и административного характера на Северо-Западном Кавказе Пшекуй Могукозов был удостоен многочисленных орденов и наградного оружия. Его имя фигурирует в многочисленных рапортах и отчётах, касающихся переселения горцев в Россию. Пшекуй Могукозов являлся опекуном известного адыгского просвети-

¹ Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры (середина XVI – начало XX в.). Нальчик, 2006. С. 102.

теля на русской службе Хан-Гирея¹. Служба дворянских адыгских семей Гусаровых, Могуковых, Улагай подробно освещена в исследовании Е.В. Брацуна².

Приведённые данные показывают, что немалое количество адыгских аристократов искало покровительства России. Многие из них добровольно шли на военную службу и добивались высоких чинов и наград. Примечательно, что адыг Султан Адиль-Гирей некоторое время являлся «комендантом Варшавы, третьего по величине города Российской империи. Польша в тот период являлась одним из самых нестабильных регионов России»³.

Военная служба была универсальным инструментом для встраивания северокавказских дворян во всероссийский правящий класс и формирования устойчивой пророссийски ориентированной силы в регионе. Для самих аристократов служба в армии являлась хорошим социальным лифтом, возможностью получить образование и значительно улучшить своё материальное положение. Для того чтобы показать отношение российских властей к дворянам из горцев, обратимся к Полному собранию законов Российской империи, в котором собраны все императорские указы и постановления Сената, касающиеся их.

Правительство уделяло большое внимание формированию у горской знати идеи служения самодержавию. Они должны были впитать в себя принципы сословного строя, существовавшего тогда в империи. Основными институтами, которые были предназначены для воспитания горского дворянства, являлись учебные заведения и армия. 30 мест в столичных военно-учебных заведениях ежегодно предназначались для детей почётнейших горцев или для способных учеников. Предписывалось учредить школу при Тенгинском полку. Для детей почётнейших горцев Кавказской линии (преимущественно из среды князей и узденей) отдавалось 50 мест в ставропольской и

¹ Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе ... С. 102, 192.

² Брацун Е.В. Горцы Северо-Западного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII – XIX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014. С. 202.

³ Там же. С. 62.

25 мест в екатеринодарской гимназиях. Дети горцев должны были обучаться совместно с детьми российских подданных¹. В 1851 г. наместник на Кавказе М.С. Воронцов сделал запрос на имя императора о том, могут ли офицеры из горцев недворянского происхождения, но пользующиеся авторитетом у своего народа, направлять своих сыновей на воспитание в военно-учебные заведения. Николай I ответил, что могут, но только те, кто дослужился до воинского чина майора². Согласно Табели о рангах, майорский чин давал потомственное дворянство. Соответственно, в столичные кадетские корпуса незнатному ребёнку попасть было очень сложно.

Воспитанники учебно-военных заведений из числа выходцев с Кавказа имели равные права с остальными обучающимися на присвоение внутренних званий фельдфебелей, унтер-офицеров и ефрейторов в качестве поощрения за отличия в обучении³. Российские власти уважительно относились к религии воспитанников с Кавказа. В случае смерти, их разрешалось хоронить в тот же день, как это было принято у мусульман. Условием соблюдения данного обряда являлось согласие родственников и заключение врача о смерти⁴. Тем не менее, переход в православие приветствовался. Офицеров из горцев, воспитывавшихся в военно-учебных заведениях, после того как они принимали христианство тотчас, вне зависимости от их желания, переводили в те полки, к которым они были прикомандированы. При этом офицерам сохранялось добавочное содержание, получаемое ими ранее⁵. По всей видимости, это делалось для того, чтобы изолировать новообращённого православного христианина от общения с бывшими единоверцами, так же обучавшимися в кадетском корпусе. Смена религии являлась серьёзным шагом, который мог привести к конфликту между воспитанниками.

¹ ПСЗРИ-2. Т. XXVIII. № 27428.

² ПСЗРИ-2. Т. XXVI. № 25665.

³ ПСЗРИ-2. Т. XII. № 10256.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. XIX. № 17816.

⁵ ПСЗРИ-2. Т. XXX. № 29636.

В 1843 г. император предписал выпускникам военно-учебных заведений из горцев выдавать двойное жалование. В первый год службы после выпуска годовое жалование новоиспечённого офицера передавалось в распоряжение командира полка. Ему предписывалось приобретать на эти деньги вещи, необходимые кавалерийскому офицеру. Николай I при назначении такого жалованья руководствовался тем, что офицеры из горцев были удалены от родины и не могли получить помощи от родственников, которые, к тому же, зачастую сами находились в состоянии крайней бедности¹. Не только офицеры, но и корнеты из горцев, поступавшие в регулярные кавалерийские части, получали двойное жалование². Форма этих кавалеристов несколько отличалась. Им предписывалось иметь на шинелях красные воротники без петлиц и серебряные пуговицы по армейскому образцу³. Те же льготы полагались юнкерам из горцев. После производства в офицеры, двойное жалование им выплачивалось за весь период службы в регулярных полках. Также предписывалось не требовать с них деньги для покупки верховой лошади и офицерского обмундирования⁴. За отличия в учёбе выпускники военно-учебных заведений из горцев направлялись на службу в артиллерийские части. Они имели такие же преимущества, как и горцы, выпускаемые в кавалерийские части и получали жалование в двойном размере⁵.

В 1830-е гг. обучающихся в кадетских корпусах горских воспитанников предписывалось направлять на службу в Кавказское линейное казачье войско, с определением в полки, находящиеся рядом с местами их проживания⁶. При этом они получали воинские чины армейской лёгкой кавалерии⁷. Но эта практика себя не оправдала, т.к. на родине молодые офицеры возвращались к прежнему образу жизни. Постепенно российские власти приходили

¹ ПСЗРИ-2. Т. XVIII. № 16914.

² ПСЗРИ-2. Т. XXI. № 19616.

³ ПСЗРИ-2. Т. XXVIII. № 26907.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. XXVIII. № 27452

⁵ ПСЗРИ-2. Т. XXII. № 21749.

⁶ ПСЗРИ-2. Т. XII. № 10670.

⁷ ПСЗРИ-2. Т. XIII. № 11398.

к пониманию того, что офицеры из горцев, прикомандированные к регулярным кавалерийским полками, быстрее могли научиться правилам строевой службы, чем при казачьих частях. Более того, в регулярных полках строже следили за дисциплиной¹. Офицеров из горцев не направляли на службу в кирасирские полки. Прикомандирование их к драгунским полкам допускалось в случае необходимости, да и то только к пикенёрским эскадронам². Служба в тяжёлой кавалерии требовала иных качеств мало характерных для горцев, привыкших к маневренному ведению боя, присущему для лёгкой конницы.

В начале 1850-х гг. находившихся на воспитании в военно-учебных заведениях сыновей горцев, при выпуске их офицерами, предписывалось назначать, как и детей грузинских дворян и мусульман Закавказья, в пехотные или кавалерийские регулярные полки, расположенные в центральных районах России. Прослужив там 6 лет, они имели право переводиться в Отдельный Кавказский корпус. То же правило действовало и для горцев, выпустившихся юнкерами³. Шестилетняя служба выпускников военно-учебных заведений, происходивших из горцев, считалась обязательной. В случае неудовлетворительной службы их переводили в батальоны внутренней стражи, расположенные в северной, средней и южной полосах империи. Если по каким-либо причинам выпускник был уволен со службы, он должен был проживать во внутренних губерниях России. Только по истечении положенного шестилетнего срока со дня выпуска, он имел право вернуться на родину. Исключения допускались в тех случаях, когда начальство Кавказского края считало необходимым возвращение отпрыска по «семейным обстоятельствам особенной важности»⁴.

Новый император постепенно начал отходить от политики особых льгот и попыток «перевоспитания» в отношении кавказских дворян. 4 апреля

¹ ПСЗРИ-2. Т. XVIII. № 17275.

² ПСЗРИ-2. Т. XXVII. № 26094.

³ ПСЗРИ-2. Т. XXVI. № 25856.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. XXVII. № 26281.

1855 г. Александр II вновь позволил прикомандировывать офицеров из горцев к казачьим полкам, расположенным на Кавказской линии. Распоряжаться их приёмом и увольнением должен был командующий войсками Кавказской линии и Черномории. Жалованье и другое содержание горцы получали на тех же основаниях, что и казаки¹. Отменялось двойное жалованье, назначенное Николаем I. В 1858 г. Александр II повелел прекратить ежегодное предоставление детям кавказских горцев 30 мест в столичных военно-учебных заведениях. Впредь, администрация на Кавказе могла присылать в Санкт-Петербург детей «почётнейших и владетельных фамилий», пользующихся уважением в регионе. Приём таких воспитанников в военно-учебные заведения осуществлялся в качестве исключения и производился только с разрешения императора. Они учитывались сверх комплекта, и на содержание этих детей в год отпускалось 220 руб. серебром в год. Выпускники из горцев принимались в регулярные воинские подразделения на равных условиях с остальными².

Многие адыги поступали на государственную и военную службу уже в зрелом возрасте, минуя кадетские корпуса и учебные заведения. Согласно императорскому распоряжению, начальники Кавказской линии могли привлекать офицеров из горцев на кратковременную службу в экспедициях, давать им различные поручения и возлагать на них полицейские функции в аулах, в которых они проживали. За это офицеры из горцев не получали никаких выплат, сверх назначенного им жалованья. В случае уклонения от точного выполнения возлагаемых на них поручений, офицеров из горцев лишали жалованья. Обратное назначить выплату могли лишь с согласия командующего Отдельным Кавказским корпусом. Сведения об отмене и назначении жалованья должны были отправлять в департамент военных поселений³. За отличия по службе в милиции офицеры награждались золотыми и серебряными

¹ ПСЗРИ-2. Т. XXX. № 29272.

² ПСЗРИ-2. Т. XXXIII. № 33525.

³ ПСЗРИ-2. Т. XXIII. № 22125.

медалями. Награды за храбрость жаловались на георгиевских лентах, за полезную службу и усердие на анненской и владимирской соответственно¹.

Офицеров из горцев привлекали для службы в иррегулярных воинских частях, как на Кавказе, так и в других регионах Российской империи. Согласно правилам о прикомандировании офицеров из горцев к казачьим войскам, оставшимся без должностей на Кавказе, они могли быть направлены на службу в различные военные формирования. Их могли отправить служить в полки Кавказского линейного казачьего войска, в Черноморские казачьи полки и батальоны. Также горцев направляли служить в Донские казачьи полки, находящиеся на полевой службе, в действующей армии, в 5-м пехотном корпусе и в Финляндии. Эти офицеры командировались добровольно в назначенные казачьи полки и батальоны с разрешения командующего Отдельным Кавказским корпусом. Командование стремилось равномерно распределить офицеров из горцев в казачьих частях. Согласно правилам, на батальон полагалось по одному выходцу с Кавказа, а на полк по шесть человек. В Черноморских казачьих батальонах зачислялись не более одного офицера на роту, или четырёх офицеров на батальон. В Донские казачьи полки, находящиеся на полевой службе в действующей армии, 5 пехотном корпусе и в Финляндии офицеры командировались не более одного на сотню, или шести на полк. Жалованье производилось из казны по окладам, определённым штатами казачьих полков и батальонов. Так же допускалось жалованье в большем размере, санкционированное особым императорским повелением. Офицеры, прикомандированные к Донским казачьим полкам, несшим службу на Кавказе и в Закавказье, получали прибавку в размере трети от казачьего оклада сверх положенного жалованья. Этим преимуществом пользовались горцы, прикомандированные к батальонам Черноморского казачьего войска, но несшие службу за пределами Черномории. Повышенное жалованье так же полагалось выходцам с Кавказа, служившим в составе Донских казачьих полков в Польше.

¹ ПСЗРИ-2. Т. XXV. № 24495.

При отправке с Кавказа офицеров, командировавшихся в Донские казачьи полки, состоящих на полевой службе в действующей армии, 5-м пехотном корпусе и в Финляндии, из казны им отпускались прогонные деньги и годовое казачье жалованье. Офицеры из горцев представлялись к производству в следующие чины преимущественно за отличие в сражениях. В полках, расположенных вне зоны военных действий, они могли получить следующий чин за усердную службу и надёжное поведение. Во время нахождения при казачьих полках и батальонах офицерам из горцев полагалось по одному драбанту (денщик, выполнявший роль прислуги и личного помощника) из нижних чинов. Горцы пользовались одинаковыми правами с казаками на получение орденов Святого Георгия, Святого Владимира и знака отличия за беспорочную службу. Дети этих офицеров, погибших во время войны, имели преимущество при поступлении в военно-учебные заведения и обучение в них за счёт казны¹.

В случае, если горец на российской службе попадал в плен, ему продолжало начисляться жалованье. Помимо этого, власти брали на содержание оставшихся без кормильца жену и детей². За убитых или раненых во время боя лошадей, а также павших во время форсированного марша коней, прикомандированные к казачьим частям горские офицеры и всадники Анапского горского полуэскадрона получали денежное вознаграждение из казны³. Своеобразной льготой для генералов и офицеров Отдельного Кавказского корпуса, происходивших из горцев, являлось дозволение носить на их народной одежде соответствующие их чину эполеты⁴.

Гражданские чиновники из горцев имели право перевестись в военный чин за отличия в делах против неприятеля. Решение о переименовании чина должен был принимать командующий Отдельным Кавказским корпусом. Если награждаемый чиновник принадлежал к 3-му разряду по воспитанию (не

¹ ПСЗРИ-2. Т. XXV. № 24185.

² ПСЗРИ-2. Т. XXIX. № 28616.

³ ПСЗРИ-2. Т. XXXIV. № 34695.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. XXXIV. № 30916.

имел свидетельства учебного заведения, или обучался только в низших учебных заведениях), он переименовывался в военный чин только по милиции. В военные звания по регулярной пехоте или кавалерии могли быть переименованы лица, принадлежащие к 1-му разряду (окончившие высшие учебные заведения) и 2-му разряду (окончившие средние учебные заведения). Гражданские чиновники обер-офицерского ранга переименовывались в военные чины по милиции в следующем порядке: коллежский регистратор – прапорщик; губернский и коллежский секретарь – подпоручик; титулярный советник – поручик. Гражданские чиновники VIII и высших классов представлялись главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом только в исключительных случаях. Чиновник, достойный получения военного чина, должен был отличиться распорядительностью в бою с неприятелем, командуя отдельным милицейским подразделением. Вопрос о том, какое именно военное звание заслуживал такой чиновник, должен был решать император. Государственные служащие, принадлежащие по воспитанию к 1-му и 2-му разрядам, за военные отличия могли быть переименованы в военные чины по регулярной пехоте или кавалерии, но только в первый офицерский чин, т.е. в прапорщики или в корнеты. Так же их прикомандировывали на шесть месяцев к образцовым или учебным войскам, для того, чтобы они могли освоить порядок воинской службы¹.

Выходцы из адыгов, ставшие российскими офицерами, являлись своеобразными коммуникаторами между россиянами и проживавшими в Закубанье этнотерриториальными группами². Офицеры российской армии из числа горцев пользовались всеми преимуществами службы. Власти следили за организацией системы поощрений и мер социальной поддержки, как для самих офицеров, так и для членов их семей.

Поселения адыгских дворян, присягнувших России, подвергались разорительным набегам со стороны своих единоплеменников наравне с казачьи-

¹ ПСЗРИ-2. Т. XXXIV. № 35194.

² Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир, 2011. С. 162.

ми станицами и крестьянскими поселениями. Об этом генерал-лейтенанту Н.С. Завадовскому сообщал полковник Пшекуй Могуков. Он доносил, что горцы, живущие в ведении Черноморской кордонной линии, которые всегда отличались особенной преданностью и услугами правительству, потерпели разорение и понесли чувствительные потери в имуществе от набегов. У поручика Магомет Аббата в 1838 г. при набеге горцев на Жанеевский аул, расположенного на Каракубанском острове, было угнано 2 крепостных человека, стоимостью 300 руб. серебром. В 1841 г. у прапорщика Барсука Бгаше при набеге абадзехов на его хутор в плен была взята его жена. 6 апреля 1842 г. во время разорения абадехами аула дворянина Дударукова у него было похищено имущество на сумму 200 рублей серебром¹.

Пшекуй Могуков к своему докладу приложил список мирных адыгов, подвергшихся нападениям. В него были включены шапсуг, житель Каракубанского острова поручик Магомет Аббатов. Он участвовал в экспедициях российских войск в Закубанье, где проявил храбрость. Был старшим в роду Аббатов. В 1838 г. непокорные горцы проникли на Каракубанский остров. Во время их нападения Магомет Аббатов получил ранения, у него были повреждены ноги. Добычей наездников стали 2 крепостных человека и различное имущество на сумму 400 рублей серебром.

Натухаец Багурсук Богаже, верный российскому правительству, участвовал в экспедициях против горцев, при этом неоднократно получал ранения. 31 декабря 1841 г., защищая аул поручика Тугуза Немокова, Багурсук Богаже получил увечья. Налётчики похитили его жену и имущество на сумму 700 руб. серебром. Прапорщик из хамышевцев, Дударук Бжегако, живший в пяти верстах ниже Екатеринодара, часто посещал Закубанье в качестве лазутчика, вовремя доставлял экстренные бумаги в Афипское и Абинское укрепления. 6 апреля 1842 г., при нападении на его аул многочисленной группы абадзехов, прапорщик потерял имущество на сумму 500 руб. серебром. Вдова Ганифе с семилетним сыном Галаном являлась родственницей

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 572. Л. 22.

прапорщика Дударука Бжегако и проживала в его ауле. 6 апреля 1842 г., при разорении поселения, она потеряла имущество на сумму 200 рублей серебром. Дворяне Мишуост и Шеретлук Шумуноковы являлись владельцами аула, расположенного напротив Екатеринодара. Во время нападения абадзехов 6 апреля они лишились имущества на 250 и 300 руб. соответственно. Черченевские князья Индар Эльбухузов и Пшемаф Кончуков всегда отличались преданностью России. За это абадзехи угнали у первого 600 баранов, а у второго 1500 (1 баран стоил примерно 1 руб. серебром, соответственно они оба лишились 2100 руб.)¹.

В то же время, несмотря на противостояние, мирные адыги сохраняли контакты со своими единоплеменниками, не подчинявшимся российским властям. Многие из них имели в Закубанье родственников, кунаков, аталыков, партнёров по торговле. Интересный пример такого взаимодействия содержится в докладной записке подпоручика Давлет-Гирея Шеретлукова Н.С. Завадовскому от 30 марта 1842 г. Он сообщал, что его аталык «гатукайского племени» Шагин-Гирей Махвашуков, живший на реке Белой в ауле владетельного князя того же племени Гантурука Черченокова, будучи издавна приверженным России, служил лазутчиком. Он выполнял различные поручения Н.С. Завадовского, доставлял различные сведения о планах немирных горцев против России. Начальник правого фланга Кавказской линии генерал-лейтенант Г.Х. Засс прибыл с отрядом к аулу. Разорил его пожаром и грабежом. В этом разорении Махашуков потерял 100 овец на 700 рублей ассигнациями, одну пару рабочих быков на 80 рублей, 8 одеял (160 рублей), десять больших полушубков (144 рубля), малых полушубков 12 штук на 48 рублей, тазов больших 2 на 28 рублей, 2 медных больших казана на 50 рублей, 3 чугунных казана на 9 рублей. Куманов различной величины, товара для торговли на 1050 рублей. Замков ружейных 2 на 17 руб. 50 коп., кости слоновой для двух прикладов к пистолетам 16 рублей. Разной мебели, посуды и одежды на 350 рублей. Всего на 2781 рубль 50 копеек ассигнациями.

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 572. Л. 24–25.

Будучи российским подданным Махвашуков был разорён русскими войсками и просил возмещения убытков. Вскоре атаман Н.С. Завадовский приказал командиру 6-го конного полка объявить поручику Давлет-Гирею Шеретлукову, чтобы он разыскал своего аталыка, дворянина хатукайского племени Шаган-Гирея Мафашукова. Вместе они должны были явиться в Дежурство Черноморской линии для вручения Шаган-Гирею 100 руб. серебром за потерянное имущество. Для того чтобы в дальнейшем избежать подобных случаев, он должен был поселиться на Каракубанском острове¹.

Жившие на Каракубанском острове жанеевские князья и дворяне склоняли к переселению своих единоплеменников, проживавших в Закубанье, в землях шапсугов. 20 семей дворян и простых черкесов дали согласие на переселение. Об этом в рапорте Г.А. Рашпилю от 27 августа 1844 г. доносил Пшекуй Могуков. Он просил выделить войска для прикрытия переселения этих семей на Каракубанский остров. Г.А. Рашпиль ответил, что войск для проведения данной операции в наличии нет, т.к. 2 роты Тенгинского полка находились на рубке дров. 4 октября 1844 г. готовился транспорт и сводный отряд в составе 2 рот Тенгинского полка, 2 сотен 29-го Донского казачьего полка, сотни 7-го Черноморского конного полка и 4 орудий, всего 674 солдат и офицеров, для доставки продовольствия в Абинское укрепление. Под прикрытием этого отряда на Каракубанский остров переселились 20 семей жанеевских дворян и простых людей всего 30 мужчин и 43 женщины².

По мнению Д.В. Жилиева, основной характерной чертой миграций горцев Северного Кавказа, в том числе и в Россию, был относительно свободный выбор покровительства (подданства). Он писал: «Как показывают факты, поиск покровителя в лице Российской империи, выразившийся в переселении на равнину, к линейным укреплениям, чаще всего носил конъюнктурный характер. Отсюда и принятие бесконечного числа постоянно нарушаемых присяг, в которые российская и горская стороны вкладывали совершенно разный

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 572. Л. 21, 21 об.

² ГАКК Ф. 261. Оп. I. Д. 634. Л. 1, 3, 25.

смысл. Если для горцев присяга – это способ приобрести сильного союзника покровителя, то для российского правительства – это, прежде всего, правовой документ, из которого вытекал юридический статус гражданства (подданства) со всеми правами и обязанностями»¹. Действительно, некоторые закубанские дворяне видели в России сильного покровителя, способного уберечь их от опасности. Интересным примером подобного отношения является история, произошедшая в 1847 г. Военский начальник Абинского укрепления, полковник Коржевский, доносил Г.А. Рашпилю 15 января того же года о выбравшем во вверенное ему укрепление адыгском мальчике. Он назвал себя сыном султана (т.е. он являлся дворянином), звали его Инат-Гирей. Он хотел принять присягу на верность России и поселиться в её пределах. Решение о дальнейшей судьбе юноши должен был принять Г.А. Рашпиль. Командир Ставропольского егерского полка, полковник Г.В. Новицкий, довел до сведения Г.А. Рашпиля 21 февраля 1847 г., что в случае если Султан Инат-Гирей не будет возвращён своим родственникам, то он желает оставить его при себе для первоначального образования. Впоследствии мальчика предполагалось отправить в Санкт-Петербург для обучения в кадетском корпусе².

В управлении Черноморской кордонной линии Инат-Гирей сообщил о себе и причине своего бегства под российское покровительство. Он рассказал, что являлся султаном шапсугского племени с реки Абин, из аула Арич. 14 января 1847 г. он вместе с пятью своими товарищами отправился охотиться в лес. Следует обратить внимание на то, что охота являлась важным элементом воспитания подрастающего поколения у адыгов. Там молодые люди учились преодолевать трудности, избегать опасности, проявлять ловкость и сноровку, хорошо и прицельно стрелять³. Последнее получалось не у всех. Во время охоты Инат-Гирей выстрелил из ружья в сторону бегущего на него

¹ Жилиев Д.В. К вопросу о мотивах и характере эмиграционных процессов на Северо-Западном Кавказе в конце 1820-х – середине 1860-гг. // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы 13-го науч.-пед. семинара. М.; Армавир, 2009. С. 45–46.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 898. Л. 3, 3 об, 5.

³ Хутыз К.К. Охота у адыгов: Эколого-этнографический аспект. Майкоп, 2001. С. 110.

кабана. Однако пуля прошла мимо разъярённого животного и случайно попала в одного из охотников, простого шапсуга Газмахо Хушт, находящегося в кустах. Мужчина был убит наповал. Хотя остальные охотники убеждали Инат-Гирея в том, что он сделал это неумышленно и ему не нужно бояться мести со стороны родственников убитого, юный дворянин испугался и бежал в Абинское укрепление. Следует обратить внимание на то, что молодой человек посчитал для себя наиболее безопасным местом именно российское укрепление. Вскоре в Черноморию прибыли старшие братья Инат-Гирея: Селим-Гирей и Шагум. Они объяснили ему, что т.к. убийство произошло неумышленно, то юноша не должен опасаться кровной мести. Более того, братья рассказали Инат-Гирею о состоявшемся по этому поводу шариатскому суде, который предписал родственникам знатного юноши выплатить семье убитого 100 голов рогатого скота. Скот был передан, поэтому к Инат-Гирею не было никаких претензий со стороны родственников убитого. После этих объяснений мальчик пожелал вернуться со своими братьями за Кубань. Управление Черноморской кордонной линии этому не препятствовало¹.

В 1854 г. генерал-майор Я.Г. Кухаренко отправил рапорт наказному атаману Донского казачьего войска генералу от кавалерии Г.М. Хомутову. В нём он доносил, что прибывший в Екатеринодар начальник 1-й части Черноморской кордонной линии подполковник Могуков сообщил Я.Г. Кухаренко об адемиевском дворянине (ворке) Шумафе Декузиоке, переселившемся на правый берег Кубани с р. Белой. Он переправлялся на российскую территорию из-за опасения быть разграбленным адемиевцами, темиргоевцами и черченеевцами в отместку за то, что Шумаф Декузиок служил проводником отряда Н.С. Завадовского, разорившего 3 марта того же года аул в Закубанье. Я.Г. Кухаренко приказал Пшекую Могукову принимать на правом берегу Кубани других черкесов, прибывавших на правую сторону Кубани со своим имуществом.

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 898. Л. 6.

Адыгская знать достаточно легко отказывалась от верности России (даже не смотря на наличие офицерского звания) при изменении политического расклада сил в Закубанье. Пшекуй Могуков доносил Я.Г. Кухаренко о прибытии в аул подпоручика Пшемафа Кончукова, Магомед-Амина с 400 всадников. Третий наиб Шамиля на Северо-Западном Кавказе привёл подпоручика и его подданных к присяге на верность. Пшекуй Могуков обращал внимание Я.Г. Кухаренко на то, что до того времени Пшемаф Кончуков был одним из наиболее преданных России дворян. В свете новых обстоятельств, Пшекуй Могуков не мог поручиться в верности остальных, ранее лояльных адыгских владельцев. Исключение составляли лишь немногие, вынужденные бежать на правый берег Кубани, из-за вражды с Магомед-Амином. К маю 1854 г. Магомед-Амину присягнуло 27 черченеевских аулов, 18 хамышевских, 3 адемиевских, 3 темиргоевских, 2 хатукаевских, всего 50 мирных аулов. В это же время на правый берег Кубани бежало 6 хамышевских владельцев, 6 черченеевских, 2 абадзехских дворянина, 1 шапсугский и 1 жанеевский. Их поселили в Гривенский аул, татарское поселение Ады и Новоджерелеевское поселение¹.

Другой пример политического непостоянства продемонстрировал в своё время один из предводителей западных адыгов Ибрагим-бей Карабатыр Заноко. В 1851 г. он изъявил желание вступить на российскую службу. В июле 1853 г. по ходатайству Л.М. Серебрякова Карабатыр Заноко был произведён в поручики кавалерии с назначением ему пенсии в 300 руб. в год. В своём рапорте от 8 января 1853 г. он писал: «Передавшись раз русскому правительству, я остаюсь, покуда жив, верноподданным нашему Государю Императору». Однако, когда его отец, Сефер-бей Заноко в начале Крымской войны обратился к горцам с призывом поднять оружие против русских, сын перешёл на его сторону². Это произошло ночью с 18 на 19 января 1854 г. Карабатыр собрал крестьян своего посёлка, находящегося близ крепости Ана-

¹ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 887. Л. 6, 15, 24.

² Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 91–92.

пы, приказал погрузить на арбы всё имущество, после чего поджёг строения и бежал в горы вместе с подвластными¹.

Об одной из причин частых измен адыгских дворян присяге упоминал Г.И. Филипсон, служивший на Кавказе в 30–40-е гг. XIX в. Он подметил характерную для того времени деталь. Горцы считали разбой не пороком, а напротив удальством (автор утверждал, что россияне, находившиеся тогда на Кавказе, отчасти восприняли это убеждение). Г.И. Филипсон писал в мемуарах: «Горец славился своими подвигами и если ожидал, что Русское начальство подвергнет его наказанию, то бежал к немирным и там старался обратить на себя особенное внимание предприимчивостью и удальством. Часто там беглецы делались известными предводителями хищнических партий. Случалось и то, что из мирных бежали к немирным люди, ни за что не преследуемые, но собственно, чтобы прославиться своими подвигами и усовершенствоваться в разбойничьей войне. Через такую высшую академию прошли многие молодые люди, как например Абазинский князь Мамат-Гирей Лоов, Адиль-Гирей Капланов-Нечев, впоследствии бывшие генерал-майорами, носившие тонкое белье и кутившие хорошие сигары»². Только в 1842 г. в Закубанье скрылось 2 князя и 12 дворян со своими подвластными.

Некоторые дворяне бежали из-за совершённых ими проступков или иных проблем. Так, 7 сентября 1853 г. начальник 1-го отдела Черноморской береговой линии генерал-майор А.О. Дебу в своём рапорте № 1426 доложил императору о случае побега офицера российской армии к горцам. Он писал, что при возвращении военного отряда из форта Раевский, сопровождавшего члена херсонской комиссариатской комиссии подполковника Левшина, из него бежал прапорщик Мельгош. С ранних лет он воспитывался в новороссийской школе для обучения детей адыгов. По происхождению беглый прапорщик был абадзехом. До побега, как писал А.О. Дебу, он вёл себя прилич-

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 243. Л. 1.

² Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 79.

но. Первоначально следствию не удалось назвать причину бегства¹. Позднее выяснилось, что Мельгош задолжал крупную сумму денег. По всей видимости, именно долг стал главной причиной бегства прапорщика в горы. Его вещи продали на аукционе, а вырученные деньги пошли на удовлетворение кредиторов².

Военное командование на Кавказе стремилось вернуть бежавших в Закубанье адыгских дворян. Штаб войск Кавказской линии и Черномории уведомил командующего Черноморской кордонной линией 29 марта 1843 г., что горцам, которые имели российские чины и другие отличия, переселившимся к непокорным горцам, оставлялись все преимущества, если они возвращались обратно в течение 6 месяцев³. Российские власти демонстрировали завидную снисходительность к таким перебежчикам.

В заключение отметим, что адыгская родовитая знать переселялась на российские территории с конца XVIII в., когда территория Закубанья юридически входила ещё в состав Османской империи. Это было связано с внутриполитическим противостоянием между дворянством и разбогатевшей за счёт торговых контактов с Портой верхушкой свободных общинников.

В 1829 г. был подписан Адрианопольский мирный договор, согласно которому территория Закубанья фактически признавалась Турцией частью России. Тем не менее, внутривнутриполитическое противостояние среди адыгских политических групп влияния продолжилось. Каждая из сторон искала внешнего покровителя.

Переселение дворянина Бесленя Аббата на подконтрольную России территорию стало заметным событием в политической жизни адыгов начала 1830-х гг. После того, как Аббаты провели по горам и предгорьям Северо-Западного Кавказа российского разведчика Г.В. Новицкого, они предстали в глазах шапсугских тфокотлей изменниками. Тем не менее, довольно сильная партия в лице шапсугских дворян и натухайцев поддержала Бесленя и Убы-

¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1835. Л. 2.

² Там же. Л. 8.

³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 615. Л. 1.

ха вооружённой силой. Последние были радушно приняты российской стороной и поселены на Каракубанском острове.

В 30–40-е гг. XIX в. на левом и правом берегах Кубани под российским покровительством поселились многочисленные дворянские семьи со своими аулами. Местная военная администрация делала ставку именно на них. Многие дворяне получали офицерские звания и награды. Детей знатных адыгов направляли в местные и столичные учебные заведения. Многие из них выпускались офицерами в кавалерийские, пехотные и артиллерийские части российской армии. В период правления Николая I они получали двойное жалованье и многочисленные льготы. Александр II постепенно отказался от практики поощрений горских дворян. В период его правления они служили на равных с другими.

Принятие присяги на верность России часто носило со стороны адыгских дворян конъюнктурный характер и воспринималось ими как помощь со стороны сильного сюзерена. Понимание присяг со стороны российской администрации было иным. Власти считали их как юридический акт признания прав и обязанностей подданного империи. Результатом этого недопонимания становились многочисленные измены и метания адыгских дворян между Россией и непокорными горцами. Местные власти достаточно лояльно относились к таким перемещениям и создавали условия для добровольного возвращения горских аристократов на российскую службу.

2.2. Бегство в Россию представителей зависимых категорий адыгского общества

Помимо знатных адыгов под российскую защиту так же выбегали представители зависимых категорий населения Закубанья. Они спасались от усилившейся феодальной эксплуатации и возможной продажи в рабство. В линейные укрепления уходили свободные люди, боявшиеся закрепощения со стороны знати и богатых общинников. В России скрывались горцы, со-

вершившие преступление в своём ауле, либо уличённые в сотрудничестве с российскими властями. Основные положения данного параграфа были опубликованы нами в одной из наших статей¹.

Усиление гнёта со стороны владельцев вело к бегству пшитлей под покровительство России. Архивные дела, содержащие в себе примеры этих переходов, полны драматизма. Приведём одно из них. Управление мирными горцами штаба войск Кавказской линии и Черномории 31 января 1846 г. рапортовало Г.А. Рашпилю о том, что шапсугский старшина Сельмен Глеф подал главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцову прошение о возвращении ему крестьянина Смаила с семейством. Последний бежал в укрепление Кабардинское, расположенное на восточном берегу Чёрного моря и поселился в нём. Это прошение было переадресовано начальнику Черноморской береговой линии генерал-адъютанту А.И. Будбергу, который ответил, что просьба Сельмена Глефа не может быть удовлетворена по целому ряду причин².

Подробности этого дела изложены в отношении начальника Черноморской береговой линии, начальнику штаба войск Кавказской линии и Черномории от 30 декабря 1845 г. № 1273. Шапсуг Смаил-Кобля, житель аула Абин выбежал из гор в Кабардинское укрепление 22 сентября 1844 г. с женой Салихо Абзя-Кобно и двумя малолетними дочерьми Анфой и Хабибой. На допросе он рассказал, что в 1843 г. он вышел в Абинское укрепление под российскую защиту. Смаил утверждал, что из-за происков своего хозяина, он с семьёй был выведен из крепости под предлогом отправки во внутренние российские губернии, но у самых ворот был передан своему хозяину. Будучи приверженным России, и зная, что он подданный императора, Смаил Кобля вторично вышел из гор. Он просил поселить его внутри империи. При этом

¹ Степаненко Н.С. Обстоятельства переселения адыгского «чёрного народа» на подконтрольные России территории в 30–40-х гг. XIX в. // Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России: материалы VI Междунар. форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 13–15 ноября 2019 г.). Ростов н/Д, 2019. С. 144–151.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 830. Л. 1.

он категорически отказывался селиться в Черномории, т.к. опасался второй передачи своему хозяину.

А.И. Будберг также упомянул о запросе к нему Г.А. Рашпиля от 23 ноября 1844 г. В нём временно командующий Черноморской кордонной линией, между прочим, писал, что шапсуг Сельмен Тлеф лично ходатайствовал у него о возвращении ему крестьянина Смаила с его семейством, бежавшего в Кабардинское укрепление. Также Г.А. Рашпиль настойчиво просил А.И. Будберга вернуть указанного пшителя владельцу.

Начальник Черноморской береговой линии кратко повторил свой ответ от 13 декабря 1844 г. А.И. Будберг объяснил Г.А. Рашпилю обстоятельства, которые не позволяли выдать беглого зависимого общинника. А именно то, что на территории Черноморской береговой линии действовало правило, согласно которому подвластные непокорных адыгских владельцев, выбегавшие в российские укрепления, не возвращались прежним владельцам. Начальник Черноморской береговой линии справедливо полагал, что они могли стать жертвой мщения своих хозяев. А.И. Будберг последовательно отстаивал свою позицию и, подводя итог, он писал по этому поводу Г.А. Рашпилю: «Вашему Превосходительству хорошо известно моё мнение о том, что обратная выдача туземцев, выбегающих к нам с надеждой на защиту, может без всякой явной пользы только ослаблять нравственное влияние наше на горцев. Поэтому, считая излишним распространять свои мысли по этому поводу, имею честь уведомить Вас Милостивый Государь, что я со своей стороны никак не могу согласиться на возвращение старшине Сельмену Тлефу его крестьянина Смаила с семейством, продолжающего пользоваться нашим покровительством уже более года»¹.

Шапсугские тфокотли были по большей части настроены антироссийски. Однако это не мешало им просить содействия российских властей в вопросе возврата беглых крестьян. Коменданты российских укреплений, расположенных среди немирных горцев, часто выдавали скрывавшихся у них

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 830. Л. 2.

пшитлей, для того, чтобы не усугублять и без того сложное положение гарнизонов. Более того, начальники крепостей даже обменивали беглых горцев на дезертиров, скрывавшихся в горах. Два примера таких обменов привёл в своей книге Теофил Лапинский. «В 1845 году у дворянина Хаджи Али Цацока, живущего на реке Дшиубе, бежало пятеро рабов-мужчин, которые укрылись в российской крепости. Их владелец был влиятельным человеком и пользовался большим авторитетом в горах. Он послал к коменданту крепости требование выдать ему беглецов, грозя в противном случае жестоко отомстить. В то же время, за несколько недель до того в горах скрылись трое солдат из российского укрепления. Комендант решил обменять беглых адыгов на дезертиров, чтобы не усложнять отношения с горцами и вернуть своих людей». Т. Лапинский вопрошал: «Чистоплотная» торговля совершилась. Кто заслуживает здесь большего презрения — необразованный абаз или культурный штаб-офицер? Я забыл имя этого "чистоплотного" господина»¹.

Второй случай, произошёл в примерно в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. У богатого шапсуга Узбан-ока, который проживал недалеко от реки Хапл, сбежала семья унаута. Им удалось спрятаться в укреплении Адагум. Бежало девять человек: муж, жена, четыре их дочери и трое сыновей в возрасте от 10 до 25 лет. Помимо этих рабов у богатого шапсуга проживал казак, которого звали Георгий. Среди закубанцев его знали под именем Махмуд. Он оказался в горах, спасаясь от уголовного преследования (Георгий (Махмуд) рассказывал, что убил своего командира). Т. Лапинский следующим образом охарактеризовал его: «Это был опасный бандит, похититель людей и детей и бич Черноморья. Зная хорошо местность, он врывался обычно в Черноморье в сопровождении небольшого числа абазских сорвиголов, и каждое его посещение сопровождалось кровью, разбоем и уводом нескольких пленных. Говорили также, что он имеет там даже тайных соучастников. Российские власти справедливо назначили за голову этого преступника награду в 500 се-

¹ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. С. 154.

ребряных рублей»¹. Однако никто не решался убить Георгия (Махмуда) по ряду причин. Казак был осторожен и опасен, он имел верных друзей, с которыми ходил в набеги. Они не оставили бы в покое убийцу своего друга. В конце концов, казака приняли в семью Узбан-ока, который хотел выдать за Георгия (Махмуда) свою дочь. Шапсуг имел значительное состояние и авторитет, поэтому никто не решался напасть на казака.

Развязку этой истории польский авантюрист описал в своих воспоминаниях. Узбан-ок потребовал от командира российской крепости вернуть ему семью унаута. Ему было предложено обменять её на разбойника Георгия. Сверх того, обещали заплатить 500 рублей серебром. В итоге шапсуг решился возратить своих крепостных и получить деньги. Он отправил Георгия с поручением к своему товарищу Алиби, который проживал недалеко от российского укрепления. Беглый казак доверял Узбан-оку и не почувствовал опасности. Вскоре Георгий исчез. Узбан-ок якобы опечалился, но у него появилась семья беглых унаутов и деньги.

Через некоторое время дома Узбан-ока и Алиби были сожжены, их лошадей украли. Через месяц сыновей Узбан-ока и его товарища убили. Т. Лапинский уверял, что комендантом, возвратившим в неволю к богатому шапсугу семью беглых унаутов, которые полагались на его защиту, являлся генерал П.Д. Бабич².

Мы не будем ни осуждать, ни оправдывать действия П.Д. Бабича. Он руководствовался собственными убеждениями в вопросе использования средств, необходимых для достижения поставленных целей. Однако в данном контексте поступок А.И. Будберга, не выдавшего семью Смаила Кобля его прежнему владельцу, несмотря на давление со стороны Г.А. Рашпиля, выглядит достойно. Следует обратить внимание на то, что бегство пшитлей и унаутов в российские пределы использовалось местными властями как инструмент политического давления на закубанские элиты. Если отдельные

¹ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских... С. 154–155.

² Там же. С. 153–155.

представители знати демонстрировали лояльность империи или шли на какие-либо соглашения, им возвращали их беглых крестьян.

Князья и старшины, прежде всего, закрепощали социально незащищённые слои горского общества. Рассказы беглых адыгов в управлении Черноморской кордонной линии часто повествуют о том, что после смерти родителей положение этих людей в обществе заметно ухудшалось. Так, 9 мая 1847 г. под российскую защиту в Варениковское укрепление выбежал горец. Об этом Г.А. Рашпилю донёс начальник крепости войсковой старшина Лисевыцкий. Его направили в управление Черноморской кордонной линии, где он рассказал о себе. Звали его Чурай Синен, из натухайского племени. От роду ему было 35 лет. Жил на реке Пшиш в ауле Синен. Его отец умер 20 лет назад, а мать в прошлом году, таким образом, он остался полным сиротой. После смерти матери он проживал в родном ауле в полной нищете. Ему не оказывали помощь не только соседи, но и два родных брата. Поэтому Чурай Синен принял решение перейти под покровительство России. Он заявил, что на возвращение в Закубанье он ни в коем случае не согласен¹. Вероятно, что беглый горец не смог в полной мере социализироваться в обществе, возможно по причине болезни. К 35 годам он не женился, не обзавелся хозяйством, за счёт которого смог бы жить. После смерти матери, которая его поддерживала, Чурай Синен не смог продолжать прежнюю жизнь, и предпочёл уйти в российское укрепление.

20-летний шапсуг Гатар, выбежавший 16 июля 1844 г. рассказал, что являлся крестьянином простого черкеса Гамдара Теркова, жившего на реке Афипс. Находясь несколько лет в крестьянах у Теркова, он никогда не противился ему, но в 1844 г. умер его отец. Гатар не желал больше у него находиться. Взял лошадь, ружьё, седло, пистолет и шашку и бежал к русским².

10 июля 1847 г. в управлении Черноморской кордонной линии рассказал о себе беглый абадзех Шумаф. Из его показаний выяснилось, что он был

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 898. Л. 20.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 632. Л. 57.

12-тилетним сиротой, и проживал в ауле простого абадзеха не далеко от Георгие-Афипского укрепления. За 2 года до побега прежний владелец мальчика продал его шапсугу Ногаю Жаде. Новый хозяин подвергал его различным наказаниям. Плохо обращался с мальчиком не только он, но и другие окружающие его адыги. Из-за этого Шумаф решил бежать под покровительство российских властей, но не имел ни удобного случая для побега, ни надёжного проводника. В том же ауле жил русский пленник Ян Манчурук. Он предложил юному абадзеху вместе бежать в Георгие-Афипское укрепление, что они и сделали. Военский начальник этого укрепления отправил их в Екатеринодарский карантин. Оттуда их доставили в управление Черноморской кордонной линии. Шумаф изъявил желание остаться в России, принять христианство, быть принятым в казачье сословие и поступить на военную службу¹.

Усиление феодальной эксплуатации привело к фактическому бесправию пшитлей в адыгском обществе. Даже в случае покушения на свою жену зависимый крестьянин не мог найти защиты. В 1842 г. пятеро пшитлей шапсуга Циока Гакар убежали на российскую сторону. Они рассказали, что их хозяин жестоко с ними обращался и более того, он намеревался совершить прелюбодеяние с их жёнами. Беглецы сообщили, что первоначально они просили хозяина не делать этого, ссылаясь при этом на законы ислама. Однако Циок не внял их просьбам и продолжил преследовать жен своих пшитлей. Оскорблённые крестьяне начали задумываться о мести. Вскоре им представился удобный случай. Циок прибыл на временную пастушью стоянку, где находилось его стадо скота, под присмотром этих крестьян. Там у них возник конфликт, в результате которого оскорблённые пастухи повалили своего хозяина на землю и закололи кинжалами². Беглые пшитли и унауты, перейдя под российское покровительство, сохраняли ненависть и жажду мщения в отношении их прежних хозяев. Многие из них поступали на службу в казачьи части, получали офицерские звания и награды.

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 898. Л. 58, 58 об, 67.

² Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 183.

М.В. Покровский указывал, что более 1,5 тыс. изученных им фактов бегства горцев в российские укрепления совершались из-за страха быть проданными в рабство¹. Опасаясь неволи, адыги искали защиту целыми семьями. Например, начальник Новотроицкого поста есаул Удовица доносил своему начальству о том, что ночью 8 апреля 1849 г. к нему выбежали братья натухайцы Бат и Габид Агуп вместе со своей семьёй, состоящей из 8 чел. Они пригнали 8 голов скота и 4 буйвола. Братья желали поселиться в татарской станице Ады. 29 апреля 1848 г. Бат и Габид Агуп дали показания в управлении Черноморской кордонной линии. Они рассказали, что первому было 45 лет, а второму – 30. Прежде они проживали на землях натухайцев на реке Шокон. Их семейство состояло из 3 мужчин и 5 женщин. Прежде они являлись крепостными крестьянами простого вольного черкеса Мусы Агуа. Бат и Габид договорились со своим хозяином о выкупе из крепостной зависимости. Они обязывались доставить Мусе 250 голов рогатого скота до конца весны в обмен на свободу. Однако братья смогли отдать только 150 голов. Оставшихся 100 голов у них просто не было, поэтому Бат и Габид не стали свободными. Муса предложил судить это семейство у шапсугов. Он хотел взамен 100 голов недостающего скота отобрать у Бата и Габиды их детей и распродать их разным владельцам. Опасаясь этой угрозы, братья решили со своим семейством бежать под покровительство российского правительства. Бат и Габид просили поселить их в татарской станице Ады, при их воспитателе Султане Шагат-Гирее (видимо один из братьев Агупов приходился ему аталыком). Вскоре в управление Черноморской кордонной линии явился родственник беглого семейства Иберух. Он сообщил, что 100 штук недостающего скота были уплачены Мусе. Семья Агупов обрела свободу. Бат и Габид попросили у властей разрешения вернуться обратно в Закубанье. Это им было позволено². Данный пример показывает, что адыгские владельцы могли фактически бесконтрольно распоряжаться своими подвластными крестьяна-

¹ Там же.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. I. Д. 955. Л. 17.

ми, вплоть до продажи отдельных членов семьи в рабство. Эта несправедливость толкала пшитлей искать спасения в России.

Однако, помимо прочего, поступок натухайцев показывает нам, что своеобразное отношение к российской присяге было характерно не только для дворян, но и для представителей зависимых слоёв адыгского общества. Как только ситуация для них менялась в лучшую сторону или условия, предлагаемые российскими властями, казались им невыгодными, они с лёгкостью отказывались от российского покровительства и возвращались на родину. Именно так поступил беглый девятнадцатилетний шапсуг Закорий Касум Шисуд, явившийся 11 мая 1844 г. на Екатеринодарский карантин. Он рассказал, что проживал в ауле на реке Иль. Из-за сильного негодования на него ильского общества Закорий Касум Шисуд не захотел там дальше жить и решил бежать в пределы России. 8 мая он, покинув аул, направился в Черноморию. Напротив Великолагерного поста казаки перевезли его через Кубань и взяли под караул. В дежурстве Черноморской кордонной линии ему сообщили о запрете селить закубанцев в пределах Черноморского казачьего войска. Ему было предложено ехать в Новочеркасск. Закорий Касум Шисуд отказался переезжать на Дон. Он изъявил желание вернуться обратно в Закубанье¹.

На Северо-Западном Кавказе в семьях горцев издавна существовала практика в случае крайней необходимости продавать в рабство своих родственниц – дочерей, жён, сестёр, племянниц. Отношение к этим фактам во многом диктовалось социальным положением той или иной семьи (чем выше статус, тем более недостойной считалась такая продажа). Наиболее распространёнными причинами продажи женщины в рабство могли стать: нищета родителей и желание обеспечить себе и ей богатую жизнь, супружеская измена². Так же в рабство могли продать и детей мужского пола. Результатом

¹ ГАКК. Ф. 261.Оп. 1. Д. 632. Л. 4, 4 об.

² Цыбулькинова А.А. О некоторых аспектах продажи в рабство свободных женщин их родственниками на Северо-Западном Кавказе в XVIII – XIX веках // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: Материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа (23–24 октября 2009 г.) Ставрополь, 2009. С. 142–146.

этого становилось то, что в российские владения выбегали младшие члены адыгских патриархальных семей. Когда глава семьи принимал решение о продаже своих младших детей, либо братьев и сестер в Османскую империю, те от безысходности решались на побег под российское покровительство. Так, в апреле 1848 г. из аула Мезыб убежала шестнадцатилетняя черкешенка Эзе Гуаш с младшим братом. Причиной побега было намерение их старшего брата продать Эзе в Турцию. Об этом ей рассказал бежавший с ней младший брат. Девушка слышала от других, что у русских таких продаж женщин братьями не позволено и что в России вообще жить лучше, чем в горах, поэтому они и решились на побег¹.

Другой категорией рабов, выбегавших в российские укрепления, являлись жители мирных горских аулов, захваченные в плен в результате набегов непокорных горцев. 17 мая 1834 г. горская партия под предводительством кабардинских князей Мухаммеда Атажукина, Арслан-Гирея Беярсланова, братьев Карамурзиных, численностью около 100-150 человек напала на мирный абазинский аул владельца Арслан-бека Дударукова, находящийся напротив станицы Баталпашинской. В плен были взяты 40 жителей и большое количество скота. В погоню за ними устремились 200 казаков под командованием есаула Студеникина. Им удалось отбить 20 пленников и часть скота, с остальными невольниками немирные горцы рассеялись в лесах. 14 июня 1834 г. полковник Г.Х. Засс выступил с отрядом в Закубанье. Ночью 20 июня в распоряжение отряда из аула Арслан-бека Дударукова, находящегося на неподконтрольной российским властям территории, выбежал мальчик 16 лет, плененный горцами в мае².

10 мая 1847 г. Г.А. Рашпилю пришло отношение из управления Черноморской береговой линии. В нём говорилось, что в апреле 1847 г. в Головинское укрепление выбежал черкес Уоседль. Он рассказал, что являлся крестьянином Магомета Аббата из аула Аббат-Хабля, расположенного на Караку-

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Краснодар, 2007. Т. II. С. 734.

² АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 744, 745.

банском острове. Во время одного из набегов немирных горцев его увлекли в плен. Долгое время этот крестьянин находился в плену у убыхов. Он хотел вернуться обратно в свой аул. Вскоре его переправили на Каракубанский остров¹.

В мае 1847 г. в Варениковское укрепление выбежал хамышеевец Гаджебрил Шанук. На допросе он рассказал, что являлся уроженцем аула Энем, расположенного на левой стороне Кубани, от роду ему было 45 лет. Своих родителей адыг не помнил. Гаджебрил был зависимым крестьянином прапорщика Наурза Шуменукова. В 1832 г. до жителей аула дошли слухи о готовящемся набеге со стороны непокорных горцев. Наурз Шуменуков приказал своим крестьянам вместе с их имуществом укрыться в ауле российского офицера Дударука Бжегако. Гаджебрил рассказал, что в один из дней его послали в аул Дударука Бжегако, но по дороге его остановили два вооружённых всадника, которые взяли его в плен и увлекли в горы. Там он сменил нескольких хозяев, пока не попал к натухайцу Доган-Туркаю. У него он прожил долгое время. Когда представился подходящий случай, Гаджебрил бежал в Варениковское укрепление. Оттуда его вернули на постоянное место жительства в аул Энем².

Наконец, спасения в линейных укреплениях искали адыги, боявшиеся наказания со стороны своих единоплеменников за то, что они являлись российскими лазутчиками, а также те, кто совершил в Закубанье какое-либо преступление. На Кавказе «лазутчиками» называли тех горцев, которые тайно сотрудничали с российскими властями и регулярно сообщали о происходящем в стане противника³. Г.И. Филипсон отмечал, что желающие продать какую-либо тайну находились во всех горских сословиях, начиная от князей и заканчивая последним пастухом⁴. Разоблачённые лазутчики спасались от

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 898. Л. 41.

² Там же. Л. 49, 49 об.

³ Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 161.

⁴ Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 81.

тяжёлого наказания на правом берегу Кубани. Начальник Варениковского укрепления доносил Г.А. Рашпилю 26 сентября 1847 г. о двух натухайцах, выбежавших под его защиту. Звали их Мамсери и Гамер Акеу. Они объяснили, что служили лазутчиками в Закубанье и дали знать войсковому начальству о собравшейся горской партии, численностью в 200 всадников, готовой для набега. Опасаясь казни, они выбежали в Варениковское укрепление. Их отправили в Новочеркасск, после чего поселили в Цимлянской станице¹.

20 июня 1844 г. беглый абадзех Титух Босебий рассказал, что от роду ему было 29 лет. Его отца звали Псезух. Он имел жену и дочь и исповедовал ислам. Жил на реке Пшада в ауле Джанкет. Но в различных местах за Кубанью он совершал воровство. Когда об этом узнали, то закубанские жители явились к нему со строгим взысканием. Боясь наказания, Титух Босебий бежал к русским, взяв с собой только лошадь с седлом, ружьё, пистолет и шашку. Дома у него остались отец, жена и дочь². Российские власти прилагали серьёзные усилия для принятия и размещения беглых горцев в своих пределах.

Беглым горцам оказывалась материальная поддержка. В 1834 г. командующий Отдельным Кавказским корпусом барон Г.В. Розен предложил императору выплачивать выбегающим в Черноморию жителям Закубанья денежное пособие. Николай I с этим согласился. В итоге вышел указ, согласно которому взрослому человеку полагалось в сутки 10 копеек денежного содержания, а детям 5 копеек. Эти расходы брала на себя казна³. Помимо денежных выплат на горцев распространялись и другие меры социальной поддержки. Закубанцы из покорных и непокорных племён, проживавших рядом с Черноморской береговой и Кавказской линиями, имели право на лечение в военных госпиталях и лазаретах за счёт казны⁴.

¹ ГАКК Ф. 261. Оп. 1. Д. 898. Л. 68.

² Там же. Л. 19.

³ ПСЗРИ-2. Т. IX. № 7080.

⁴ ПСЗРИ-2. Т. XXXIII. № 33154.

Местная администрация привлекала простых горцев для воинской службы. Их продвижение происходило исключительно за счёт отличий, проявленных в боевых действиях. За службу в милиции на Кавказе для горцев, не имеющих офицерских чинов, устанавливались следующие награды: 1) серебряная медаль; 2) чин юнкера, с правом носить на шашке серебряный офицерский темляк; 3) золотая медаль; 4) знак отличия военного ордена; 5) пенсия на знак отличия военного ордена, по 24 рубля серебром; 6) чин прапорщика. Эти награды назначались исключительно за военные подвиги и отличия в делах с неприятелем. При производстве в прапорщики горцев, не принадлежащих к дворянским фамилиям, должны были обращать внимание не только на военные подвиги, но и на влияние кандидата на офицерский чин среди своих единоплеменников¹. Таким образом, многие горцы, не принадлежащие к знати, служили в различных регулярных и иррегулярных воинских формированиях Российской империи. Более подробно об этом писали Е.В. Брацун² и А.В. Казаков³.

Некоторые закубанцы, жившие в Черномории, нередко служили проводниками партий немирных горцев, совершавших налёты на хутора и станицы, расположенные на правом берегу Кубани. Они доставляли в Закубанье сведения об устройстве кордонной линии и другие важные сведения. Наконец, некоторые горцы, поселённые в Черномории, без санкции властей уходили на левый берег Кубани. Реакцией на это стало всё более нараставшее недоверие к закубанским перебежчикам со стороны военно-гражданской администрации. С начала 1840-х гг. горцы, выбегавшие на правый берег Кубани, направлялись в Новочеркасск, где местное начальство расселяло их по донским казачьим станицам. Туда были отправлены многие горцы, о которых мы писали выше. Натухайца Чурай Синена поселили в Татарской станице

¹ ПСЗРИ-2. Т. XXV. № 24184.

² Брацун Е.В. Горцы Северо-Западного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII – XIX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014. С. 202.

³ Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры (середина XVI – начало XX в.). Нальчик, 2006. С. 102.

Войска Донского¹. Абадзех Шумаф, бежавший в Георгие-Афипское укрепление вместе с русским пленным, поселился в ст. Михайловской². В Цимлянскую станицу поселили братьев Мамсери и Гамера Акеу. Год спустя Мамсери Акеу просил доставить к нему на Дон его жену Сис Жупашеву, оставшуюся на прежнем месте жительства. Войсковое правление Войска Донского просило Г.А. Рашпиля разыскать и доставить в Новочеркасск эту женщину³. Нередко горцы выходили на правый берег Кубани верхом и с оружием. Их разоружали и отправляли в Новочеркасск. Оружие и коня распродавали казакам, а вырученные деньги отправляли владельцу этого имущества. Так поступили с Титухом Босебием, которого поселили в станице Михайловской Хопёрского округа Войска Донского. Когда он бежал в российское укрепление, у него забрали седло и всё оружие, которое продали на аукционе. Об этом полицмейстер Екатеринодара доносил генерал-майору Рашпилю 26 августа 1844 г. Седло продали за 2 руб. 41,5 коп., пистолет за 4 руб. 50 коп., шашку за 5 руб. 25 коп., плетъ за 56 коп., ружьё было продано за 8 руб. 75 коп. Таким образом, было выручено 20 руб. 77,5 коп. Деньги в количестве 20 руб. 30 коп. серебром отправили владельцу имущества абадзеху Титуху Босебию в Михайловскую станицу⁴.

В 1840 г. были изданы правила переселения горцев на Дон. Решение об их распределении по станицам Войска Донского принимал атаман. На новых поселенцев распространялся указ от 8 февраля 1829 г., на основе которого выдавалось пособие кочующим цыганам, поступившим в Азовское казачье войско. На постройку жилья вместо леса поселенцам полагалось 23 руб. 50 коп. ассигнациями. 20 руб. ассигнациями выплачивалось на покупку 2 четвертей зерна для посева. На заведение плугов и других сельскохозяйственных принадлежностей выдавали 11 руб. ассигнациями. Эти выплаты производились из государственной казны на безвозмездной основе. В каче-

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. I. Д. 898. Л. 28.

² Там же. Л. 57.

³ Там же. Л. 76.

⁴ ГАКК. Ф. 261. Оп. I. Д. 632. Л. 30–32.

стве беспроцентной ссуды на 4 года, выдавалось 125 руб. ассигнациями на покупку волов, скота и других принадлежностей¹. Сверх того, горцам, которые без семьи выходили в пределы Черномории или на территорию Кавказского линейного войска и желали переселиться на Дон, полагалось пособие в размере 6 руб. серебром. Данная выплата производилась из государственного военного казначейства². В 1851 г. сумма в 125 руб. ассигнациями или 35 руб. 71,5 коп. серебром, дававшаяся кавказским горцам, переселявшимся в пределы Войска Донского на обзаведение скотом и сельскохозяйственным инвентарём в качестве ссуды, становилась безвозмездным пособием. Введение этой льготы объяснялось незначительностью суммы и небольшим количеством переселенцев с Кавказа³.

Таким образом, российские власти создавали определённые условия для добровольного переселения горцев на Дон. С другой стороны, проживавших в Войске Донском горцев, за попытку побега на родину и другие преступления судили военно-уголовным судом⁴. В 1848 г. Николай I после доклада наказного атамана войска Донского М.Г. Власова повелел жителей Кавказского и Закавказского краёв, высланных в войско Донское в 1846–1848 гг. за дурное поведение, отправлять в Вятку и Вологду. Наместнику на Кавказе М.С. Воронцову давалось право ссылать коренных жителей Кавказа во внутренние губернии⁵.

Меры дисциплинарного воздействия распространялись на военнослужащих из горцев, состоящих на службе в иррегулярных частях. А именно: в кавказских линейных казачьих полках и батальонах и в донских полках, находящихся как в составе Отдельного Кавказского корпуса, так и при действующей армии, за нерадение к службе и другие проступки предписывалось судить на основании полковой инструкции Войска Донского для офицеров

¹ ПСЗРИ-2, Т. XV. № 14053.

² ПСЗРИ-2, Т. XVII. № 15649.

³ ПСЗРИ-2, Т. XXVI. № 25238.

⁴ ПСЗРИ-2, Т. XXI. № 20611.

⁵ ПСЗРИ-2, Т. XXIII. № 22547.

казачьего сословия (предусматривавшей выговоры и аресты). В случае, если эти меры не действовали, то такого офицера переводили на службу в регулярные кавалерийские части, расположенные во внутренних губерниях империи. Офицерам из горцев, служащих в Сводно-Иррегулярной бригаде при действующей армии (Закавказский Конно-Мусульманский полк, Кавказско-Сводно-Иррегулярный полк и Кавказский Конно-Горский дивизион), за проступки так же первоначально делали выговоры и отправляли на гауптвахту. Если данные меры не действовали, офицера исключали со службы и отправляли на родину¹. Наказание за предосудительное поведение офицеров регулярных частей, распространялось и на офицеров из горцев². Российское законодательство не делало различий между военными служащими в сфере наказания за совершённые преступления на основе национального принципа. Уроженцы Северного Кавказа несли равную с другими подданными империи ответственность за совершённые преступления.

Примером уголовного преследования горцев является судное дело, рассмотренное комиссией военного суда, учреждённой при ставропольском ордонанс-гаузе над арестантами «из азиатцев» Чупан Урцуко (до суда умер в больнице) и Султаном Курбан-Оглы (находился на действительной военной службе), обвиняемого в побеге из-под караула, нанесении смертельных ран караульному унтер-офицеру и двум рядовым. Из материалов дела известно, что Султан Курбан-Оглы был взят в плен (видимо находясь на российской службе, он перешёл к немирным горцам). Чупана Урцуко арестовали за укрытие дезертиров из горцев, сосланных на службу внутрь России по прямому распоряжению командира Отдельного Кавказского корпуса А.И. Нейдгардта от 4 мая 1844 г. Этих арестантов этапировали в арестантские роты, расположенные в Бобруйске и Киеве. Оказавшись под стражей, Султан Курбан-Оглы и Чупан Урцуко сговорились с тремя другими заклю-

¹ ПСЗРИ-2, Т. XXX. № 29423.

² ПСЗРИ-2, Т. XXVII. № 26678.

чёнными Камбулат Кутлаем Оглы, Давуд Борисовым и Осман Боматом Оглы бежать из-под стражи при первой возможности¹.

Из материалов уголовного дела следует, что побег был совершён 12 июля 1844 г. На Степановском полуэтапе, где заключённые остановились на ночлег, находилось 7 человек охраны. В 1-ом часу ночи этапиремые начали стучаться в двери арестантской, прося дать им воды. Унтер-офицер приказал рядовому Ивану Бамаку налить ведро воды и подать арестантам. Он отпёр дверь и протянул им ведро. В это время пять арестантов бросились к двери и опрокинули солдата. Унтер-офицер Фоменко был заколот каким-то острым предметом. Султан Курбан Оглы отнял у часового ружьё со штыком. Им он ударил рядового Козлова в бок, однако солдатам удалось схватить нападавшего². Остальные бежали. На полях помещика Леонова беглецы напали на крестьянку Марию Багненкову, ночевавшую в поле с шестимесячным сыном, и нанесли ей многочисленные раны острым предметом. На её крик прибежал ночевавший в поле крестьянин Лука Багненко, приходившийся Марии свёкром. Преступники убили крестьянина и скрылись. 15 июля Чупан Урцуко был пойман. Судьба оставшихся троих беглецов осталась неизвестной.

Комиссия военного суда признала виновными подсудимых Султана Курбана Оглы и Чупана Урцуко в побеге из-под караула и нанесении смертельных ранений бывшим в карауле унтер-офицеру Фоменко и двум рядовым. Комиссия приговорила Султана Курбана Оглы, на основании статей 204 и 318 I книги военно-уголовного устава V части Свода военных постановлений, к наказанию шпицрутенами через 500 чел. 6 раз, исключить из военного звания и сослать в Сибирь. В отношении Чупана Урцуко дело было прекращено в связи с его смертью. Ставропольский комендант полковник Лещенко согласился с приговором. Медицинское освидетельствование Курбана Оглы показало, что, будучи молодым и крепкого телосложения, он мог перенести

¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 1249. Л. 10.

² Там же. Л. 16.

назначенное наказание и был способен к каторжной работе. Н.С. Завадовский предложил смягчить наказание 3-мя проходами через строй в 500 чел. Однако судьи на это не согласились. Султан Курбан Оглы решился на последний шаг для смягчения своей тяжёлой участи. Он изъявил желание принять православие. Однако ему сообщили, что после крещения приговор судей не изменится. Если же он действительно хочет принять православие, то он может сделать это после исполнения приговора. Наказание шпицрутенами состоялось 15 октября 1846 г. Данное дело показывает, что горцы, совершавшие уголовные преступления, сурово наказывались на основании законов Российской империи наравне с остальными подданными.

В отношении сосланных и взятых под стражу горцев действовал особый правовой режим. В положении военного совета (10 июля 1851 г.), утверждённом императором о распределении арестантов из «азиатцев», был ряд положений. Сосланных в крепостные работы навсегда, после принятия ими православия, переводили в разряд военносрочных на 5 лет. Если они в течение назначенного времени исповедовали православие «искренне и нелицемерно» и вели себя отлично, таких арестантов переводили на службу в военно-рабочие роты или в армейские части. Неспособных к службе устраивали в богадельни¹. Российские власти расценивали принятие православия кавказским уроженцем как важный шаг на пути интеграции в российском обществе. Справедливости ради нужно отметить, что и горцы аналогичным образом склоняли к принятию ислама российских перебежчиков. Смена религии воспринималась обеими сторонами как смена идентичности. После этого человек быстрее ассимилировался в окружающей его социальной среде.

Российское правительство стремилось облегчить условия для выселяемых с Кавказа незащищённых слоёв горского населения. Семейства горцев, не имеющие взрослых мужчин, но по решению кавказской администрации обязанные покинуть регион, расселялись не на территории войска Донского,

¹ ПСЗРИ-2. Т. XXVI. № 25386.

а в пределах внутренних губерний империи¹. Детей женского пола пленных горцев переводили в Московский воспитательный дом. Этим девочек отправляли из Новочеркасска в Московский воспитательный дом при уряднике или надёжном казаке. Прогонные деньги отпускались как на сопровождающего, так и на сопровождаемых им трёх девочек. Урядник или казак должен был сдавать этих детей по списку. Для сокращения издержек девочек отправляли в мае и августе. До этого они находились в приютах, подведомственных Войсковому приказу общественного призрения. В сутки на каждого человека полагалось 15 коп. серебром². Горцы, высланные с Кавказа, имели право на содержание в больницах общественного призрения за счёт казны³.

Правительство достаточно внимательно следило за судьбами заключённых горцев. Коменданты крепостей, в которых содержались арестанты из числа горцев Кавказского края, должны были спустя 3 года после их прибытия спрашивать у Кавказского начальства о возможности их возвращения на родину. В случае положительного ответа арестанта отправляли в город Ставрополь и передавали в распоряжение штаба Кавказской линии и Черномории. Если ответ был отрицательным, запрос необходимо было повторить спустя три года. Всего запрос разрешалось делать три раза. В случае повторения отказа, горец переводился в военно-рабочую роту, действующую армию или направлялся в богадельни⁴. По нашему мнению, такое пристальное внимание объясняется нежеланием властей обострять и без того сложную обстановку на Северном Кавказе.

В 1860-е гг. практика выселения горцев в другие районы империи постепенно прекратилась. Это было связано с окончанием военных действий. Пленных горцев, которых ранее ссылали, теперь расселяли на равнинах Северо-Западного Кавказа. В 1865 г., на основании распоряжения командующего войсками Кубанской области от 25 августа того же года, в ст. Лабинскую

¹ ПСЗРИ-2, Т. XXV. № 24656.

² ПСЗРИ-2, Т. XX. № 19022.

³ ПСЗРИ-2, Т. XXXIII. № 33035.

⁴ ПСЗРИ-2, Т. XXV. № 24596.

было направлено 84 пленных горца. Они поступали в распоряжение командующего Лабинским округом полковника Абдурахманова. Военские начальники должны были обеспечить конные или пароволовые подводы, для того, чтобы привезти этих людей к месту назначения. На каждого человека полагалось по 7 коп. кормовых денег. По пути следования горцев местное начальство должно было заботиться об их здоровье. В случае болезни кого-либо из горцев, власти направляли заболевших в близлежащие госпитали и лазареты. За невыполнение этих правил местным чиновникам грозила строгая ответственность¹.

Данные меры относились не только к пленным, но и к горцам, добровольно принявшим российское подданство. Осенью 1865 г. урядник 9-го конного полка Иван Лиовской привёл в ст. Лабинскую 165 чел. обоого пола. Из них 51 пленный и 114 выбежавших в российские пределы. По пути следования переселенцев местные начальники обеспечивали их необходимым числом конных и пароволовых подвод. Смотрители провиантских магазинов снабжали их едой. Сверх того, им выдавали кормовые деньги, 7 коп. серебром на взрослого человека (на детей полагалась половина от этой суммы)².

Вопрос о заключённых горцах был решён окончательно 6 октября 1866 г. Горцы Кавказского края, отданные в военную службу или высланные с Кавказа во внутренние или отдалённые губернии, должны были возвращаться на родину. Принявшие православие могли вернуться с согласия кавказских властей³.

Таким образом, переселение незнатных горцев под российское покровительство началось с конца XVIII в. Однако ситуацию осложняло то, что Закубанье считалось территорией Османской империи, а между Россией и Турцией действовали договоры о взаимной выдаче беглых. После 1829 г., когда Северо-Западный Кавказ юридически стал российской территорией, приём перебежчиков с левобережья Кубани заметно упростился. Представители

¹ РГВИА. Ф. 14254. Оп. 6. Д. 3. Л. 28, 28 об.

² Там же. Л. 63, 63 об.

³ ПСЗРИ-2, Т. ХLI. №43680.

свободных и зависимых категорий горского населения бежали в Россию по целому ряду причин. Одной из них являлась усилившаяся феодальная эксплуатация и процессы закрепощения в Закубанье. Разбогатевшие тфокотли и представители старой знати были едины в желании подчинить себе своих единоплеменников. Прежде всего, это касалось социально незащищённых слоёв населения. В делопроизводственной документации того периода часто упоминались факты перехода на российскую сторону сирот.

Горцы бежали в Россию из-за страха быть проданными в рабство. Внутренняя работоторговля и продажа невольников в Османскую империю способствовали тому, что ранее свободных общинников продавали за долги или после их захвата в плен. Имели место факты, когда главы адыгских патриархальных семей, испытывая нужду в деньгах, не гнушались продажей в неволю членов своих семей.

В Россию бежали так называемые мирные горцы, захваченные в плен так называемыми немирными горцами в результате набегов на аулы прикубанских владетелей. В линейных укреплениях скрывались адыги, уличённые в сборе и передаче сведений для российского военного командования. Из-за Кубани выбегали люди, совершившие какое-либо преступление и желавшие укрыться от справедливого наказания за рвами укреплений и казачьими постами.

Российские власти всячески старались помочь выбегавшим из-за Кубани горцам. Их расселяли в Гривенском ауле, татарском селении Ады, Новоджерелеевском поселении и др. Новым переселенцам выдавалось денежное пособие. Многие из них поступали на военную службу. Там у них была возможность за отличия в боях получить офицерский чин и повысить свой социальный статус.

Перейдя на правый берег Кубани, адыги не теряли связей с Закубаньем. Нередко они переходили обратно. Более того, часть из них являлась проводниками партий немирных горцев, когда те совершали набеги в российские пределы. Поэтому в начале 1840-х гг. было принято решение переселять бег-

лых горцев на Дон. Там для них выделялась земля и существенное денежное пособие. При этом побег оттуда уже считался серьёзным преступлением.

Наместник на Кавказе имел право ссылать горцев на Дон или во внутренние губернии империи по своему усмотрению. Многих горцев отправляли в арестантские роты, на службу в армию или в Сибирь за совершённые ими преступления. Их судили по общим для всех подданных Российской империи законам. Однако правительство следило за судьбами ссыльных и заключённых горцев. Оно создавало возможности для их возвращения на родину. В 1860-е гг. ссыльных горцев вернули на Северный Кавказ.

В 1830–1860-е гг., несмотря на сложное положение на Северном Кавказе, российские власти относились к выходцам из Закубанья как к своим подданным. Для них выделялась земля, выплачивались пособия, делались налоговые льготы.

2.3 Переселение в российские пределы жителей Закубанья неадыгского происхождения (на примере армян)

В первой половине XIX в. на Северо-Западном Кавказе наблюдалось переселение под российское покровительство групп не адыгского населения, стремившихся избежать усиливающегося социального и религиозного угнетения. На правый берег Кубани уходили татары и ногайцы, горские армяне (черкесо-гаи). Основные положения данного пункта были опубликованы в одной из наших статей¹.

Стремление татар и ногайцев уйти под российское покровительство было связано с тем, что ещё в конце XVIII в. адыги перестали подчиняться Крымскому ханству, которое окончательно было ликвидировано в 1783 г. В результате этого оставшиеся на левом берегу Кубани татарские и ногай-

¹ Степаненко Н.С. Армяне между Россией и Закубаньем в первой половине XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2018. Вып. № 1. С. 105–111.

ские группы населения постепенно переходили в зависимое положение от адыгов. Стремясь избежать закрепощения, они бежали за Кубань.

Следы пребывания армян на Северо-Западном Кавказе фиксируются с XII в.¹ Их массовые переселения из Крыма относятся к XV в. По сообщению источников, в 1475 г., когда турки захватили Крым и стали истреблять мирное население, армяне начали переселяться в Молдавию и Польшу. В то же время армяне поселились и среди адыгов, где ислам еще не получил распространения. Со временем здешние армяне восприняли основные элементы культуры и одежды адыгов, говорили на особом этнолекте адыгского языка, но сохранили христианскую веру. Они стали именоваться черкесо-гаями, что указывало на двойственность элементов их культуры. Они обосновались в следующих аулах на Северо-Западном Кавказе: Гяур-Хабль, Хатукай, Егерухай, Хаджихабль, Эним, Шокон, Псехуп. Два черкесо-армянских села появилось в районе современного Геленджика – Азатух и Бзатух. Черкесские армяне были заняты торговлей, ремеслами и земледелием². Помимо черкесо-гаев на Северо-Западном Кавказе активную коммерческую деятельность вели и российские подданные армянского происхождения. Все они сохраняли христианство армяно-григорианского исповедания.

Уже при Петре I российские власти установили тесные отношения с армянским католикосом, который занимал ярко выраженную пророссийскую позицию. В 1717 г. Астрахань стала епархиальным центром всех армян России³. Новый импульс процессу переселения армян в российские пределы придала изданная Павлом I в 1799 г. «Жалованная грамота», в которой подтверждалось право армян на «исповедание христианской их веры», а также дозволялось «в селениях их строить монастыри, церкви, колокольни и другие церковные здания, с отправлением во оных по законам их всех церковных

¹ Армяне Северного Кавказа / редкол.: А. Факторович, Т. Горбулич, И. Кузнецов. Краснодар, 1995. С. 72–108.

² Бурькина Л.В. Черкесогаи Северо-Западного Кавказа в XIX в. // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение. Майкоп, 2006. Вып. № 4. С. 4.

³ Агаян Ц.П. Россия в судьбах армян и Армении. М., 1994. С. 81, 146; Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998. С. 265.

служб и духовных чинов, завися по делам духовным единственно от власти Армянского Патриарха Луки, пребывающего в Армянском Патриаршестве Араратском Престольном монастыре Эчмиадзине и наместника его находящегося в Империи Нашей Архиепископа Иосифа»¹. Грамота, таким образом, узаконила религиозную автономию армян, сыграла важную роль в укреплении их связей с Россией.

В Закубанье армяне долгое время занимали ведущие позиции в посреднической торговле. Уже дореволюционные историки писали о торговле, как о ведущем занятии армян на Северо-Западном Кавказе². Советский исследователь М.В. Покровский так же указывал на большую роль армянских купцов в коммерческих операциях между Закубаньем и Россией³. Современные историки обращают внимание на то, что некоторые армяне, будучи купцами, так же выполняли различные поручения российских властей⁴.

Армяне сыграли важную роль в налаживании социально-политических и экономических связей в регионе за счёт того, что они занимались посреднической продажей товаров. Они начали интегрироваться в государственное пространство России, ещё будучи частью «черкесского мира». В связи с активизацией военных действий в Закубанье, противоборствующие стороны нуждались в посредниках, способных освободить из плена своих людей. Горские армяне быстро осознали экономическую выгоду от вызволения российских пленников из неволи. Несмотря на очевидную материальную заинтересованность купцов, благодаря ним на родину было возвращено большое количество невольников. Важным процессом с конца XVIII в. стало переселение армян на подконтрольные России земли. На территории империи они по-

¹ Подробнее: Акопян В.З. Город Святой Крест. Между прошлым и настоящим. 1799–2009. Пятигорск, 2009. С. 59–67.

² Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 5. С. 289; Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогоаев. Краснодар, 2010. С. 19.

³ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 129.

⁴ Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 167; Клычников Ю.Ю., Цыбульников А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск, 2011. С. 133–134.

лучали различные льготы и преимущества, что позволяло армянам продолжать безопасно заниматься привычным делом.

Следствием взаимных набегов являлось нахождение у конфликтующих сторон немалого числа пленников. У российских невольников было несколько способов вернуться на родину. Они могли бежать, их могли выкупить или обменять на горцев, взятых в плен российскими войсками. Переговоры об обмене или выкупе часто вели армянские купцы. Посредничество было сопряжено с опасностью для жизни и здоровья, что видно из прошения нахичеванского армянина Аксена Ованесова командующему Черноморским казачьим войском генерал-майору Василию Алексеевичу Сысоеву, поданному летом 1827 г.¹ Торговец писал, что занимался торговлей среди закубанских народов более 20 лет. С одобрения А.П. Ермолова командующий Черноморской кордонной линией генерал-майор М.Г. Власов приказал Аксену Ованесову и некоторым его товарищам вызволять из горского плена российских подданных, в особенности казаков Черноморского войска. Армянин следующим образом описал свою деятельность за Кубанью: «Исполняя волю начальства, я старался доставлять по возможности всякие сведения. Пленных же в особенности выкупал по дорогим ценам на собственные мои товары, за которых, по установленному порядку, получал от Черноморского войска пленных черкесов. Этот размен был для меня крайне невыгоден, но я не щадил капитала своего, для пользы государства, и постоянно продолжал выкуп наших пленных»². За 5 лет Ованесову удалось освободить из неволи 1 офицера, 1 урядника, 11 солдат, 17 мужчин разного звания, 7 женщин. Он писал о 54 освобождённых им людях. Из-за выкупа пленников, по мнению купца, в Закубанье на него было совершено покушение. Армянин утверждал, что его недруги убедили анапского пашу конфисковать его товар и запретить Ованесову продавать горских пленников на анапском рынке, которых он получал

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 256. Л. 2.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 256. Л. 2.

от российских властей в качестве компенсации за освобождённых из неволи россиян. Армянский купец просил российские власти защитить его интересы.

15 июля 1827 г. атаман Черноморского казачьего войска направил послание анапскому паше. В нём сообщалось: «Торгующий с давнего за Кубанью нахичеванский армянин Аксен Авганов жалуется мне, что в прошлом 1826 г. Ваше высокостепенство, под влиянием неблагомыслящих людей, запретили ему продать в Анапе пленных черкес, полученных им из России, и даже у приказчика его Ованеса Асланова отобрали одну азиатскую девку и отдали без заплаты закубанцам, чрез что Ованесов понёс весьма значительные убытки и лишился почти всей своей коммерции. Кроме сего, за купленную у него Вашим Высокостепенством черкесскую девку ценою 900 паров, которая доставлена Вам эфендием Зановым, получил только 350 паров. Благоприятель мой, покорнейше прошу дозволить упоминаемому армянину Ованесову продать пленных черкес в Анапе и не делать нигде препятствий в торговле с Закубаньем. Касательно купленной Вами девки, за которую он не получил 550 паров, прошу сделать распоряжение об удовлетворении оными его»¹. Российские власти пытались дипломатическим способом отстоять интересы лояльного им человека даже в таком неприглядном деле как торговля людьми. Однако, после вхождения Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи, местная администрация запретила операции по купле и продаже людей². Это событие произошло в 1829 г., когда завершилась очередная война между Россией и Османской империей. Итогом противостояния стало подписание Адрианопольского мирного договора, согласно которому всё северо-восточное побережье Чёрного моря с прилегающими территориями считалось российским. Однако большинство местного населения не признало условия этого договора. Тем не менее, начиная с 30-х гг. XIX в., процесс включения Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 256. Л. 17.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 677. Л. 3.

включал не только силовые акции, но и активное социально-экономическое и культурное взаимодействие народов региона и России.

В 40-е гг. XIX в. многие армянские дворяне, купцы и мещане продолжили выкупать российских подданных из горского плена. В 1843–1845 гг. шла переписка «о представлении нахичеванских и закубанских армян 8-ми человек к золотым медалям и к ордену Св. Станислава 3-й степени, за человеколюбивые подвиги, именно за выкуп на их собственность из-за Кубани 66 человек русских пленных». Попавшие в плен «при разорении укреплений» на Восточном побережье Черного моря, они были выкуплены купцом 3-й гильдии Егором Минаевым Черкесовым. В дальнейшем генерал-майором Г.А. Рашпилем, согласно приказу по Отдельному Кавказскому корпусу от 31 декабря 1844 г. № 178, три золотые медали с надписью «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте были пожалованы нахичеванским купцам Ованесу Миасерову, Карпу Чехмахову и закубанскому армянину Егору Миасерову¹. Это было свидетельством признания заслуг этих купцов в деле освобождения российских пленников из неволи.

В условиях перманентного военного противостояния армянские купцы нередко лишались своего имущества, которое становилось предметом политического торга. Это видно из докладной записки закубанского армянина Пшимафа Богурсукова, направленной 20 октября 1854 г. в г. Екатеринодар, генерал-майору Я.Г. Кухаренко². В ней сообщалось, что в прошлом году, когда он со своими братьями проживал за Кубанью на реке Абин, шапсуги разорили их и забрали всё имущество. Из-за этого Пшимаф Богурсуков и его братья переселились в Черноморию, к Славянскому посту. После этого шапсуги прислали к ним людей и объявили, что согласны возвратить всё их имущество. Условием этого являлось возвращение братьев обратно за Кубань. Прежде этого они просили прислать старшего брата Аслана. Он отпра-

¹ Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск, 2011. С. 133–134.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1503. Л. 2.

вился за Кубань после того как 12 шапсугов дали присягу в том, что они вернут имущество. В подтверждение этого присягнуло ещё 75 шапсугов. Аслан Богурсуков собрал имущество, но не успел возвратиться и умер за Кубанью. Поэтому Пшимаф и Борок Богурсуковы просили Я.Г. Кухаренко позволить им вместе с семейством и крестьянами переселиться обратно за Кубань. В докладной записке Пшимаф Богурсуков пояснял: «Я переселяюсь за Кубань не по внутреннему желанию, а для получения имущества, потерянного нами из-за нашей преданности русскому правительству. Если я останусь в Черномории, я не смогу прокормить семью и крестьян»¹. К слову, согласно поданному списку его семья и зависимые крестьяне насчитывали 32 мужчины и 35 женщин. Однако Я.Г. Кухаренко не посчитал целесообразным возвращение черкесо-гаев за Кубань. Он предписал начальнику 4-й части Черноморской кордонной линии войсковому старшине Савицкому переселить братьев Богурсуковых из аула при Славянском посту вглубь территории Черномории – в ст. Брюховецкую².

Торговля в Закубанье была сопряжена с риском ограбления в дороге, т.к. мужское население региона поголовно имело оружие, а разбой часто воспринимался не как тяжкое преступление, а как проявление молодечества и удали. Даже принявшие присягу горцы нередко занимались грабежом на закубанских тропах. 28 февраля 1846 г. Канцелярия по управлению мирными горцами Штаба войск Кавказской линии и Черномории сообщала генерал-майору Г.А. Рашпилю о прошении, поданном на имя главнокомандующего корпусом армянскими торговцами Аванесом Сеферовым и Христофором Кусиковым³. Купцы просили взыскать с наследников умершего сына мирного бжедугского князя Кончукова 930 руб. ассигнациями за то, что он вместе с 14 сообщниками ограбил их во время следования из гор в российские пределы.

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1503. Л. 2.

² Там же. Л. 31.

³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 837. Л. 1.

Из переписки, имеющейся в кордонном дежурстве, по следственному делу об ограблении сыном мирного бжедугского князя Аслан-Гирея Кончукова Темтенем с 14-ю сообщниками армян Христофора Кусикова и Ивана Сеферова, ехавших в аул при Прочноокопской крепости, оказалось, что князь Темтен Кончуков действительно награбил у армян разных вещей на 1600 руб. ассигнациями. 670 руб. ассигнациями он вернул. Как решился вопрос с оставшимися 970 руб., из переписки неизвестно¹. В ходе разбирательства выяснилось, что удовлетворить просьбу армян нет никакой возможности, т.к. виновник умер, а наследники не получили от него никакого наследства и отказывались от удовлетворения претензий. Тем не менее, Сеферов и Кусиков продолжали утверждать, что Кончуков оставил большое наследство. Им выдали открытый лист в Черноморию для дальнейшего судебного разбирательства².

Коммерческие операции в Закубанье были связаны не только с риском ограбления. Имели место случаи, когда армянских купцов убивали из корыстных побуждений. 30 ноября 1853 г. черкесо-гаи Сергей Баронов и Шуза Айвазов из Армянского поселения, расположенного рядом с Прочноокопской крепостью (ныне г. Армавир), находились в Закубанье в ауле черченейского князя Пшемафа Кончукова по делам торговли. В ночь на 30 ноября Шуза Айвазова ограбили и убили. Преступника поймали, его привезли на Константиновский пост. Им оказался абадзех Шерух Малихах. Его обвинили в том, что он зарезал армянина и украл три тюка товара на 80 руб. серебром. Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, князь С.М. Воронцов, повелел пойманного черкеса Шеруха Мамехаха, убившего находившегося в черченейском ауле по делам торговли прочноокопского армянина Шуза Айвазова сослать в арестантские роты в город Киев навсегда³.

Из-за обострившейся социально-политической ситуации в Закубанье многие армянские семьи переселялись под покровительство России. Ещё с

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 837. Л. 3.

² Там же. Л. 20.

³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1421. Л. 1.

конца XVIII в., после того, как среди адыгов начал утверждаться ислам, положение черкесо-гаев, исповедовавших христианство, постепенно стало ухудшаться. С появлением в регионе России, начался процесс перехода черкесских армян под её покровительство. В переселении они видели возможность сохранить собственную веру и идентичность. В 1815 г. в аул князя Ханука, находившийся на Таманском полуострове, перешла из гор семья армянина Меликова с двумя сыновьями и тещей. В 1823 г. трое черкесских армян хотели переселиться в Черноморию, но не смогли этого сделать из-за боязни потерять своих зависимых крестьян¹.

Массовый переход черкесо-гаев в российские пределы начался в 30-е гг. XIX в. Сначала он был стихийным, но затем процесс стали организовывать российские военные власти. К концу 1838 г. многочисленные группы черкесских армян первоначально обосновались в двух временных поселениях: в ауле Ушкундипс, около станицы Казанской, и в ауле Домбайтук, вблизи станицы Темижбекской. 21 апреля 1839 г. российскими военными властями был основан армянский аул (впоследствии Армавир), находившийся на левом берегу Кубани, напротив крепости Прочный Окоп. К 1840 г. в населённом пункте проживало около 300 семей горских армян². На протяжении 40–50-х гг. XIX в. армяне продолжали переселяться в российские пределы. Как видно из справки атаманской канцелярии от 26 января 1853 г., в 1848 г. в ст. Переяславскую были переселены проживавшие до того времени в Гривенском черкесском ауле Таманского округа закубанские армяне и греки, добровольно вышедшие в разное время под покровительство России. Всего 25 семейств, в которых насчитывалось 134 чел.³ 2 апреля 1853 г. начальник 1-й части Черноморской кордонной линии подполковник Барыш-Тищенко доносил командиру Черноморской кордонной линией Я.Г. Кухаренко о его предложении черкесо-гаям переселиться в Черноморию. Жившие в районе 1-

¹ Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогаев. Краснодар, 2010. С. 104

² Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918). Армавир, 2002. С. 48–50.

³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1322. Л. 1.

й части линии отозвались и выразили своё согласие на переход из-за Кубани и присоединение к другим армянам, живущим в Черномории и других местах. Черкесо-гаи указывали на возникшие затруднения, которые были связаны с различными торговыми делами с черкесами, многие из которых задолжали им большие суммы денег. Чтобы не оставлять свою собственность в руках черкесов, 54 семьи закубанских армян обещали переселиться в пределы России через 2 или 3 года¹.

Некоторые предприимчивые армяне пытались получить максимальную пользу от переселения. Порой, даже щедрая на льготы и привилегии для выходцев из Закубанья российская администрация, была вынуждена ограничивать аппетиты некоторых из них. Интересным примером этого служит переписка по прошению, поданному главнокомандующему Кавказским корпусом закубанским армянином прапорщиком Бекмечем Джантемировым о переселении его на землю войска Донского².

В 1845 г. на имя наместника на Кавказе М.С. Воронцова им было подано прошение. Бек-Мирза Джантемиров писал, что переселился со своими подвластными крестьянами на правый берег Кубани под прикрытием войск, которыми командовал Н.С. Завадовский. Как офицер российской армии, он изъявлял желание переселиться в земли Войска Донского на основании тех же правил, согласно которым на Дон переселялись горцы Северного Кавказа, и выдать ему денежное пособие.

По всей видимости, прапорщик Джантемиров имел в виду изданные в 1840 г. правила переселения горцев на Дон³. Однако, прапорщик не стал ограничивать себя только этими преимуществами. В своём рапорте от 19 февраля 1846 г. временно командующему войсками Кавказской линии и Черномории, генерал-лейтенанту Н.С. Завадовскому, исполняющий обязанности командующего Черноморской кордонной линией Г.А. Рашпиль писал, что закубанский армянин явился к нему с докладной запиской, в которой по-

¹ Там же. Л. 8.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. I. Д. 797. Л. 1.

³ ПСЗРИ-2. Т. XV. № 14053.

дробно изложил свои пожелания. Джантемиров просил: 1) позволить ему переселиться весной 1846 г.; 2) выделить ему и 12-ти армянским семействам, пожелавшим переселиться с ним, денежную помощь в размере 1200 руб. серебром (сумма по тем временам внушительная. 1 лошадь стоила около 20 руб., вол – 10 руб., овца – 1 руб.); 3) сверх того, прапорщик хотел, чтобы ему компенсировали ущерб, понесённый им при переселении на правый берег Кубани. Бек-Мирза Джантемиров приложил подробную опись потерянного имущества, в которую вошли 9 волов, 13 коров, 4 лошади, 384 овцы, 6 шашек, панцирь, 14 сундуков с товаром и вещами. В общей сложности армянин оценил ущерб в 4225 руб. серебром. Но он был согласен на то, чтобы ему вернули хотя бы половину от этой суммы; 4) Прежде чем они начнут переселение, Джантемиров просил разрешить ему с тремя депутатами, выбранными на собрании армянских семей, посетить земли Войска Донского, чтобы выбрать место жительства. На транспортные издержки он просил 200 руб. серебром; 5) Поселение армян на территории Войска Донского должно было пользоваться теми же правами, которыми пользовались поселенцы от горцев. Сверх того, он просил освободить переселившихся армян от всех повинностей и не записывать ни в какое сословие на протяжении следующих 25 лет. Прапорщик объяснял это тем, что новые поселенцы должны были за это время «познакомиться с местными обстоятельствами и утвердить на прочном основании своё благосостояние»; 6) Джантемиров также изъявил желание закрепить за ним в потомственное владение находящихся у него крестьян из черкесов. Он мотивировал это тем, что приобрёл дворянство за счёт офицерского чина¹.

Просьбы Бек-Мирзы Джантемирова кажутся чрезмерными, однако у Г.А. Рашпиля было иное мнение по этому вопросу. Он писал Н.С. Завадовскому: «Излишним считаю распространяться, каких благодетельных последствий обещает переселение Бек-Мирзы и какого благосклонного внимания от правительства заслужило бы это благонамеренное предприятие. Его испол-

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. I. Д. 797. Л. 9, 9 об.

нение, можно сказать, откроет путь всем благомыслящим мирным горцам к прочному гражданственному водворению. Пример Бек-Мирзы, если только благодетельному правительству благоугодно будет поддержать этого благонамеренного человека в добром его предприятии, должен увеличить убогое немногочисленное народонаселение мирных наших аулов, ослабив в мирных азиатцах слепую и неблагодарную привязанность к перебегам за Кубань»¹. Также Г.А. Рашпиль обращал внимание Н.С. Завадовского на то, что мирные черкесские аулы теснились около Кубани на землях, большей частью болотистых и непропорциональных населению. По мнению исполняющего обязанности начальника Черноморской кордонной линии, переселение Бек-Мирзы Джантемирова стало бы хорошим примером водворения на оседлую жизнь для закубанцев, сохранивших привычку кочевать со своими аулами с одного места на другое. Он также писал, что этот закубанский армянин вполне заслуживает пособие для переселения на Дон, т.к. верно служил России.

Однако администрация Войска Донского посчитала, что принятие Джантемирова на Дон, противоречит всем коренным правилам, установленным для донских казаков. Переселение прапорщика Джантемирова на Дон на таких невыгодных для государственной казны условиях было запрещено.

Таким образом, армяне, жившие в первой половине XIX века на территории Северо-Западного Кавказа, играли важную роль в налаживании контактов между Россией и Закубаньем. Из своего посреднического положения армяне стремились извлечь максимальную пользу. До 1829 г., когда территория Закубанья принадлежала Османской империи, некоторые из них наладили схему обмена российских невольников на взятых в плен казаками и солдатами горцев. Последних армянские купцы перепродавали турецким торговцам на анапском рынке в качестве рабов. Российская администрация не только знала об этих операциях, но и стремилась отстаивать интересы купцов в их конфликтах с анапским пашой. Местная администрация активно препят-

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. I. Д. 797. Л. 13.

ствовала тому, чтобы объектом торговли выступали российские подданные. После 1829 г., когда Северо-Западный Кавказ юридически вошёл в состав России, в Санкт-Петербурге стали воспринимать всё население региона как своих подданных. Поэтому предпринимались меры для прекращения незаконной торговли людьми. И в этот период армянские купцы содействовали возвращению российских пленников из горского плена, за что получали награды от правительства.

Для армянских купцов существовала реальная опасность быть разграбленными и убитыми в горах, однако они шли на риск ради получения прибыли. В случае, если в отношении торговцев совершалось преступление, российские власти предпринимали меры для розыска и наказания виновных, даже если произошло на левом берегу Кубани.

С конца XVIII в. закубанские армяне постепенно начали переселяться в российские пределы. Местные власти создавали благоприятные условия для переселения армян на подконтрольные правительству территории, где ими создавались крупные поселения. Самым известным из них стал аул близ укрепления Прочный Окоп, позднее ставший называться Армавиром. Лояльная политика к переселенцам способствовала тому, что у некоторых горских армян формировались завышенные ожидания от российских властей. Тем не менее, выходцы из неподконтрольных России территорий Северо-Западного Кавказа находили под её защитой возможность мирно жить и безопасно заниматься торговлей.

В заключение второй главы отметим, что выходцы из горной и предгорной зон Северо-Западного Кавказа, неподконтрольных Российской империи, переходили под её покровительство по разным причинам. Миграционная теория «толчка-притяжения» показывает механизм принятия индивидуальных решений горцев о переселении. Своеобразными выталкивающими факторами являлись: политическое противостояние группировок борющихся за власть, социальные изменения в горском обществе и процессы закрепощения зависимых категорий населения, желание не адыгских этнических групп

укрыться от социальных притеснений. Факторами притяжения были возможности для изменения своего социального статуса, улучшения материального положения, и расширения своих экономических возможностей.

Переход на подконтрольные российским властям территории выходцев из Закубанья является ярким примером интеграционного процесса между российским государством и обществом с одной стороны и горским социумом с другой. Происходило объединение разных культурных и этнических элементов при объединяющей роли российского государства и общества.

Выходцы из неподконтрольных России территорий Северо-Западного Кавказа находили в ее пределах безопасную и мирную жизнь. Многие представители горцев добровольно поступали на службу в армию. Наличие горского элемента на подконтрольных России территориях способствовало процессу российско-горского социального взаимодействия, взаимопроникновения во всех сферах жизни общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1830–1860-е гг. социально-экономическая ситуация в Российской империи была сложной. Возможности вертикальной и горизонтальной социальной мобильности были сильно ограничены. Крепостное право и государственные повинности вынуждали подданных бежать от своих общин и хозяев. Таких людей официально именовали беглыми. Власти активно боролись с незаконными переселениями. Издавались законы, запрещающие давать приют беглым, за их поимку назначалась денежная награда. Беглецов подвергали клеймлению и ссылке. Именно поэтому подданные стремились покинуть российские пределы. Правительство заключало с иностранными государствами договоры о взаимной выдаче беглых, выплачивало подданным других стран вознаграждение за привод беглецов. Без данного общероссийского контекста сложно понять мотивацию отдельных подданных империи, решавшихся на побег на неконтролируемые районы Северо-Западного Кавказа.

Одной из категорий беглого населения являлись дезертиры. Солдаты, незаконно покинувшие свои подразделения, после поимки подвергались строгим наказаниям, в т.ч. и телесным. Население было обязано выдавать беглых нижних чинов. Поэтому дезертиры также стремились покинуть российские пределы. Они бежали в Персию, имамат Шамиля и горы Северо-Западного Кавказа.

Дезертирство солдат к горцам на Северо-Западном Кавказе имело как общероссийские, так и специфические, региональные мотивы. Важной причиной, обуславливавшей бегство солдат к горцам, являлось комплектование Отдельного Кавказского корпуса ненадёжными новобранцами. Многих беглых, проштрафившихся и совершивших иные преступления людей, направляли на службу в Отдельный Кавказский корпус. В первой половине XIX в. Кавказ часто называли «Тёплой Сибирью».

Регион стал местом ссылки политических преступников. Сюда были отправлены многие декабристы и солдаты, принявшие участие в событиях

14 декабря 1825 г. и восстании Черниговского полка. На Кавказ ссылались участники восстания в Польше 1830–1831 гг. Наличие в войсках большого количества бывших преступников, штрафованных, ссыльных и в целом недовольных действиями власти людей подготавливало почву для побегов в горы. Усугубляли непростую ситуацию с дисциплиной тяжёлые условия службы и злоупотребления воинского начальства. Совокупность вышеуказанных факторов вызывала у военнослужащих стремление бежать к горцам, у которых они чаще всего становились рабами.

Причины побегов казаков во многом были обусловлены длительным проживанием рядом с адыгами. Казаки и горцы имели тесные межличностные отношения, часто освящённые обычаями куначества. Большинство казаков-дезертиров являлись преступниками, которые хотели укрыться от законного наказания среди горцев. Многие из них были недовольны усилением государственного контроля в своей среде. Перебежчики хотели реализовать старинные казачьи представления о воле, в том числе и возможность ходить в набеги, чего государство не допускало. Наконец, отдельные казаки с детства воспринимали горские обычаи, традиции и мировоззрение. Они переходили в Закубанье, принимали ислам, женились на горянках – в общем, стремились укорениться в горской среде. Также имели место случаи бегства к горцам опозоренных казачек.

Положение беглых солдат, оказавшихся среди адыгов, было тяжёлым. Многих из них горцы продавали в Османскую империю в качестве рабов. Если же перебежчик оставался, то он становился представителем зависимой категории населения. Дезертиров склоняли принять ислам и жениться на горянках. Многие перебежчики воспринимали язык, культуру, обычаи горских народов. Часто именно из них формировался корпус переводчиков для нужд горских обществ. Положение беглых солдат среди горцев не было прочным. Адыги могли обменять дезертира на попавшего в плен горца. Некоторые солдаты принимали активное участие в набегах и боях с российской армией.

Они сыграли значительную роль во взятии укреплений Черноморской береговой линии в 1840 г.

Казачи, напротив, в горах являлись в большинстве свободными людьми. Они длительное время могли гостить у адыгов, участвовали в набегах горцев на российские территории. Отдельные представители принимали ислам, женились на горянках и стремились таким образом адаптироваться среди горцев.

Отношение российской военной администрации к разным категориям перебежчиков было неодинаковым. Оно зависело от действий самих дезертиров в горах. Казаков, совершивших тяжкие преступления, зачастую казнили. Выданных горцами беглецов предавали военному суду и отправляли во внутренние районы империи для отбывания наказания. Добровольно явившиеся солдаты подвергались различным наказаниям и возвращались в действующие части, либо отправлялись вглубь страны для дальнейшего прохождения службы. Российские власти объявляли амнистии, в рамках которых добровольно вернувшиеся в свои подразделения солдаты освобождались от наказания.

Отношение российских властей к казакам было более лояльным, они реже подвергались телесным наказаниям. Государство не хотело осложнять отношения с казачеством – главной силой российской колонизации на Северо-Западном Кавказе.

В 1829 г. был заключён Адрианопольский мирный договор между Османской империей и Россией. По условиям данного соглашения, территория Северо-Западного Кавказа передавалась последней. Проживавшие на данных землях адыги считали себя независимыми. Ситуация осложнялась тем, что в Закубанье шли процессы социального и имущественного расслоения. Обострилось политическое противостояние между старой аристократией и разбогатевшими общинниками. В этот период активизировались процессы закрепощения тфокотлей. Результатом данных противоречий было переселение представителей отдельных категорий адыгского общества (дворяне, за-

висимые общинники) под защиту России. Таким образом, они хотели сохранить свои привилегии или свободу.

С гор Северо-Западного Кавказа на подконтрольную российским властям равнину в 1830–1860-е гг. переселялись различные группы горского населения. Одной из них были адыгские дворяне. Они начали переходить в Россию ещё в конце XVIII в., когда левобережье Кубани находилось под номинальной властью Османской империи. Причиной миграций являлась политическая борьба между старым дворянством и выдвинувшейся из среды тфокотлей старшинской верхушкой.

После 1829 г. локальные переселения на Северо-Западном Кавказе стали для России вопросом внутригосударственного уровня. Тем не менее, каждая из доминирующих групп адыгского общества продолжала искать внешней поддержки. Значительным событием в политической жизни Закубанья начала 1830-х гг. стал уход дворянина Бесленея Аббата на российскую территорию. Из-за сотрудничества с российскими властями шапсугские общинники стали считать представителей семейства Аббатов изменниками. Несмотря на это, адыгские дворяне поддержали Бесленея и его брата Убыха силой. После этого они переселились на российскую территорию. В первой половине XIX в. на берегах Кубани под российским покровительством проживали и другие дворянские семьи со своими аулами.

В 30–40-х гг. XIX в. представители низших социальных слоёв горских обществ бежали в Россию по целому ряду причин. Побудительным мотивом перехода представителей «чёрного народа» на сторону России была усилившаяся феодальная эксплуатация и процессы закрепощения в Закубанье. Разбогатевшие тфокотли и представители старой знати были едины в желании подчинить себе своих единоплеменников. Прежде всего, это касалось социально незащищённых слоёв населения.

В делопроизводственной документации того периода часто упоминались факты перехода на российскую сторону сирот. Отсутствие семьи делало членов горских обществ слабыми и уязвимыми для произвола со стороны

других адыгов. В результате этого их дальнейшая жизнь в горах становилась бесперспективной. Россия стала для таких людей хорошей альтернативой, где за счёт доступных социальных лифтов они могли укрепить своё общественное положение. На правый берег Кубани бежали адыги, совершавшие проступки, вызывавшие негодование со стороны единоплеменников.

Другой важной причиной побегов горцев Северо-Западного Кавказа на подконтрольные российским властям территории являлся страх быть проданными в рабство. Активная внутренняя работоторговля и продажа невольников в Османскую империю способствовали тому, что ранее свободных общинников продавали в рабство за долги или после их захвата в плен. Имели место факты, когда главы адыгских патриархальных семей, испытывая нужду в деньгах, не гнушались продажей в неволю младших членов своих семей.

Под защиту империи бежали т.н. мирные горцы, попавшие в плен в результате набегов закубанцев на аулы прикубанских владетелей, лояльных России. Выходцы из Закубанья спасались в российских пределах от голода.

Российские власти всячески старались помочь беглым адыгским дворянам и простым общинникам. Аристократы получали офицерские звания и награды. Детей знатных горцев направляли учиться в различные учебные заведения империи. Многие из них становились офицерами в различных частях российской армии. В период правления Николая I они получали различные льготы и преференции. Александр II отказался от данной практики. В период его правления выходцы с Северного Кавказа служили на равных с другими.

Принятие присяги на верность воспринималось адыгскими дворянами как помощь со стороны России. Их понимание со стороны российской администрации несколько отличалось. Власти воспринимали этот шаг как факт признания адыгскими дворянами не только прав, но и обязанностей подданного империи. Результатом разного отношения к присягам становились многочисленные метания адыгских дворян между Россией и Закубаньем. Военная администрация терпимо относилась к данным перемещениям. Создавались условия для возвращения дворян обратно на российскую службу.

Беглых адыгских общинников также расселяли на правом берегу Кубани, им оказывалась денежная поддержка. Выходцы из Закубанья имели возможность поступать на военную службу. Частым явлением был обратный переход на левый берег Кубани. Это представляло серьёзную угрозу для безопасности Черномории и правого фланга Кавказской линии. В начале 1840-х гг. было решено переселять беглых адыгов на территорию Войска Донского. При этом им оказывалась существенная материальная поддержка.

Несмотря на социальную «пестроту», подавляющее большинство горцев, переходивших под защиту Российской империи, получало в её пределах защиту, освобождение от феодальной зависимости, возможность свободно исповедовать свою религию и мирно трудиться. Выходцы из Закубанья энергично включились в экономическое освоение Северо-Западного Кавказа, многие из них служили в российской армии и получали различные знаки отличия. Они внесли существенный вклад в процесс межкультурного взаимодействия в регионе, который, в свою очередь, обусловил дальнейшее развитие Северо-Западного Кавказа.

Армяне, жившие в первой половине XIX в. в Закубанье, играли важную роль в налаживании контактов между Россией и адыгами. Будучи частью горского социума, они активизировали экономическую посредническую деятельность в регионе. До 1829 г. некоторые из них наладили схему обмена пленными. За это армянские купцы получали награды от российского правительства. Когда в отношении торговцев совершались преступления, военная администрация предпринимала меры для розыска и наказания виновных, даже если это произошло на левом берегу Кубани. Т.е. устойчивые связи черкесо-гаев и российских властей возникли задолго до исследуемого нами периода. Тем не менее, этот фактор играл важную роль и в указанных нами хронологических рамках.

В первой половине XIX в. закубанские армяне постепенно начали переселяться в российские пределы. Для них создавались хорошие условия для перехода на правобережье Кубани. Черкесо-гаи создавали крупные поселе-

ния близ российских укреплений. Наиболее известным из них стал аул, расположенный недалеко от места впадения реки Уруп в Кубань. Благожелательная политика к закубанским переселенцам являлась причиной формирования высоких ожиданий у горских армян к местной власти. Несмотря на это выходцы из Закубанья находили под российской защитой возможность мирно жить и безопасно заниматься торговлей.

Локальные переселения на Северо-Западном Кавказе имели место уже в конце XVIII в., когда Россия начала значительно укреплять свои позиции в регионе. Они были вызваны комплексом внутренних социально-политических причин, существовавших в Российской империи и среди народов Северо-Западного Кавказа. После 1829 г. Закубанье юридически стало российской территорией. Локальные переселения в регионе перестали регулироваться нормами договорённостей с Османской империей. Они стали внутригосударственным делом с точки зрения Санкт-Петербурга. Коренное население Закубанья в большинстве своём считало себя независимым.

Таким образом, к началу 30-х гг. XIX в. сложились уникальные исторические обстоятельства, когда обширный регион, в целом признанный на международной арене российским (за исключением Великобритании), государством фактически не контролировался. Более тридцати лет огромная империя и жители Закубанья находились в состоянии вооружённого противостояния и одновременно вели политический, экономический и социокультурный диалог с целью узнать и понять друг друга.

Характерной особенностью 1830–1860-х гг. являлось то, что перебежчики постоянно циркулировали между Россией и Закубаньем. Переходы на противоположную сторону и обратно могли совершаться по несколько раз. После того как Россия усилила военное присутствие на Северо-Западном Кавказе и в середине 1860-х гг. взяла эти территории под свой контроль, локальные переселения в регионе приобрели совершенно иной характер.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 38. Департамент Генерального штаба. Оп. 7. Д. 93.
2. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 243.
3. РГВИА. Ф. 13454. Штаб войск Кавказской линии и в Черномории расположенных. Оп. 5. Д. 1303, 1249.
4. РГВИА. Ф. 14254. 1-й армейский корпус. Оп. 6. Д. 3.
5. РГВИА. Ф. 14257. Штаб командующего войсками Кубанской обл. Оп. 2. Д. 57.
6. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 254. Войсковое дежурство Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар Кубанской области, 1842–1870 гг. Оп. 1. Д. 859, 887, 1094, 1154, 1254; Оп. 2. Д. 21, 72.
7. ГАКК. Ф. 256. Войсковое дежурство Кавказского линейного казачьего войска Правого фланга Кавказской линии, 1845–1860 гг. Оп. 1. Д. 62, 207.
8. ГАКК. Ф. 260. Гражданская канцелярия командующего Правого фланга Кавказской линии и наказного атамана Черноморского казачьего войска, 1839–1859 гг. Оп. 1. Д. 1835, 1927.
9. ГАКК. Ф. 261. Канцелярия начальника Нижнекубанской кордонной линии Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1794–1864 гг. Оп. 1. Д. 256, 302, 362, 465, 480, 556, 572, 615, 632, 634, 677, 798, 830, 837, 898, 955, 1322, 1372, 1421, 1503, 1796, 490, 1505, 1921.

10. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 2. Надеждинское станичное правление с. Надежда Ставропольского уезда Ставропольской губернии 1850–1871. Оп. 1. Д. 125.

11. ГАСК. Ф.3. Круглолесское станичное правление с. Круглолесского Пятигорского уезда Ставропольской губернии 1847–1916. Оп. 1. Д. 572.

12. ГАСК. Ф.101. Канцелярия Ставропольского губернатора г. Ставрополь 1847–1916. Оп. 1. Д. 1988.

Опубликованные законодательные акты и делопроизводство

13. Акты Кавказской Археографической Комиссии (далее – АКАК) / под ред. Берже. – Тифлис, 1881. – Т. VIII.

14. АКАК. – Тифлис, 1883. – Т. IX.

15. АКАК. – Тифлис, 1885. – Т. X.

16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. (далее – ПСЗРИ-2). Т. II. – № 1375.

17. ПСЗРИ-2. – Т. XX. – № 1521.

18. ПСЗРИ-2. Т. II. – № 1540.

19. ПСЗРИ-2. Т. III. – № 2505.

20. ПСЗРИ-2. Т. VIII. – № 6021.

21. ПСЗРИ-2. Т. IX. – № 6737 Ст. IX.

22. ПСЗРИ-2. Т. IX. – № 7361.

23. ПСЗРИ-2, Том IX. – № 7080.

24. ПСЗРИ-2. Т. IX. – № 7044.

25. ПСЗРИ-2. Т. X. – № 8439.

26. ПСЗРИ-2, Т. XII. – № 10256.

27. ПСЗРИ-2, Т. XII. – № 10670.

28. ПСЗРИ-2, Т. XIII. – № 11398.

29. ПСЗРИ-2. Т. XIII. – № 11673.

30. ПСЗРИ-2. Т. XII. – № 10719.

31. ПСЗРИ-2. Т. XV. - № 13253.
32. ПСЗРИ-2. Т. XV. - № 13263.
33. ПСЗРИ-2, Том XV. - № 14053.
34. ПСЗРИ-2. Т. XVI. - № 14217.
35. ПСЗРИ-2, Том XVII. - № 15649.
36. ПСЗРИ-2. Т. XVII. – № 16214.
37. ПСЗРИ-2, Том XVIII. - № 16914.
38. ПСЗРИ-2. Т. XVIII. - № 16785.
39. ПСЗРИ-2, Том XVIII. - № 16914.
40. ПСЗРИ-2. Т. XVIII. - № 17200.
41. ПСЗРИ-2, Том XIX. - № 17816.
42. ПСЗРИ-2, Том XX. - № 19022.
43. ПСЗРИ-2. Т. XX. № 19223.
44. ПСЗРИ-2. Т. XX. - № 19283. § 559.
45. ПСЗРИ-2, Том XVIII. - № 17275.
46. ПСЗРИ-2, Том XXI. - № 19616.
47. ПСЗРИ-2. Т. XXI. - № 20203.
48. ПСЗРИ-2, Том XXI. - № 20611.
49. ПСЗРИ-2, Том XXII. - № 21749.
50. ПСЗРИ-2. Т. XXIII. - № 22125.
51. ПСЗРИ-2, Том XXIII. - № 22547.
52. ПСЗРИ-2. Т. XXV. - № 24185.
53. ПСЗРИ-2, Том XXV. - № 24596.
54. ПСЗРИ-2, Том XXV. - № 24656.
55. ПСЗРИ-2, Том XXVI. - № 25238.
56. ПСЗРИ-2, Том XXVI. - № 25386.
57. ПСЗРИ-2, Том XXVI. - № 25665.
58. ПСЗРИ-2, Том XXVI. - № 25856.
59. ПСЗРИ-2. Т. XXVII. - № 25870.
60. ПСЗРИ-2, Том XXVII. - № 26094.

61. ПСЗРИ-2, Том XXVII. - № 26281.
62. ПСЗРИ-2, Том XXVII. - № 26678.
63. ПСЗРИ-2, Том XXVIII. - № 26907.
64. ПСЗРИ-2. Т. XXVIII. - № 27211.
65. ПСЗРИ-2, Том XXVIII. - № 27452.
66. ПСЗРИ-2, Том XXVIII. - № 27428.
67. ПСЗРИ-2. Т. XXIX. - № 28616.
68. ПСЗРИ-2, Том XXX. - № 29272.
69. ПСЗРИ-2, Том XXX. - № 29423.
70. ПСЗРИ-2, Том XXX. - № 29636.
71. ПСЗРИ-2. Т. XXX. - № 29864.
72. ПСЗРИ-2. Т. XXXIV. - № 30916.
73. ПСЗРИ-2, Том XXXIII. - № 33154.
74. ПСЗРИ-2, Том XXXIII. - № 33035.
75. ПСЗРИ-2, Том XXXIII. - № 33525.
76. ПСЗРИ-2. Т. XXXIV. - № 34695.
77. ПСЗРИ-2. Т. XXXIV. - № 34764.
78. ПСЗРИ-2, Том XXXIV. – № 35194.
79. Сборник военных постановлений (СВП). – Ч. V. – Кн. I. – 1859. – Ст. 245; Кн. II. – Ст. 569.
80. Устав о паспортах и беглых // Собрание законов Российской империи (СЗРИ). – 1857. – Т. XIV. – Ст. 584, 663–687.

Опубликованные сборники документов

81. Документы по истории адыгов 20–50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / сост. З. М. Кешева. – Нальчик: Издательский отдел КБГИГИ, 2011. – 201 с.

82. Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793–1914 гг.) / сост. А. В. Сивер. – Нальчик: Издательский центр КБИГИ, 2012. – 158 с.

83. Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Т. II. Кн. 2. 1796–1864 гг. / сост.: М. А. Волхонский, В. М. Муханов. – Москва: Объединённая редакция МВД России, 2014. – 696 с.

84. Черкасов А.А. Черкесские невольничьи повествования // Былые годы. – 2020. – № 57–1(3–1). – С. 1415–2266.

85. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: (Сборник докум. материалов) / сост.: М. М. Габричидзе; под ред. Ш. В. Цагарейшвили; Архивное упр. МВД Груз. ССР. – Тбилиси: Госиздат Груз. ССР, Сектор полит. лит., 1953. – 557 с.

Воспоминания и дневники современников

86. Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. / Д. Белл. – Нальчик: Эль-фа, 2007. – Т. I. – 407 с.

87. Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. / Д. Белл. – Нальчик: Эль-фа, 2007. – Т. II. – 327 с.

88. Второе письмо с Кавказа 22 июня 1838 года. Лагерь при реке Исачи. Отряд со стороны Абхазии // Гаденко, А. П. Азовское казачье войско (1830–1865 г.) / К. И. Гаденко. – Кашира: Типография В.А. Третьякова, 1912. – С. 49–52.

89. Дневник поручика Н. В. Симановского // Гордин, Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – Санкт-Петербург: ООО Издательство журнала «Звезда», 2000. – Приложение. – С. 381–429.

90. Клиндер, И. Два с половиной года в плену у чеченцев // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / И. Клиндер. – Санкт-Петербург: ООО Издательство журнала «Звезда», 2000. – С. 507–632.

91. Лапинский, Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских / Т. Лапинский. – Нальчик: Эль-фа, 1995. – 463 с.
92. Лонгворт, Д. Год среди черкесов / Д. Лонгворт. – Нальчик: Эль-фа, 2002. – 541 с.
93. Монпере, Ф. Д. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму / Ф. Д. Монпере. – Нальчик: Эль-фа, 2002. – 281 с.
94. Муравьёв, Н. Н. О причинах побегов и средствах к исправлению недостатков армии / Н. Н. Муравьёв // Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки / гл. ред. генерал-лейтенант Д. А. Скалон. Сост. подполковник Н. М. Затворницкий // Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. III. IV отдел. – Санкт-Петербург, 1907. – С. 244–261.
95. Новикова-Зарина, Е. Одиннадцать месяцев в плену у черкесов // В плену у горцев / Е. Новикова-Зарина. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. – Вып. 5. – С. 32–91.
96. Ольшевский, М. Я. Записки. 1844 и другие годы / М. Я. Ольшевский // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века Санкт-Петербург: ООО Издательство журнала «Звезда», 2000. – С. 261–399.
97. Показание Тенгинского полка рядового Ефима Комаровскаго, 19-ти лет от роду // Ракович, Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. Приложение. – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900. – С. 8–9.
98. Спенсер, Э. Путешествия в Черкесию / Э. Спенсер. – Майкоп: Адыгея, 1994. – 152 с.
99. Торнау, Ф. Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау (Воспоминания и документы) / Ф. Ф. Торнау. – Нальчик: Эль-фа, 1999. – 507 с.

100. Фадеев, Р. А. Письма с Кавказа // Собрание сочинений Р. А. Фадеева. – Санкт-Петербург: Типография В.В. Комарова, 1889. – Т. 1. Ч. 1. – 280 с.
101. Филипсон, Г. И. Воспоминания. 1837–1847 / Г. И. Филипсон // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Санкт-Петербург: ООО Издательство журнала «Звезда», 2000. – С. 76–197.
102. Шипов, Н. История моей жизни. 1845 год / Н. Шипов // В плену у горцев. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. – Вып. 5. – С. 3–31.
103. Шпаковский А. Записки старого казака. URL: https://fb2gratis.com/gratis_rd_382969_p1 (дата обращения: 09.10.2020).

Литература

104. Абазов, А. Х. Кавказская армия в конце 1850-х гг.: особенности управления в контексте унификации административных институтов / А. Х. Абазов // *Bulye Gody*. – Washington, 2020. – Vol. 58. – Issue 4. – P. 2546–2553.
105. Агаян, Ц. П. Россия в судьбах армян и Армении / Ц. П. Агаян. – Москва: Наука, 1994. – 320 с.
106. Акопян, В. З. Город Святой Крест. Между прошлым и настоящим / В. З. Акопян. 1799–2009. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2009. – 358 с.
107. Армяне Северного Кавказа / редкол.: А. Л. Факторович, Т. Горбулич, И. Кузнецов. – Краснодар: Б. и., 1995. – 224 с.
108. Басханов, А. К. Линейцы / А. К. Басханов, М. К. Басханов, Н. Д. Егоров. – Никосия [б. и.], 1996. – 393 с.
109. Бгажноков, Б. Х. Адыгская этика / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик, Эль-фа, 1999. – 99 с.

110. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке / Л. Г. Бескровный. – Москва: Наука, 1973. – 616 с.
111. Бижев, А. Х. Присягнувшие свободе / А.Х. Бижев // Лапинский, Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Т. Лапинский. – Нальчик: Эль-фа, 1995. – С. 445–455.
112. Блиев, М. М. Кавказская война / М. М. Блиев, В. В. Дегоев. – Москва: Росет, 1994. – 592 с.
113. Бондырева, С. К. Миграция (сущность и явление) / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – Москва: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. – 296 с.
114. Берже, А. П. Кавказская старина / А. П. Берже. – Пятигорск: СНЕГ, 2011. – 512 с.
115. Броневский, С. М. Новейшие исторические и географические известия о Кавказе. Извлечение по Центральному и Северо-Западному Кавказу / С. М. Броневский. – Нальчик: Эль-фа, 1999. – 225 с.
116. Бурыкина, Л. В. Черкесогаи Северо-Западного Кавказа в XIX в. / Л. В. Бурыкина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп, 2006. – Выпуск № 4. – С. 15–16.
117. Василенко, В. Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800–1940 гг.) / В. Г. Василенко. – Армавир, 2006. – 284 с.
118. Великая, Е. В. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.) / Е. В. Великая, Н. Н. Великая. – Армавир: РИО АГПУ, 2015. – 252 с.
119. Великая, Н. Н. Кавказский не только по названию / Н. Н. Великая // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: материалы межрегиональной научной конференции. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2008. – С. 120–123.

120. Великая, Н. Н. Северокавказский кризис первой половины XIX в. и его последствия / Н.Н. Великая // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – С. 30–35.

121. Великая, Н. Н. Проблемы уклада жизни горцев Северного Кавказа и их интеграция в состав Российской империи / Н.Н. Великая // Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18-го семинара кавказоведческой школы В. Б. Виноградова. – Армавир; Ставрополь: Дизайн студия Б, 2013. – С. 26–36.

122. Великая, Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. / Н. Н. Великая. – Ростов-на-Дону: ЗАО «Невинномысская городская типография», 2001. – 279 с.

123. Великая, Н. Н. О казаках, добровольно ушедших к горцам в первой половине XIX века / Н.Н. Великая // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: сб. науч. тр. I Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 10–14 октября 2014 г.). – Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, 2014. – С. 16–20.

124. Великая, Н.Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) / Н.Н. Великая // Кавказский сборник. – Москва: Русская панорама, 2015. – Т. 9. – С. 90–101.

125. Вершигора, А. Д. Хан-Гирей: новые документы и источники / А. Д. Вершигора. – Нальчик: Эль-фа, 2003. – 151 с.

126. Виноградов, Б. В. «Кавказская война» – изжившая себя дефиниция в познании процесса включения Северного Кавказа в состав России / Б. В. Виноградов, В. Б. Виноградов // Вопросы южнороссийской истории / под ред. В. Б. Виноградова и С. Н. Ктиторова. – Москва; Армавир: ОАО «Армавирское полиграфпредприятие», 2006. – Выпуск 11. – С. 46–50.

127. Виноградов, Б. В. Этнополитическая ситуация на Северном-Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.) / Б. В. Виноградов, Ю. В. Приймак. – Армавир: АФ ГОУ КИДПО, 2016. – 186 с.

128. Виноградов, В. Б. Современные аспекты российского кавказоведения (Мозаика новейших публикаций) / В. Б. Виноградов. – Москва; Армавир: ОАО «АПП», 2007. – С. 5–9.

129. Виноградов, В. Б. Эскизы принципов и практики кавказской «российскости» / В. Б. Виноградов, Е. Г. Люфт, Ю. Е. Чарыкова. – Москва; Армавир: ОАО «Армавирское полиграфпредприятие», 2009. – С. 3–8.

130. Гаденко, А. П. Азовское казачье войско (1830–1865 г.) / К. И. Гаденко. – Кашира: Типография В.А. Третьякова, 1912. – 52 с.

131. Дегоев, В. В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век) / В. В. Дегоев. – Москва: Издатель Модест Колеров, 2013. – 256 с.

132. Дударев, С. Л. К вопросу об особенностях менталитета и обычаев казачества в свете взаимоотношений с горцами / С. Л. Дударев // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы седьмой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. – Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2010. – С. 170–181.

133. Дударев, С. Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России / С.Л. Дударев // Известия научно-педагогической кавказоведческой школы В. Б. Виноградова. – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. – Вып. 5. – 30 с.

134. Дударев, С.Л. Похождения крестьянки Анны Солоповой (любовная интрижка, завершившаяся пленом у горцев) / С. Л. Дударев // КАНТ. – Ставрополь, 2016. – № 4 (21). – С. 14–18.

135. Жилаев, Д. В. К вопросу о мотивах и характере эмиграционных процессов на Северо-Западном Кавказе в конце 1820-х – середине 1860-гг. / Д. В. Жилаев // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства

и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара). – Москва; Армавир, 2009. – С. 43–52.

136. Журтова, А. А. Основные подходы к изучению Кавказской войны в современной отечественной историографии / А. А. Жутова // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. – С. 519–525.

137. История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. / редкол.: Б. А. Трехбратов (гл. ред.) и др. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2009. – Т. I. – 452 с.

138. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / под ред. А. Л. Нарочницкого. – М.: Наука, 1988. – 660 с.

139. Кавказоведческая школа В. Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов / под ред. С. Л. Дударева. – Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2013. – 619 с.

140. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. / рук. А. И. Османов. – Махачкала: Юпитер, 2006. – 520 с.

141. Казаков, А. В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры (середина XVI – начало XX в.) / А. В. Казаков. – Нальчик: Эль-фа, 2006. – 405 с.

142. Карпов, Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор / Ю. Ю. Карпов. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2007. – 692 с.

143. Карпов, Ю. Ю. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы / Ю. Ю. Карпов, Е. Л. Капустина. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2011. – 448 с.

144. Керашев, А. Т. Беглые адыги в России в XVIII – начале 60-х годов XIX века / А. Т. Керашев // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). – Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории, 1991. – Выпуск VIII. – С. 227–244.

145. Клычников, Ю. Ю. Казаки-перебежчики в годы «Кавказской войны»: исторические сюжеты / Ю. Ю. Клычников // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы девятой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции / под ред. Н. Н. Великой, С. Н. Лукаша. – Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2014. – С. 71–76.

146. Клычников, Ю. Ю. О некоторых дискуссионных проблемах северокавказской истории глазами исследователей научно-педагогической школы В. Б. Виноградова / Ю.Ю. Клычников // Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18-го семинара кавказоведческой школы В. Б. Виноградова. – Армавир; Ставрополь: Дизайн студия Б, 2013. – С. 5–10.

147. Клычников, Ю. Ю. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев / Ю. Ю. Клычников, С. С. Лазарян. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного университета, 2019. – 90 с.

148. Клычников, Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.) / Ю. Ю. Клычников. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2002. – 494 с.

149. Ключевский, В.О. Русская история: Полный курс лекций. В трёх книгах / В. О. Ключевский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – Книга 2. – 608 с.

150. Кипкеева, З. Б. Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII – XIX вв. / З. Б. Кипкеева. – Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального университета, 2017. – 303 с.

151. Кругов, А.И. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) / А. И. Кругов, М. В. Нечитайлов // История и ее проблемы / *Tarix və onun problemləri*. – 2013. – № 1. – С. 48–53. – URL:

<http://static.bsu.az/w8/Tarix%20ve%20onun%20problem/2013%20%20%201/seh.45-58.pdf> (дата обращения: 09.07.2021).

152. Кокиев, Г. Осетины во II половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера / Г. Кокиев. – Орджоникидзе: Госиздат СО АССР. 1940. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1780-1800/Steder/pred2.htm> (дата обращения: 01.08.2021).

153. Колосовская, Т. А. «Это была война не генеральская»: исторические силуэты офицеров Отдельного Кавказского корпуса / Т.А. Колосовская // Антропология конфликта и мира в культуре народов юга России: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Книга, 2014. – С. 142–151.

154. Короленко, П. П. Горские поселенцы в Черномории / П. П. Короленко // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Эль-фа, 2004. – С. 450–494.

155. Короленко, П. П. Закубанский край (К истории Западного Кавказа) / П. П. Короленко // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Эль-фа, 2004. – С. 296–450.

156. Косвен, М. О. Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы / М. О. Косвен. – Москва: Изд-во восточной литературы, 1961. – 260 с.

157. Космарский А. Нужен им берег турецкий / А. Космарский, А. Зоря. – URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/21/subjects/> (дата обращения: 09.07.2021).

158. Ктиторов, С. Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918) / С. Н. Ктиторов. – Армавир: СКОРИНА, 2002. – 384 с.

159. Кутищев А. В. Дезертирство в европейских армиях в эпоху Людовика XIV и Петра Великого // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики / А. В. Кутищев. – Тамбов, 2018. № 4 (90).– С. 41–45.

160. Лапин, В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. / В. В. Лапин. – Санкт-Петербург: Европейский дом, 2008. – 400 с.
161. Лики российскости: Материалы научно-педагогических семинаров кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. 2009–2010 гг. (семинары №№ 14 и 15) / отв. ред. вып. С. Л. Дударев. – Армавир; Ставрополь: Графа, 2010. – 112 с.
162. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – Москва: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
163. Максимов, С. В. Сибирь и каторга / С. В. Максимов. – Санкт-Петербург: Издание В.И. Губинского, 1900. – 492 с.
164. Матвеев, О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки / О. В. Матвеев. – Краснодар: Эдви, 2015. – 270 с.
165. Матвеев, О. В. К вопросу о службе поляков в Кавказском Линейном казачьем войске / О. В. Матвеев // Вопросы южнороссийской истории. – Москва; Армавир, 2010. – Выпуск 16. – С. 98–107.
166. Матвеев, О. В. В вечное сохранение и напоминание славных имён... (к 100-летию пожалования Вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска) / О. В. Матвеев, Б. Е. Фролов. – Краснодар: ЭДВИ, 2004. – 216 с.
167. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. – 200 с.
168. Миронов, Б. Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX века) / Б. Н. Миронов. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. – 548 с.
169. Новосельцев, А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. Опыт сравнительно-исторического исследования / А. П. Новосельцев. – Москва: Наука, 1980. – 286 с.

170. Остахов, А. А. Черкесская история в современном политическом дискурсе / А. А. Остахов // Археология, этнография, краеведение Северного Кавказа: Материалы 19-й Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир: АФ ГБОУ ККИДППО, 2013. – 180 с.

171. Омаров, А. И. «Горский мир» и «империя»: размышления историка / А. И. Омаров // Вторые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. Сборник статей. – Махачкала: Издательство Дагестанского государственного университета, 2014. – С. 207–210.

172. Переведенцев, В. И. Миграция в ритме времени / В. И. Переведенцев. – Москва: МАКС Пресс, 2010. – 79 с.

173. Перетятыко, А. Ю. Аварская лингвистика в Новочеркасской гимназии 1850–1860-х гг.: опыт инкорпорации кавказских горцев в имперское культурное пространство / А. Ю. Перетятыко, Н. А. Трапш, О. И. Шафранова // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021 Т. 12, № 10 (108). – URL: <https://history.jes.su/s207987840017116-6-1/>. – DOI: 10.18254/S207987840017116-6

174. Письменная, Т. Г. О бегстве староверов на территории северокавказских горцев в первой половине XIX в. / Т. Г. Письменная // Вопросы южнороссийской истории. – Москва; Армавир: Дизайн-студия-Б, 2010. – Вып. 16. – С. 49–53.

175. Петин, С. И. Собственный его императорского величества конвой: Ист. очерк: [С прил.] / сост. С. Петин. – Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1899. – 436 с.

176. Попка, И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях / И. Д. Попка. – Краснодар: Советская Кубань, 1998. – 190 с.

177. Покровский, М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки / М. В. Покровский. – Краснодар: Кн. изд-во, 1989. – 319 с.

178. Потто, В. А. Кавказская война / В. А. Потто. – Ставрополь: Кавказская жизнь, 1994. – Т. 2. – 688 с.
179. Потто, В. А. Кавказская война / В. А. Потто. – Ставрополь: Кавказская жизнь, 1994. – Т. 5. – 400 с.
180. Приймак, Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.) / Ю. В. Приймак. – Армавир: Полипринт, 2011. – 359 с.
181. Пылков, О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.) / О. С. Пылков. – Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2011. – 248 с.
182. Пылков, О. С. К вопросу о причислении «персиян» к линейным казакам в конце XVIII – первой половине XIX вв. / О. С. Пылков // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы десятой Кубанско-Терской научно-практической конференции / под ред. С. Н. Лукаша, А. А. Цыбульниковой. – Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2016. – С. 87–91.
183. Ракович, Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия / Д. В. Ракович. – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900. – 493 с.
184. Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара). – Москва; Армавир: ОАО «АПП», 2009. – 143 с.
185. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика / Л. Л. Рыбаковский. – Москва: Наука, 1987. – 199 с.
186. Рязанцев С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции / С. В. Рязанцев. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2001. – 542 с.
187. Самойлова, С. В. Европейец на Кавказе (Историко-психологические проблемы управления Кавказом в начале XIX века) /

С. В. Самойлова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1995. – № 4. – С. 45–56.

188. Сапрыкина, Е. С. Кавказ и французские путешественники в первой четверти XIX в. / Е. С. Сапрыкина // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. – Москва: Издательский центр Института российской истории РАН, 2016. – Вып. 7. – С. 28–39.

189. Скиба, К. В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии / К. В. Скиба. – Армавир: Армавир. полиграфпредприятие, 2005. – 122 с.

190. Скиба, К. В. Русские кунаки «стального» князя Болотокова / К. В. Скиба // Межэтнические отношения на Северном Кавказе: история и современность. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (4 апреля 2013 г.). – Махачкала: Издательский дом «Наука плюс», 2013. – С. 85–91.

191. Тер-Саркисянц, А. Е. Армяне. История и этнокультурные традиции / А. Е. Тер-Саркисянц. – Москва: Восточная литература, 1998. – 397 с.

192. Тёрнер, Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Ф. Дж. Тёрнер; пер. с англ. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2009. – 304 с.

193. Ткачев, Г. А. Станица Червлённая. Исторический очерк / Г. А. Ткачёв // Сборник общества любителей казачьей старины. – Владикавказ, 1912. – № 7–12. – 223 с.

194. Ткаченко, Д. С. Эпизоды Кавказской войны XIX в. в отражении солдатского фольклора / Д. С. Ткаченко // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: Материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа (23–24 октября 2009 г.). – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2009. – С. 302–309.

195. Ткаченко, Д. С. Кубанские казаки и Черноморья середины XIX в. в представлениях немецкого путешественника Морица Вагнера / Д. С. Тка-

ченко // Мир славян Северного Кавказа / науч. ред. и сост. О. В. Матвеев. – Краснодар: Эдви, 2016. – Вып. 9. – С. 55–66.

196. Ткаченко, Д. С. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...»: Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников) / Д. С. Ткаченко, Т. А. Колосовская. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2011. – 304 с.

197. Толстов, В. История Хопёрского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896 / В. Толстов. – Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900. – 547 с.

198. Толстых, В. В. Нормативно-правовое закрепление понятия «война» в российском и международном праве / В. В. Толстых // Academy. – 2017. – № 3 (18). – С. 57–63.

199. Тумаков, Н. С. Понятие и сущность интеграции: гетерогенные представления / Н. С. Тумаков // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 4–1. – С. 38–43.

200. Урушадзе, А. Т. Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.): посредник, маргинал, предатель // Журнал фронтальных исследований. – Астрахань, 2020. – Т. 5, № 4 (20). – С. 127–151.

201. Фонвиль, А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 гг. / А. Фонвиль. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2010. – 52 с.

202. Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе / Е. Хамар-Дабанов. – Ставрополь: Кн. изд-во БСП, 1986. – 255 с.

203. Хан-Гирей. Бесльный Абат. Сборник газеты «Кавказ» за II полугодие 1847 г. / Хан-Гирей. – Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1848. – С. 120–206.

204. Хлынина, Т. П. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона/ Т. П. Хлынина, Е. Ф. Кринко,

А. Т. Урушадзе. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН, 2012. – 271 с.

205. Ходарковский, М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / М. Ходарковский. – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. – 224 с.

206. Хут, Л. Р. Вхождение Северного Кавказа в состав России в историографических практиках исторической политики (субъективные заметки) / Л. Р. Хут // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, 12 октября 2013 г.). – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. – С. 34–41.

207. Хутыз, К. К. Охота у адыгов: Эколого-этнографический аспект / К. К. Хутыз. – Майкоп: Адыгея, 2001. – 224 с.

208. Цыбульникова, А. А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени / А. А. Цыбульникова. – Армавир: Полипринт ИП Чайка А. Н., 2012. – 236 с.

209. Цыбульникова, А. А. О некоторых аспектах продажи в рабство свободных женщин их родственниками на Северо-Западном Кавказе в XVIII – XIX веках / А. А. Цыбульникова // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: Материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа (23–24 октября 2009 г.). – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2009. – С. 142–146.

210. Черкасов, А. А. Бегство из Черкесии накануне Кавказской войны / А. А. Черкасов, Л. А. Королёва, С. Н. Братановский, М. Шмигель // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2019. – Т. 64. – Вып. 4. – С. 1355–1367.

211. Чирг, А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.) / А. Ю. Чирг. – Майкоп: ООО «Качество», 2002. – 204 с.
212. Шаповалов, А. И. Основы философии и методологии истории / А. И. Шаповалов. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПА, 2011. – 206 с.
213. Шеуджен, А. Х. Земля адыгов / А. Х. Шеуджен, Г. А. Галкин, А. К. Тхакушинов, Н. Е. Алешин, А. А. Кушу, Б. Е. Шеуджен. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. – 1004 с.
214. Шнайдер, В. Г. Немцы Армавира / В. Г. Шнайдер, С. Н. Ктиторов. – Армавир: ООО «Полиграфическое предприятие им. Г. Скорины», 2012. – 680 с.
215. Щербина, Ф. А. История Кубанского Казачьего войска / Ф. А. Щербина. – Краснодар: Краснодарские известия, 2007. – Т. II. – 1000 с.
216. Щербина, Ф. А. История Армавира и черкесогаев / Ф. А. Щербина. – Краснодар, Традиция, 2010. – 336 с.
217. Migration Theory. Talking Across Disciplines / ed. by С. В. Brettell and J. F. Hollifield. – New York; London: Routledge, 2000. – 240 p.
218. Ravenstein, E. The Laws of Migration / E. Ravenstein // Journal of the Statistical Society of London. – 1885. – Vol. 48, No. 2. – P. 167–235.

Диссертации и авторефераты диссертаций

219. Брацун, Е. В. Горцы Северо-Западного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII – XIX вв.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Брацун Егор Васильевич; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2014. – 261 с.
220. Великая, Н. Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье, XVIII – XIX вв.: специальность

07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Великая Наталья Николаевна; Армавирский государственный педагогический институт. – Ставрополь, 2001. – 548 с.

221. Гарунова Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Гарунова Нина Нурмагомедовна; Центр истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2007. – 275 с.

222. Дударев, Д. С. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX в.: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Дударев Дмитрий Сергеевич; Армавирский государственный педагогический университет. – Армавир, 2016. – 243 с.

223. Клычников, Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе: 1827–1840 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Клычников Юрий Юрьевич; Пятигорский государственный технологический университет. – Пятигорск, 2004. – 634 с.

224. Колосовская, Т. А. Российские военные в интеллектуальном освоении Северного Кавказа XVIII – начала XX в.: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Колосовская Татьяна Александровна; Северо-Кавказский федеральный университет. – Ставрополь, 2017. – 523 с.

225. Матвеев, В. А. Российская универалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе: вторая половина XIX в. – 1917 г.: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Матвеев Владимир Александрович; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2013. – 615 с.

226. Матвеев, О. В. Историческая картина мира кубанского казачества: особенности военно-сословных представлений (конец XVIII – начало XX в.): специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Матвеев Олег Владимирович; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2009. – 618 с.

227. Приймак, Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России: конец XVII – первая треть XIX в.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Приймак Юрий Владимирович; Армавирская государственная педагогическая академия. – Москва, 2013. – 529 с.

228. Прокудин, К. А. Горские народы Северного Кавказа на государственной службе в Российской империи (XIX век): специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Прокудин Константин Александрович; Северо-Кавказский федеральный университет. – Ставрополь, 2013. – 274 с.

229. Ракачёв, Д. Н. Местное и пришлое население на Северо-Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Ракачёв Дмитрий Николаевич; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2006. – 23 с.

230. Салчинкина, А. Р. Кавказская война 1817–1864 гг. и психология комбатантства: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Салчинкина Ангелина Ростиславовна; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2005. – 27 с.

231. Скибицкая, И. М. Завершение Кавказской войны (1860–1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата ис-

торических наук / Скибицкая Ирина Михайловна; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2011. – 312 с.

232. Ткаченко, Д. С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в.: на материалах Северо-Кавказского региона: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Ткаченко Дмитрий Сергеевич; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2006. – 597 с.

233. Урушадзе, А. Т. Взаимодействие культур на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Урушадзе Амиран Тариелович; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2011. – 203 с.

234. Цыбульникова, А. А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX вв.: Специфика повседневной жизни в условиях военного времени: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Цыбульникова Анастасия Александровна; Армавирский государственный педагогический институт. – Армавир, 2004. – 210 с.